

Тосикадзу Кавагути
Пока не остыл кофе
Toshikazu Kawaguchi
Before the Coffee Gets Cold

© 2015 by Toshikazu Kawaguchi. Originally published in Japan as COFFEE
GA SAMENAI UCHINI by Sunmark Publishing, Inc., Tokyo, Japan in 2015.

© Перевод на русский язык ООО Издательство «Питер», 2020

© Издание на русском языке, оформление ООО Издательство «Питер»,
2020

История I. Влюбленные

– О боже, который час?! Извини, но мне надо идти... – уклончиво про-
бормотал мужчина, пытаясь дотянуться до сумки.

– Правда?.. – спросила женщина.

Она растерянно посмотрела на него. Она не услышала от него слов, что все кончено. Он называл ее своей девушкой в течение двух последних лет, а вчера пригласил встретиться для серьезного разговора... и внезапно объявил о том, что собирается работать в Америке. Он сказал, что должен уехать немедленно – в течение нескольких часов. Теперь она поняла, что серьезный разговор, которого ожидала она, так и не состоится. Глупо было думать – даже надеяться – на то, что под серьезным разговором понималось что-то вроде «ты выйдешь за меня замуж?».

– Что? – сухо переспросил мужчина.

Он не смотрел ей в глаза.

– Разве я не заслуживаю какого-то объяснения?

Женщина говорила в вопросительном тоне, который особенно раздражал его. Кафе, где они встретились, находилось в подвале, здесь не было ни одного окна. Тусклый свет излучали шесть затененных ламп, свисающих с потолка, и единственный настенный светильник рядом со входом. Они окрашивали интерьер кафе в оттенок сепия. Здесь все время царил бежевый полумрак, и никогда нельзя было понять, день на дворе или ночь.

На стене висели трое больших антикварных часов. Все они показывали разное время. Было ли это частью концепции кафе или механизмы сломались от старости, посетители не знали. Мужчина посмотрел на часы у себя на запястье и начал нервно тереть пальцами лоб над правой бровью, его губы подрагивали.

Женщина вдруг почувствовала, что его лицо, еще недавно такое любимое, теперь вызывает у нее раздражение.

– Почему ты так смотришь?.. Будто я причиняю тебе боль?! – выпалила она.

– Я ничего такого не думаю, – ответил он смущенно.

– Нет, думаешь, – настаивала она.

Поджав губы, он отвел глаза и ничего не ответил.

Безразличное поведение мужчины продолжало выводить женщину из себя.

– Ты хочешь, чтобы я тебе все высказала? – нервно усмехнулась она.

Женщина отхлебнула кофе, он остыл и казался приторным. Это еще сильнее испортило ей настроение.

Мужчина снова посмотрел на часы. Ему срочно нужно было уходить. Пытаясь собраться с мыслями, он опять потер лоб над бровью.

Его вид все сильнее раздражал ее. Она резко поставила чашку на стол. Чашка звякнула о блюдец...

Дзинь!

Громкий звук заставил мужчину вздрогнуть. Пальцы, касавшиеся бровей, начать нервно перебирать волосы. Затем он с глубоким вдохом откинулся на спинку стула и посмотрел на нее в упор. Его взгляд стал безразличным.

Выражение лица мужчины изменилось так неожиданно, что женщина отпрянула назад. Она опустила глаза и уставилась на свои руки, стиснутые на коленях.

Мужчина торопился и не мог дожидаться, когда женщина взглянет на него.

– В общем, послушай... – начал он.

Нежный шепот остался в прошлом, его голос звучал сдержанно и спокойно.

Казалось, что женщина изо всех сил пытается задержать его следующую фразу, поэтому она спросила первой:

– Почему бы тебе просто не уйти?

Теперь она не хотела слышать никаких объяснений.

Сбитый с толку, мужчина сидел неподвижно.

– Тебе пора идти, не так ли? – спросила она с нетерпением.

Он удивленно посмотрел на нее, как будто не понял, о чем речь.

Женщина вдруг сама застеснялась того, как по-детски обиженно прозвучали ее слова, поэтому отвела взгляд и прикусила губу. Мужчина молча встал со стула и подошел к официантке, стоявшей за барной стойкой.

– Я хочу оплатить счет.

Мужчина попытался взять счет, но женщина остановила его.

– Я задержусь тут еще немного...

«...и сама заплачу», – намеревалась она сказать, но он уже направлялся к кассе.

– Давай заплатим пополам.

– Я сказал – предоставь это мне.

Даже не взглянув на нее, он вытащил из бумажника банкноту в тысячу йен.

– Сдачу оставьте себе, – сказал он, передав официантке деньги вместе со счетом за кофе. Мужчина на пару секунд повернулся к женщине, его лицо было печальным. Он взял сумку и вышел прочь.

Дзинь-дзинь

* * *

– ...И это произошло неделю назад, – сказала Фумико Киёкава.

Верхняя часть ее тела медленно обмякала, как сдувающийся шарик. Уронив голову на стол, она каким-то чудом не задела чашку кофе, стоящую перед ней.

Официантка за кассой и клиентка молча слушали историю Фумико и переглядывались. Девушка подробно описала эпизод, произошедший в кафе неделю назад.

Еще в средней школе она успела овладеть шестью языками. Потом блестяще окончила университет Васеда и получила работу в крупной токийской фирме, специализирующейся на информационных технологиях в медицине. Она была воплощением умной и честолюбивой женщины.

Сегодня Фумико была одета в деловой костюм – белую блузку, черную юбку и пиджак. Судя по всему, она зашла сюда по пути с работы.

Девушка была по-настоящему эффектной – лицо поп-звезды с великолепными скульптурными чертами и маленьким ртом, сияющие черные волосы до плеч, идеальные пропорции тела, которые легко угадывались под строгим костюмом. Она была похожа на модель из модного журнала. Фумико сочетала в себе ум и красоту. Однако она редко думала о себе так.

Фумико жила только своей работой. Конечно, это не значило, что у нее никогда не было отношений. Просто она не привязывалась к мужчинам по-настоящему.

«Моя работа и есть мой любовник»,

– могла бы сказать о себе Фумико.

Мужчину звали Горо Катада. Горо был на три года младше Фумико, он работал системным инженером в небольшой компании, связанной с медициной. Они познакомились два года назад, выполняя совместный проект для клиента. После у них завязались отношения.

Неделю назад Горо попросил Фумико встретиться с ним для «серьезного разговора». Она спешила на свидание. Элегантное светло-розовое платье

средней длины, бежевое весеннее пальто и белые туфли. Мужчины провожали ее долгими взглядами. Как настоящему трудоголику Фумико были привычнее деловые костюмы, их она и надевала на свидания с Горо. Ведь обычно они встречались после работы.

Однако в этот раз Горо сказал, что их ждет
«серьезный разговор»,

и Фумико чувствовала важность момента. В предвкушении встречи она купила особенный наряд для особенного случая.

В кафе, которое они выбрали для свидания, их ждал неприятный сюрприз. Дверь оказалась запертой, а табличка на окне гласила: «Закрывается по непредвиденным обстоятельствам».

Фумико и Горо решили поискать поблизости подходящее для свидания кафе. Они заметили его по маленькой вывеске в тихом переулке. Кафе располагалось в подвале, оценить его интерьер с улицы было невозможно. Но Фумико привлекло название, оно напоминало слова из песни, которую она любила в детстве. Они спустились по лестнице.

Девушка пожалела о своем решении, как только заглянула внутрь. Помещение оказалось меньше, чем она себе представляла, – три места у барной стойки и три столика на двоих в зале.

Их серьезный разговор услышат все вокруг, если только они не понизят голос до шепота. И полумрак, царящий здесь, тоже совсем ей не нравился.

Место для сомнительных сделок...

Таким было первое впечатление Фумико от кафе. Стараясь обезопасить себя от чужих глаз и ушей, она быстро прошла к свободному столику и села. В кафе было еще три посетителя и официантка.

За самым дальним столом сидела женщина в белом платье с короткими рукавами и читала книгу. За ближайшим к входу столом расположился мужчина. На столе перед ним лежал раскрытый журнал о путешествиях, мужчина что-то записывал в маленький блокнот. У стойки сидела женщина, одетая в ярко-красную блузку и зеленые легинсы. В волосах у нее были бигуди, на спинке стула висело кимоно без рукавов. Женщина мельком взглянула на Фумико и широко улыбнулась ей. Иногда во время разговора Фумико и Горо женщина переговаривалась с официанткой и безудержно хохотала.

* * *

Сейчас, услышав рассказ Фумико, женщина в кудряшках сказала: «Да,

понимаю...» На самом деле она ничего не понимала – она просто ждала продолжения. Женщину в кудряшках звали Иеко Хирай. Она была завсегдатаем кафе, ей недавно исполнилось 30 лет, и она владела снэк-баром по соседству. Хирай всегда заходила сюда пропустить чашечку кофе перед работой. У нее по-прежнему были бигуди в волосах, но сегодня она надела желтый топ, ярко-красную мини-юбку и фиолетовые легинсы. Женщина сидела, закинув ногу на ногу, на стуле у барной стойки и слушала Фумико.

– Это было неделю назад. Ты разве не помнишь?

Фумико встала и посмотрела через барную стойку на официантку.

– Хммм... да, – смущенно ответила официантка, избегая взгляда Фумико.

Официантку звали Казу Токита. Казу была двоюродной сестрой владельца кафе. Она подрабатывала официанткой после занятий в Университете искусств. Девушка была довольно симпатичной, со смуглой кожей и миндалевидными глазами, но неприметной. У нее не было друзей, но это ее мало заботило. Казу была из тех людей, которые считают любые отношения обузой.

– Итак... что там с ним? Где он сейчас? – спросила Хирай.

Она вертела в руках кофейную чашку, демонстрируя абсолютное безразличие к происходящему.

– Он уехал в Америку, – с возмущением ответила Фумико.

– Твой парень предпочел работу тебе? – спросила Хирай, даже не взглянув на Фумико.

У Хирай был дар добираться до сути дела.

– Нет, это не так! – с жаром возразила Фумико.

– Почему? Он уехал в Америку, не так ли? – не унималась Хирай.

– Разве ты не поняла то, что я тебе объясняла? – резко бросила Фумико.

– Что именно?

– Я хотела кричать «не уходи», но была слишком гордой, чтобы произнести это вслух.

– Немногие женщины поступили бы также! – Хирай захихикала и так сильно отклонилась назад, что потеряла равновесие и едва не упала со стула.

Фумико проигнорировала реакцию Хирай.

– А ты поняла? – спросила Фумико, ища поддержки у Казу.

Казу сделала вид, что на мгновение задумалась.

– Вы говорите, что не хотели, чтобы он уезжал в Америку, верно?

Казу попала в самую точку.

– Ну, в общем-то, я думаю... Нет, я не говорила. Но...

– Тебя и правда трудно понять, – весело сказала Хирай, слушая Фумико, пытавшуюся дать ответ.

Если бы Хирай оказалась на месте Фумико, она бы точно разревелась. Она бы закричала:

«Не уходи!»

Конечно, это были бы крокодиловы слезы. Слезы – это женское оружие. Так считала Хирай.

Фумико повернулась к Казу. Ее глаза блестели от слез.

– В любом случае я хочу, чтобы ты перенесла меня обратно в тот день... в тот день неделю назад! – попросила Фумико абсолютно серьезно.

Хирай первой отреагировала на эту безумную просьбу о путешествии во времени.

– Она говорит, на неделю назад... – Хирай вскинула брови и посмотрела на Казу.

Чувствуя смущение, Казу пробормотала: «О...» – и больше ничего не добавила.

Несколько лет назад кафе приобрело известность благодаря городской легенде, которая гласила, что оно может возвращать людей в прошлое. Фумико не интересовалась подобными вещами. Неделю назад она оказалась здесь совершенно случайно. Но прошлым вечером Фумико щелкала пультом телевизора и наткнулась на одно ток-шоу. Ведущий рассказывал о городских легендах, и тогда Фумико как громом поразило, она вспомнила.

Кафе, которое переносит тебя в прошлое.

«Если я вернусь в прошлое, я смогу все исправить. Возможно, я смогу еще раз поговорить с Горо».

Она начала проговаривать про себя это странное желание снова и снова. Одержимая им, Фумико потеряла всякую способность разумно рассуждать.

На следующее утро она пошла на работу, забыв даже позавтракать. На работе ее мысли витали где-то далеко. Она просто отсиживала положенное время.

«Я лишь хочу попробовать».

Фумико хотела проверить достоверность легенды прямо сейчас и ни секундой позже. Ее рабочий день превратился в длинную череду досадных оплошностей. Она была такой невнимательной, что один из коллег поинтересовался, все ли у нее в порядке. К концу дня Фумико уже совсем не могла думать о работе.

Она потратила полчаса, чтобы добраться на поезде до кафе. Последний

этап пути от ближайшей станции она преодолела бегом. Затаив дыхание, Фумико подошла к Казу.

– Пожалуйста, отправь меня в прошлое! – взмолилась она вместо ответа на приветствие.

Она не могла успокоиться, пока не закончила свои объяснения. Но теперь, глядя на реакцию двух женщин, Фумико чувствовала себя глупо.

Хирай продолжала смотреть на странную посетительницу с ухмылкой, а Казу была холодна и избегала встречаться глазами с Фумико.

«Если бы возвращение в прошлое было правдой,

я

думаю, это место привлекало бы толпы народу».

Но единственными посетителями в кафе были женщина в белом платье, мужчина с туристическим журналом, Хирай и Казу – все те же лица, что и неделю назад.

– Ведь здесь можно вернуться в прошлое? – переспросила Фумико с волнением.

Наверное, было бы разумно начать именно с этого вопроса.

– Да или нет? – переспросила Фумико, глядя в упор на Казу. Отвечая, Казу, как и прежде, отводила взгляд.

– Хмм...

Даже такой ответ воодушевил Фумико. Она не услышала отказ.

– Пожалуйста, отправь меня обратно в прошлое!

– Ты хочешь вернуться и сделать что? – спросила Хирай в паузе между глотками прохладного кофе.

– Я бы загладила свою вину, – лицо Фумико было серьезным.

– Понимаю... – сказала Хирай, пожимая плечами.

– Я прошу тебя! – Фумико почти кричала.

Лишь недавно у нее возникла идея выйти замуж за Горо. В этом году Фумико исполнилось 28 лет, и ее настырные родители, живущие в Хакода-те, донимали ее вопросами:

«Ты все еще не думаешь о замужестве?», «Разве ты еще не встретила хорошего парня?».

Давление родителей усилилось в прошлом году, когда ее 25-летняя младшая сестра вышла замуж. Теперь оно достигло такой степени, что Фумико еженедельно получала из дома электронные письма с вопросами о замужестве. Кроме сестры, у нее также был 23-летний младший брат. Он женился на девушке из родного города после ее незапланированной беремен-

ности.

Фумико не торопилась вступать в брак. Но после того как младшая сестра вышла замуж, ход мыслей девушки немного изменился.

Хирай вытащила сигарету из своей сумки с леопардовым принтом.

– Может, тебе лучше объяснить ей все как следует... как ты думаешь? – произнесла она деловито, прикуривая.

– Похоже, что придется, – ответила Казу монотонным голосом, встав за стойкой прямо напротив Фумико. Она посмотрела на нее мягким и добрым взглядом, будто утешала плачущего ребенка.

– Смотри... Я хочу, чтобы ты выслушала и выслушала внимательно... ладно?

– Да, что именно? – Фумико напряглась.

– Ты можешь вернуться в прошлое. Это правда... ты можешь вернуться, но...

– Что «но»?

– Что бы ты ни сделала в прошлом, настоящее не изменится.

Настоящее не изменится.

Фумико была совершенно не готова к тому, что услышала, – она просто не могла с этим смириться.

– Что это значит? – переспросила она громко.

Казу спокойно продолжила.

– Даже если ты вернешься в прошлое и скажешь своему... эм, парню, который поехал в Америку, что ты чувствуешь к нему...

– Даже если я скажу ему, что я чувствую?

– Твое настоящее не изменится.

– Что?!

Фумико в отчаянии заткнула уши. Но Казу уже произнесла слова, которые Фумико меньше всего хотела услышать.

– Это не изменит того факта, что он уехал в Америку.

По всему телу Фумико прокатилась дрожь.

Несмотря на внешнюю отрешенность, в голосе Казу слышалось сочувствие:

– Даже если ты вернешься в прошлое, откроешь свои чувства и попросишь его не уезжать, это не изменит твоего настоящего...

– Но тогда возвращение в прошлое становится бессмысленным, тебе не кажется? – громко и с вызовом спросила она.

– Эй, полегче... давай не будем стрелять в гонца, принесшего плохую весть, – вмешалась Хирай. Она затянулась сигаретой, совершенно не уди-

вившись реакции Фумико.

– Почему? – Фумико с мольбой посмотрела на Казу.

– Почему?.. Я скажу тебе почему, – начала Казу, – потому что таковы правила.

Обычно в фильмах или романах о путешествиях во времени есть некое правило, гласящее: «Не

вмешивайся в то, что может изменить настоящее».

Например, если вернуться в прошлое и помешать чьим-то родителям пожениться или встретиться, это сотрет обстоятельства рождения человека, и он исчезнет в настоящем.

Таков был стандартный сюжет большинства историй о путешествиях во времени, известных Фумико, поэтому она верила, что если ты меняешь прошлое, то меняешь и настоящее. Именно поэтому она хотела вернуться в прошлое и сделать все заново. А теперь ей сказали, что это пустые мечты.

Фумико хотела получить понятное объяснение, почему

в прошлом ты не можешь сделать ничего, что изменит настоящее.

А Казу просто твердила, что

таковы правила.

Она смеялась над Фумико, дразнила ее? Или речь шла о сложной концепции, которую невозможно объяснить? Или просто...

таковы правила.

Возможно, Казу тоже не понимала причины. Ее невозмутимость, похоже, свидетельствовала именно об этом.

Кажется, Хирай забавляло выражение лица Фумико.

– Не повезло, – сказала она, выдыхая шлейф дыма.

Хирай произнесла эту фразу еще раньше – до того как Фумико начала объяснять, – и с тех пор ждала случая, чтобы повторить.

«Но... почему?» Фумико почувствовала, что силы оставляют ее. Она опустилась на стул, но внезапно ее озарило. Фумико вспомнила, что читала об этом кафе в журнале. Статья называлась

«Разоблачение "Кафе путешествий во времени", ставшего известным благодаря городской легенде».

В ней писали, что кафе называлось «Фуникули Фуникула». Оно славилось ежедневными длинными очередями из желающих путешествовать во времени. Однако автору статьи не удалось найти никого, кто действительно возвращался бы в прошлое. Причина заключалась в нелепых правилах, которые следовало соблюдать. Первое правило гласило:

единственные люди, с которыми ты можешь встретиться в прошлом,

это посетители кафе.

Второе:

вы не можете сделать в прошлом ничего, что изменит настоящее.

Когда владельцев кафе спросили, почему существуют эти правила, они ответили, что и сами не знают.

В заключение автор статьи писал, что есть и другие правила, которые следует соблюдать тем, кто решится на путешествие в прошлое, но что это за правила, не уточнял.

Фумико очнулась. Хирай продолжала беззаботным голосом объяснять правила. Фумико уронила голову на столешницу, взгляд ее вдруг привлекла сахарница. Она удивилась, почему в кафе не использовали кубики сахара, но не стала фокусироваться на этой мысли и продолжила слушать Хирай.

– Дело не только в этих правилах. Есть только одно место, которое позволяет тебе вернуться в прошлое, понимаешь? И находясь уже в прошлом, ты не можешь покинуть это место, – подытожила Хирай. – Что там еще было? – спросила она Казу.

– Есть ограничение по времени, – сказала Казу, продолжая пристально разглядывать бокал, который протирала.

– И сколько можно находиться в прошлом? – спросила Фумико. Она приподняла голову. Казу лишь слегка улыбнулась и кивнула в ответ.

Хирай присела за ее столик.

– Честно говоря, услышав эти правила, почти никто уже больше не хотел возвращаться в прошлое, – сказала она с явным наслаждением. Хирай действительно получала огромное удовольствие, глядя на Фумико.

– Давненько мы не видели такого посетителя, как ты, – того, кто так упорствует в своем заблуждении вернуться назад.

– Хирай, – резко оборвала ее Казу.

– Жизнь не подается на блюдечке с голубой каемочкой. Почему бы тебе не отказаться от этой идеи? – произнесла Хирай и явно собиралась продолжить тираду.

– Хирай, – еще настойчивее повторила Казу.

– Нет... Нет, я думаю, что лучше четко обозначить это, правда?

Хирай расхохоталась.

Ее слова совсем расстроили Фумико. Она снова уронила голову на столешницу.

Вдруг на весь зал раздалось:

– Можно мне еще кофе? – это спросил мужчина с туристическим журналом, сидящий за столиком у входа.

– Да... разумеется, – звонко ответила Казу.

Дзинь-дзинь

– Привет! – на все кафе прозвучал голос Казу.

В кафе вошла светлокожая женщина. Она была одета в бежевый кардиган, прикрывавший короткое платье бледно-голубого цвета. На ней были малиновые кроссовки, а в руках белая сумочка. Глаза женщины блестели, как у маленькой девочки.

– Привет, Казу!

– Сестренка! Привет!

Казу называла ее своей сестрой, но на самом деле она была женой ее двоюродного брата. Ее звали Кей Токита.

– Похоже, вишня отцвела, – улыбнулась Кей. Она не испытывала ни малейшего сожаления об увядших цветах.

– Да, деревья теперь выглядят голыми, – вежливо поддержала разговор Казу. Ее тон был ровным, но не таким официальным, как при общении с Фумико. Голос теперь звучал мягче, походя на голубиное воркование.

– Добрый вечер, – сказала Хирай, встав с места за столиком Фумико и направившись к барной стойке. Казалось, что ей больше не интересно смеяться над несчастьями Фумико.

– Где ты была? – спросила Хирай.

– В больнице.

– Зачем? Просто обычный прием?

– Да.

– У тебя сегодня здоровый цвет лица.

– Да, я чувствую себя хорошо.

Оглядываясь на Фумико, все еще без сил распластанную по столешнице, Кей с любопытством наклонила голову. Хирай слегка кивнула, и в этот момент Кей скрылась в подсобном помещении.

Дзинь-дзинь

Вскоре после того как Кей исчезла в подсобке, в дверном проеме показался крупный мужчина. Он был одет в легкую форменную куртку шеф-повара, в белые пиджак и рубашку и черные штаны. В его правой руке зазвела огромная связка ключей.

Его звали Нагаре Токита, и он был владельцем этого кафе.

– Добрый вечер, – поприветствовала Казу.

Нагаре кивнул в ответ и перевел взгляд на мужчину с журналом, сидящего за столиком у входа.

Казу исчезла на кухне, чтобы долить кофе в пустую чашку Хирай.

Нагаре стоял перед человеком, погруженным в свой журнал.

– Фусаги, – мягко произнес он.

Но мужчина по имени Фусаги не отреагировал, как будто не заметил, что его позвали. Затем он медленно посмотрел на Нагаре.

Нагаре вежливо кивнул и сказал:

– Привет!

– О, привет, – сухо отрезал Фусаги и немедленно вернулся к чтению журнала. Некоторое время Нагаре продолжал стоять там, глядя на Фусаги.

– Казу, – позвал он.

– Что? – ответила Казу, высунув лицо из кухни.

– Позвони Котакэ, пожалуйста.

Эта просьба на миг озадачила Казу.

– Да, потому что она его ищет, – сказал Нагаре, повернувшись к Фусаги.

Казу поняла, что он имел в виду.

– Да... Обязательно, – ответила она.

Налив добавку кофе Хирай, она исчезла в подсобке, чтобы позвонить.

Нагаре краем глаза посмотрел на Фумико, лежащую головой на столешнице, подошел к барной стойке и взял с полки стакан. Он достал пачку апельсинового сока из холодильника под стойкой, наполнил стакан и выпил залпом.

Затем Нагаре пошел в кухню, чтобы помыть стакан. Через мгновение раздался стук ногтей по барной стойке.

Нагаре выглянул из кухни.

Хирай подозвала его жестом руки. Нагаре тихо подошел с еще мокрыми руками. Хирай склонилась над стойкой.

– Как все прошло? – шепотом спросил она у Нагаре, ищущего салфетки.

– Хмм... – пробормотал он. Возможно, это и был ответ на вопрос или же просто недовольство отсутствием салфеток. Хирай еще больше понизила голос.

– Каковы результаты обследования?

Не ответив на вопрос, Нагаре быстро почесал нос.

– Плохие? – спросила Хирай, помрачнев. Лицо Нагаре оставалось каменным.

– Посмотрев результаты, они решили, что ее не нужно госпитализировать, – объяснил Нагаре так тихо, будто говорил сам с собой.

Хирай тихо вздохнула.

– Понимаю... – сказала она и оглянулась на подсобку, где была Кей.

Кей родилась со слабым сердцем. Полжизни она провела в больницах. Тем не менее, благодаря своему дружелюбному и легкому характеру, Кей всегда умела улыбаться, как бы плохо она себя ни чувствовала. Хирай отлично знала эту особенность Кей. Вот почему она спросила Нагаре.

Нагаре наконец-то нашел салфетки и вытер руки.

– А как твои дела, Хирай? Все в порядке? – спросил он, сменив тему.

Хирай не сразу поняла, о чем спрашивал Нагаре. Ее глаза расширились.

– Что ты имеешь в виду? – переспросила она.

– Твоя сестра опять приехала повидаться с тобой, не так ли?

– Ну да, – неопределенно ответила Хирай, с преувеличенным интересом рассматривая интерьер кафе.

– У твоих родителей есть гостиница, верно?

– Да, верно.

Нагаре не знал подробностей, но слышал, что когда Хирай покинула родительский дом, управление гостиницей перешло к ее сестре.

– Это, должно быть, тяжело для твоей сестры – управлять гостиницей в одиночку.

– Нет, она хорошо справляется. У моей сестры отличные мозги для такой работы.

– Но все же...

– Прошло слишком много времени. Я уже не могу вернуться домой.

Хирай вытащила из своей сумки с леопардовым принтом большой бумажник, который был так велик, что скорее походил на словарь. Она начала рыться в нем, зазвенели монеты.

– Почему нет?

– Даже если бы я вернулась домой, я бы ничем не смогла помочь, – сказала Хирай, склонив голову и жалко улыбнувшись.

– Но... – казалось, что Нагаре собирался что-то сказать.

– В любом случае, спасибо за кофе. Мне нужно идти, – заявила Хирай, оборвав Нагаре на полуслове. Она положила деньги на стойку, встала и вышла из кафе, будто сбегая от этого разговора.

Дзинь-дзинь

Собирая мелочь за кофе, оставленную Хирай, Нагаре взглянул на Фумико. Но это был всего лишь мимолетный взгляд. Похоже, его не очень интересовала женщина, уронившая голову на столик. Он собрал все монеты и начал перебирать их в руках.

– Привет, брат... – появилось в проеме лицо Казу. Она звала Нагаре

«брат», но он не был ее родным братом, а лишь кузеном.

– Что?

– Сестра зовет тебя.

Нагаре осмотрел кафе.

– Хорошо, иду, – сказал он и положил монеты в руку Казу.

– Котакэ сказала, что немедленно приедет, – сообщила Казу.

Нагаре кивнул.

– Присмотри за кафе, ладно? – попросил он и исчез в подсобке.

– Хорошо, – ответила она.

Единственными посетителями в кафе были женщина, читающая роман, Фумико, лежащая на столике, и Фусаги, делавший заметки из туристического журнала. Положив мелочь за кофе в кассу, Казу помыла чашку, оставленную Хирай. Старинные часы на стене издали пять долгих гулких ударов.

– Кофе, пожалуйста.

Фусаги окликнул Казу, стоящую за барной стойкой, и поднял руку с пустой чашкой. Ему так и не принесли добавку, о которой он просил.

– Ах да! – воскликнула Казу, вспомнив о заказе, и поспешила обратно на кухню. Она вышла с прозрачным стеклянным графином, полным кофе.

* * *

– Пусть будет так... – пробормотала Фумико, все еще распластавшись на столешнице.

Наливая кофе для Фусаги, Казу следила за Фумико краем глаза.

– Я смогу жить даже с этим, – Фумико внезапно выпрямилась на стуле.

– Нестрашно, если ничего не изменится. Пусть все остается как есть, – Фумико резко встала со стула и подошла к Казу, вторгшись в ее личное пространство. Осторожно поставив кофейную чашку перед Фусаги, Казу нахмурила брови и отступила на пару шагов назад.

– Ах... – выдохнула она.

Фумико подошла еще ближе.

– Так, перенеси меня... на неделю назад!

В ее тоне больше не было даже намека на неуверенность. Как будто все ее сомнения улетучились в мгновение ока. Она испытывала восторг лишь от одной мысли о шансе вернуться в прошлое. Ее ноздри подрагивали от возбуждения.

– Но...

Почувствовав дискомфорт от напора Фумико, Казу вернулась за стойку

в поисках убежища.

– Еще одно важное правило... – начала она.

Фумико вскинула брови от возмущения.

– Что?! Это еще не все правила? – воскликнула она.

Ты не можешь встречаться с людьми, которые не посещали это кафе. Настоящее не может быть изменено. Есть только одно место, которое перенесет тебя в прошлое, и ты не можешь покинуть его. Затем есть ограничение по времени.

Фумико загибала пальцы, перечисляя правила, и приходила в крайнее раздражение.

– Возможно, это правило будет самым проблематичным для соблюдения.

От новости о существовании еще одного,

самого проблематичного правила

Фумико почувствовала, что сейчас взорвется.

Тем не менее она сдержалась.

– Хорошо, я согласна... Давай, говори мне его, – заявила она, сложив руки.

Казу открыла рот, будто собираясь

уже все сказать,

но затем скрылась в кухне, чтобы отнести графин с кофе.

Оставшись одна, Фумико попыталась успокоиться и собраться с мыслями. Сначала ее целью было вернуться в прошлое, чтобы как-то удержать Горо от поездки в Америку.

«Удержать от поездки» звучит плохо, но если бы она призналась в том, что не хочет, чтобы Горо уезжал,

он мог бы сам все отменить. И тогда, наверное, они бы никогда не расстались. В любом случае, вернуться в прошлое она хотела, чтобы *изменить настоящее.*

Но если этого нельзя было сделать, то Горо уезжал в Америку, и никак нельзя было предотвратить разрыв их отношений. Несмотря ни на что, Фумико страстно желала вернуться в прошлое. Все, что она хотела сделать, – это вернуться и посмотреть, получить этот фантастический опыт путешествия во времени.

Она не знала, хорошо или плохо ей будет.

А вдруг будет хорошо, и как это вообще может быть плохо?

Фумико сделала глубокий вдох, и Казу вернулась. Лицо Фумико застыло, как у обвиняемого в ожидании приговора суда. Казу стояла за барной

стойкой.

Но если этого нельзя было сделать, то Горо уезжал в Америку, и никак нельзя было предотвратить разрыв их отношений. Несмотря ни на что, Фумико страстно желала вернуться в прошлое. Все, что она хотела сделать, – это вернуться и посмотреть, получить этот фантастический опыт путешествия во времени.

Она не знала, хорошо или плохо ей будет.

А вдруг будет хорошо, и как это вообще может быть плохо?

Фумико сделала глубокий вдох, и Казу вернулась. Лицо Фумико застыло, как у обвиняемого в ожидании приговора суда. Казу стояла за барной стойкой.

– Возвращение в прошлое возможно только в том случае, если сидеть на определенном месте в этом кафе, – произнесла она.

– Какое именно место? Где мне сесть? – выпалила она и оглянулась вокруг так стремительно, что хрустнули шейные позвонки.

Игнорируя реакцию Фумико, Казу повернула голову и уставилась на женщину в белом платье.

Поймав направление взгляда Казу, Фумико последовала за ним и также уставилась на незнакомку.

– Вот это место, – прошептала Казу.

– Вот это? То, на котором сидит женщина? – прошептала Фумико через стойку.

– Да.

Фумико подошла к женщине. Белая, почти прозрачная кожа резко контрастировала с длинными черными волосами. Несмотря на прохладную весеннюю погоду, женщина была одета в платье с короткими рукавами. Что-то странное было во всем ее облике. Немного помедлив, Фумико обратилась к незнакомке:

– Извините, вы не возражаете, если мы поменяемся местами? – спросила она, сдерживая нетерпение. Ей казалось, что она говорит вежливо и тактично, но женщина в платье никак не отреагировала. Казалось, она даже не слышала обращенной к ней просьбы. Фумико почувствовала себя обескураженной. В редких случаях человек может быть настолько увлечен книгой, чтобы не слышать окружающие голоса и звуки. Фумико подумала, что это, должно быть, и есть тот самый случай.

Она снова попыталась заговорить:

– Эй?.. Вы меня слышите?

Но женщина в платье опять не ответила.

– Ты зря тратишь время, – неожиданно раздался голос за спиной Фуми-

ко. Это была Казу. Фумико потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что Казу имела в виду, говоря ей,
что она зря тратит время...

«Я только хотела, чтобы она уступила мне место. Почему я зря трачу время? Или я зря трачу время на вежливые просьбы? Погоди, или это еще одно правило? Должна ли я сначала узнать это правило? Если это так, думаю, она могла бы сказать что-то более толковое, чем просто "ты зря тратишь время" ...»

Все эти мысли пронеслись в голове Фумико. Вслух же она задала один простой вопрос:

– Почему?

Казу посмотрела на Фумико в упор.

– Потому что эта женщина... призрак, – ответила она твердо.

«Призрак? Настоящий стонущий и вопящий призрак? Тот самый призрак, который появляется под плакучей ивой летом? Девушка только что сказала... или, может, я что-то не так поняла? Или что значит "призрак"?»

Фумико совсем запуталась.

– Призрак? – Да.

– Ты издеваешься надо мной?

– Нет, говорю как есть, она призрак.

Фумико была в замешательстве. Ее не очень-то волновал вопрос, существуют ли призраки. Пусть существуют. Но она не могла смириться с тем, что призраком была сидящая перед ней женщина в платье. Она казалась слишком реальной.

– Послушайте, я же ясно...

– ...видите ее, – закончила предложение Казу.

Фумико была сбита с толку.

– Да, и...

Машинально Фумико протянула руку к плечу женщины в платье.

– До нее можно дотронуться, – Казу снова угадала ход мыслей Фумико.

Фумико положила руку на плечо женщины. Она чувствовала плечо женщины и ее платье, покрывающее мягкую кожу. Она не могла поверить в то, что это призрак.

Фумико осторожно убрала руку. И снова положила ее на плечо женщины. Она повернулась к Казу, как бы говоря ей:

«Я могу прикоснуться к ней; называть этого человека призраком –

просто безумие!»

Но лицо Казу не выражало никаких эмоций.

– Она – призрак.

– Правда? Призрак?

Фумико прижалась своим лбом ко лбу женщины и бесцеремонно заглянула ей в глаза.

– Да, – ответила Казу с полной уверенностью.

– Ни за что. Я просто не могу в это поверить.

Если бы женщина парила над землей, и Фумико могла видеть ее, но не могла прикоснуться, это было бы хоть немного правдоподобным. Но к ней можно было прикоснуться, и у нее были ноги. Фумико никогда не слышала о книге, которую читала женщина. На вид это было самое обычное издание, правда, не из тех, что продаются на каждом углу. Все это заставило Фумико придумать свою версию происходящего здесь.

«Ты не можешь вернуться в прошлое. Это кафе не сможет перенести тебя по-настоящему в прошлое. Это всего лишь уловка, чтобы привлечь посетителей. Возьмем, например, бесчисленное количество нелепых правил. Это только первая преграда для клиентов, желающих вернуться в прошлое. Если клиент проходит эту первую, то должна быть и вторая преграда – для особенно упорных. И вот тут они упоминают призрака, чтобы испугать человека, заставить его отказаться. Женщина в платье – всего лишь часть шоу. Она только притворяется призраком».

Эти мысли заставили Фумико проявить настойчивость.

«Пусть это ложь, но я не дам обмануть себя».

Она вежливо обратилась к женщине в платье:

– Послушайте, это будет недолго, пожалуйста, позвольте мне присесть здесь.

Казалось, будто женщина не слышала слов Фумико. Она продолжала читать, никак не реагируя на происходящее.

То, что Фумико полностью игнорировали, раздосадовало ее. Она резко схватила женщину за рукав платья.

– Стойте! Нельзя этого делать! – громко предупредила Казу.

– Посмотрите на меня! Хватит! Хватит меня игнорировать!

Фумико попыталась силой стащить женщину в платье с ее места.

А потом это случилось...

Внезапно женщина в платье открыла глаза и в ярости уставилась на Фумико.

Фумико тотчас почувствовала, что ее тело как будто налилось свинцом. В кафе потемнело, словно оно было освещено свечами. Нечеловеческие вопли призрака разнеслись по всему помещению.

Фумико полностью парализовало. Не в силах стоять на ногах, она упала на колени, а затем легла на пол лицом вниз.

– Черт! Что происходит? Что происходит?

Фумико понятия не имела, что тут происходило. Казу, демонстрируя всем видом «я же предупредила», коротко пояснила:

– Она прокляла вас.

Когда Фумико услышала слово

«проклятие»,

она сначала не уловила его смысл.

– Что?.. – спросила она со стоном.

Не в состоянии противостоять этой невидимой силе, которая, казалось, лишь крепла, Фумико лежала на полу.

– Что?.. А?.. Что это? Что происходит?

– Это проклятие... Вы пошли наперекор правилам и сделали то, что сделали, а она прокляла вас, – сказала Казу и удалилась на кухню, оставив Фумико валяться на полу.

Лежа лицом вниз, Фумико не видела, как Казу уходит, но все же отчетливо слышала удаляющиеся шаги. Фумико было страшно, она дрожала, как будто все ее тело облили ледяной водой.

– Ты, должно быть, шутишь. Посмотри на меня! Что мне делать?

Ответа не последовало.

Женщина в платье все еще сверлила Фумико ужасающим взглядом. Сейчас она ничем не походила на посетительницу кафе, спокойно читающую книгу несколько минут назад.

– Помогите мне!.. Пожалуйста, помогите мне! – закричала Фумико в сторону кухни.

Возможно, услышав ее крики, Казу не спеша вернулась. Фумико не могла этого видеть, но в руках у Казу был стеклянный графин. Фумико слышала звук приближающихся шагов, но не понимала, что происходит, – сначала правила, потом призрак, а теперь еще и проклятие. Все это казалось безумием.

Казу не давала ей никаких указаний, непонятно, помогала она ей вообще или нет. Фумико была на грани истерики.

Но вдруг:

– Не желаете ли еще кофе? – спокойно задала вопрос Казу.

Фумико возмутилась. Она была в опасности, а Казу не только не помо-

гала ей, но еще и угощала женщину в платье новой порцией кофе!

«Мне ясно сказали, что она призрак, и было ошибкой смоги стороны не верить в это. Также было ошибкой хватать женщину за руку и пытаться силой стащить со стула. И хотя я взываю о помощи, она просто игнорирует меня, и теперь... как ни в чем не бывало спрашивает эту женщину, не хочет ли она еще кофе! С чего бы призрак захотел кофе!»

Однако все, что Фумико смогла произнести вслух, была фраза:

– Ты, должно быть, шутишь!

Зловещий голос без колебаний ответил:

– Да, пожалуйста.

Это была женщина в платье. В мгновение ока тело Фумико стало легким.

Проклятие было снято. Свободно вздохнув, Фумико встала с колен и посмотрела на Казу.

Казу в ответ уставилась на нее, будто спрашивая: «Вы что-то хотите мне сказать?» – и безразлично пожала плечами. Женщина в платье сделала глоток кофе из только что налитой чашки, а затем неспешно вернулась к своей книге.

Ведя себя так, будто ничего необычного не произошло, Казу ушла на кухню поставить кофейник. Фумико еще раз протянула руку к плечу той ужасной женщины в платье. Ее пальцы чувствовали ее.

Женщина здесь. Она существует.

Она все еще была в совершенном смятении от необходимости осмыслить такие странные события. Она испытала все это на себе – тут не было и тени сомнения. Фумико встрепенулась. Пока ее голова и сердце искали какое-то объяснение случившемуся, тело уже вернуло самоконтроль, но адреналин в крови еще не схлынул.

Она встала и направилась к барной стойке, чувствуя головокружение. Когда она подошла, Казу вернулась с кухни.

Фумико все еще была взволнованна и сбита с толку.

– Она и правда призрак? – спросила она Казу.

– Да, – только и ответила Казу. Она начала заполнять сахарницу сахаром. Для Фумико это было шоком. Для Казу, похоже, это было обычным повседневным эпизодом.

«Итак, произошло нечто невероятное!

– к Фумико вернулась способность соображать. –

Если призрак... и проклятие... действительно существуют, тогда то, что они говорят про возвращение в прошлое, тоже может быть прав-

дой!»

После всего случившегося у Фумико почти не осталось сомнений в том, что здесь действительно возвращают людей в прошлое. Но была одна проблема.

То самое правило:

«чтобы вернуться в прошлое, нужно сесть в одном конкретном месте. Однако на том конкретном месте и сидит призрак. Все, что я говорю, не доходит до нее. И когда я пыталась сесть там, она прокляла меня. Что же мне делать?»

– Вам просто нужно подождать, – сказала Казу, будто услышав мысли Фумико.

– Что ты имеешь в виду?

– Каждый день, только один раз, она выходит в туалет.

– Призраки ходят в туалет?

– Пока ее нет, вы можете там сесть.

Фумико пристально посмотрела на Казу. Казу кивнула. Казалось, это и было единственно верным решением. Что касается вопроса Фумико о том, ходят ли призраки в туалет, Казу не была уверена в том, было ли это подлинным любопытством или же простым подколом, поэтому решила проигнорировать вопрос.

Фумико глубоко вздохнула. Минуту назад она ухватила за последнюю соломинку.

– Хорошо... Я подожду. Я подожду!

– Отлично... но вы должны знать, что для нее нет разницы между днем и ночью.

– Да... Хорошо, я подожду, – сказала Фумико, отчаянно сжимая свою счастливую соломинку. – Во сколько вы закрываетесь?

– Обычно мы работаем до 20:00. Но если вы решите, что хотите подождать, то можете ждать столько, сколько потребуется.

– Спасибо!

Фумико села за столик в центре зала лицом к призраку.

– Я займу это место! – заявила Фумико, сверля взглядом женщину в платье. Та, как ни в чем не бывало, читала свою книгу.

Казу вздохнула.

Дзинь-дзинь

– Здравствуйте! Добрый вечер! – дежурно поприветствовала Казу.

В дверном проеме стояла женщина. На вид ей было немногим более сорока.

– Котаке!

Женщина по имени Котаке была одета в темно-синий кардиган поверх костюма медсестры, на плече простая сумка. Она тяжело дышала, будто после пробежки, и прижимала руку к груди, чтобы восстановить дыхание.

– Спасибо, что позвонила, – торопливо сказала она.

Казу кивнула, улыбнулась и исчезла на кухне. Котаке сделала два или три шага к столику, расположенному у входа, и встала возле мужчины по имени Фусаги. Похоже, он совсем не заметил ее.

– Фусаги, – позвала Котаке так нежно, будто обращалась к ребенку.

Сначала Фусаги не отреагировал, словно не услышал. Но заметив краем глаза чей-то силуэт, он обратил к ней отсутствующий взгляд.

– Котаке, – пробормотал он, узнав ее. На его лице заиграла странная улыбка.

– Да. Это я.

– Что ты здесь делаешь?

– У меня было немного свободного времени, и я подумала, что могу зайти на чашечку кофе.

– Ну ладно...

Он снова уставился в свой журнал. Котаке, продолжая смотреть на Фусаги, села на стул напротив. Фусаги не отреагировал на это, но перевернул страницу журнала.

– Я слышала, что ты часто бываешь здесь в последнее время, – сказала Котаке, заинтересованно осматривая каждый уголок кафе, как будто новый посетитель.

– Да, – кивнул Фусаги.

– Значит, тебе здесь нравится?

– Не особенно...

Фусаги произнес это так неуверенно, что стало очевидно – ему нравится это место. На его губах промелькнула легкая улыбка.

– Я жду, – прошептал он Котаке.

– Чего ты ждешь?

Фусаги повернулся и посмотрел туда, где сидела женщина в платье.

– Я жду, когда она покинет это место, – ответил Фусаги. Его лицо озарила задорная мальчишеская улыбка.

Фумико не подслушивала, но кафе было маленьким, и она не могла не услышать слова Фусаги.

– Что?! – изумленно воскликнула Фумико, узнав, что Фусаги также собирался вернуться в прошлое, когда женщина в платье пойдет в туалет.

Услышав голос Фумико, Котаке обратила на нее внимание, но Фусаги по-прежнему выказывал полное безразличие.

– Неужели? – спросила Котаке.

– Да, – лаконично ответил Фусаги, отхлебнув кофе.

«Нет, пожалуйста, только не еще один претендент!»

Фумико забеспокоилась.

Она вспомнила, что мужчина уже был здесь, когда она пришла, а значит, сегодня его очередь возвращаться в прошлое. Женщина-призрак ходила в туалет только раз в день. И значит, был только один шанс сесть на ее место сегодня. Фумико не собиралась уступать очередь.

Она хотела вернуться в прошлое прямо сейчас. Мысль о том, что придется ждать еще день, была невыносима.

Фумико наклонилась к беседовавшим за соседним столиком и прислушалась, чтобы убедиться в том, что Фусаги действительно собирался вернуться в прошлое.

– Ты сидел там сегодня?

– Сегодня нет.

– Может быть, тебе не стоит там сидеть?

– Да... нет.

Их разговор оправдывал ее худшие ожидания.

– Фусаги, что ты собираешься делать, когда вернешься в прошлое?

Сомнений быть не могло – Фусаги ждал, когда женщина в платье пойдет в туалет. Фумико почувствовала горькое разочарование и снова уронила голову на стол. Мучительный разговор продолжался.

– Ты хочешь что-то исправить?

– Ну... – задумался на мгновение Фусаги. – Это мой секрет, – наконец ответил он и по-детски улыбнулся.

– Твой секрет?

– Да.

Хотя Фусаги и сказал, что это секрет, Котакэ улыбнулась, словно это была приятная новость. Затем она взглянула на женщину в платье.

– Но, похоже, что сегодня она не пойдет в туалет. Не так ли?

Фумико не ожидала такое услышать.

– Что?

Фумико автоматически подняла голову со стола. Ее движения были резкими, но почти бесшумными.

«Возможно ли такое, что призрак вообще не пойдет в туалет? Казу сказала, что женщина в белом всегда выходит туда... Она сказала, что призрак всегда ходит в туалет раз в день. Но если эта женщина так заявила, то, возможно, призрак уже был там сегодня... Нет, не может быть... Я очень надеюсь, что она ошибается».

Фумико с трепетом ждала, что ответит Фусаги.

– Возможно, – сказал Фусаги с готовностью.

«Только не это!»

– рот Фумико открылся от шока, как будто исторгая безмолвный крик. –

«Почему призрак не собирался идти в туалет?.. Что знала женщина по имени Котакэ?»

Фумико отчаянно нуждалась в ответах.

Но она понимала, что ей не следует вклиниваться в разговор. Фумико всегда считала, что умение читать между строк очень важно, и прямо сейчас поза и выражение лица Котакэ словно говорили:

«Не лезь не в свое дело!»

Ей было непонятно, куда именно она не должна была лезть. Но определенно там происходило что-то странное, и посторонним там были не рады. Фумико просто знала, что ей надо помолчать. Внезапно...

– Так... как насчет того, чтобы уйти? – сказала Котакэ ласковым и уговаривающим тоном.

– А?

Счастливый шанс снова вернулся. Оставив в стороне сомнения в том, пойдет ли женщина в платье в туалет, она подумала, что если бы Фусаги ушел, по крайней мере, она избавилась бы от своего соперника.

Когда Котакэ предположила, что женщина в платье не пойдет сегодня в туалет, Фусаги просто согласился. Он сказал:

«Возможно».

Возможно! Не менее правдоподобно, что Фусаги мог бы сказать:
«Но я подожду, чтобы убедиться в этом».

Несомненно, Фумико подождала бы, если бы была на его месте. Она замерла в ожидании ответа Фусаги, стараясь не демонстрировать свое крайнее нетерпение. Она вся превратилась в слух. Он посмотрел на женщину в платье, а затем задумался.

– Ладно, – ответил он.

Так как ответ был ясным и простым, сердце Фумико бешено забилося. Она разволновалась еще сильнее и чувствовала каждый удар своего сердца.

– Когда ты допьешь кофе, мы уйдем, – сказала Котаке, глядя на полупустую чашку.

Казалось, что Фусаги сейчас думал только об уходе.

– Да, хорошо. В любом случае, здесь стало холодно, – сказал он, неловко сложил свой журнал, блокнот и карандаш и поднялся с места.

Надев шерстяную куртку с рукавами, какую часто носят рабочие на стройке, он подошел к кассе. Казу тотчас вернулась с кухни. Фусаги попросил у нее счет за кофе.

– Сколько я должен? – спросил Фусаги.

Казу ввела сумму на клавиатуре кассы. Тем временем Фусаги начал проверять свою сумку, нагрудный и задний карманы и другие места, в которых, как он думал, мог лежать его бумажник...

– Странно, где же он... – бормотал мужчина.

Казалось, что он забыл его где-то. Посмотрев несколько раз в одних и тех же местах, Фусаги так и не нашел его. Он был расстроен почти до слез.

Вдруг Котаке вынула бумажник и протянула его Фусаги.

– Вот.

Это был сильно изношенный складной кожаный кошелек, набитый квитанциями. Фусаги на секунду замер, словно раздумывая, стоит ли принимать его. Затем протянул руку и взял бумажник из рук женщины.

– Сколько с меня? – спросил Фусаги, роясь в недрах кошелька.

Котаке молчала. Она просто стояла позади Фусаги, наблюдая за тем, как он собирается платить.

– 380 йен.

Фусаги вытащил одну монету и вручил ее Казу.

– Хорошо, вот тебе 500 йен.

Казу взяла деньги и внесла их в кассу.

Чик-чик...

Она достала сдачу из кассы.

– 120 йен сдачи, – Казу положила сдачу и чек в руку Фусаги.

– Спасибо за кофе, – сказал Фусаги, аккуратно складывая сдачу в бумажник. Затем он положил его в сумку, похоже, забыв о Котаке, и быстро направился к двери.

Дзинь-дзинь

Казалось, что Котаке меньше всего волновало его отношение.

– Спасибо, – просто сказала она и последовала за Фусаги.

Дзинь-дзинь

– Они странные... – пробормотала Фумико.

Казу вытерла стол, за которым сидел Фусаги, и снова исчезла на кухне. Фумико была выбита из колеи внезапным появлением соперника, но теперь, когда остались только она и женщина в платье, она почувствовала уверенность в победе.

«Отлично... мой соперник ушел. Теперь мне просто нужно подождать, пока она освободит место».

Но в кафе не было окон, а каждые из трех настенных часов показывали разное время. Фумико вдруг осознала, что не знает, как давно находится здесь.

Ее начало клонить в сон, в полудреме она вспоминала правила. Первое: *в прошлом можно встретить лишь тех людей, которые были посетителями этого кафе.*

Прощальная беседа с Горо как раз и случилась здесь. Второе правило: *что бы вы ни сделали в прошлом, вы все равно не можете изменить настоящее.*

Выходило, что даже если Фумико вернется в тот день неделю назад и уговорит Горо не покидать ее, он все равно уедет в Америку. Фумико не понимала, зачем нужно такое правило. Она смирилась, но все же снова расстраивалась, думая о нем.

Третье правило гласило:

чтобы вернуться в прошлое, вы должны сидеть на определенном месте.

Это место занимала женщина в платье. Если попытаться занять его силой, можно подвергнуться проклятию. Четвертое правило было следующим:

находясь в прошлом, нужно оставаться на одном месте и не покидать его.

Пятое правило:

существует ограничение по времени.

Фумико подумала, что все еще ничего не знает об этом правиле. Она понятия не имела, сколько времени ей будет позволено провести в прошлом. Фумико снова и снова прокручивала в голове правила и думала о бесполезности намерения откровенно поговорить с Горо... Как бы ни было больно, это не изменит их настоящее. Измученная всеми этими мыслями, она сама не заметила, как уснула.

* * *

На седьмом свидании, когда Фумико ждала Горо в назначенном месте, с ней заговорили двое парней. Они были вполне симпатичными и пытались флиртовать, но они не интересовали Фумико. С ней так часто пытались флиртовать незнакомцы, что она разработала метод, помогающий отшивать особенно навязчивых. Подошел Горо, ситуация стала неловкой. Фумико тут же обняла его, а мужчины презрительно спросили, что она делает вместе с этим придурком. Ей ничего не оставалось, как начать свою игру.

Горо просто опустил голову и промолчал. А Фумико ответила им по-английски: «Вы, парни, не знаете, какой он обаятельный», по-русски: «У него хватает мужества браться за самую трудную работу», по-французски: «Он постоянно совершенствуется и никогда не сдаётся», по-гречески: «Он умеет превращать невозможное в возможное», по-итальянски: «Я знаю, что он всегда добивается цели» и по-испански: «Он самый привлекательный из всех известных мне людей». Потом она добавила по-японски: «Если вы, ребята, поймете, что я только что сказала, я не против оторваться с вами на всю катушку».

Мужчины стояли ошарашенные. Затем переглянулись и поспешили убраться восвояси.

Фумико широко улыбнулась Горо.

– «Я полагаю, что ты понял все, что я сказала, – подытожила она по-португальски.

Горо смущенно кивнул.

На десятом свидании Горо признался ей, что у него никогда прежде не было близости с женщиной.

– О, выходит, что я твоя первая женщина, – радостно воскликнула Фумико. Так она подчеркнула важность своей роли в жизни Горо, и его глаза засияли.

Можно сказать, что эта ночь стала началом их отношений.

Фумико не знала, на сколько она отключилась. Внезапно женщина в платье захлопнула книгу, которую читала. Потом она вздохнула и, выта-

щив белый платок из своей сумки, медленно встала и пошла в направлении туалета.

Фумико все еще спала, поэтому не заметила, что женщина отправилась в туалет. Казу появилась из подсобного помещения. Возможно, кафе все еще работало. На Казу по-прежнему была форма официантки, состоящая из белой рубашки, жилета, черных брюк и винно-красного фартука сомелье. Убирая стол женщины в платье, она позвала Фумико.

– Госпожа... Госпожа.

– А?.. Да? – вздрогнула Фумико. Она выпрямилась, быстро заморгала и начала растерянно оглядываться, пока наконец не заметила изменения.

Женщина в платье ушла.

– О...

– Ее место теперь свободно. Хотите пересесть?

– Конечно, хочу!

Фумико поспешно встала со своего места и подошла к стулу, который должен был перенести ее в прошлое. С виду ничего необычного в нем не было. Но сердце Фумико бешено стучало, она наконец-то, после соблюдения всех правил, получила свой билет в прошлое.

– Итак, я возвращаюсь на неделю назад.

Фумико сделала глубокий вдох, стараясь унять сердцебиение. Она уже представляла, как отправится назад во времени, ее напряжение и возбуждение возросли до предела. Фумико плюхнулась на стул с такой силой, что чуть не отскочила обратно.

– Отлично. Время вернуться назад! – воскликнула она.

Фумико осмотрела кафе. Отсутствие окон не позволяло ей определить, день сейчас или ночь. Стрелки трех настенных часов показывали в разные стороны. Она крутила головой, ища что-то другое, новое, доказательство того, что она вернулась в прошлое. Но ничего не изменилось, и главное – Горо нигде не было видно...

– Я ведь не вернулась в прошлое, да? – пробормотала Фумико.

«Только не говорите мне, что я была полной дурой, поверив в эту чушь о путешествиях во времени».

Фумико не успела ощутить разочарование в полной мере, когда к ней подошла Казу, в руках у официантки был серебряный поднос с серебряным кофейником и белой чашкой.

– Я так и не вернулась в прошлое, – с досадой сказала Фумико.

Выражение лица Казу осталось непроницаемым.

– Есть еще одно правило, – произнесла она.

Сколько можно!

– Еще правило? – спросила Фумико, чувствуя облегчение. Ее не обманули, просто возвращение в прошлое еще не начиналось.

Казу продолжала.

– Сейчас я налью вам кофе, – сказала она, поставив чашку перед Фумико.

– Кофе? Почему кофе?

– Ваше возвращение в прошлое начнется, когда я налью кофе...

Казу проигнорировала вопрос.

–...и вы должны вернуться до того, как он остынет.

– Что? Так мало?

– Это последнее и самое важное правило...

Этот разговор никогда не закончится.

Фумико не терпелось начать.

– Слишком много правил... – пробормотала она и стала рассматривать чашку. Похоже, она была сделана из какого-то ценного фарфора, но в целом выглядела совсем обычно.

– Вы меня слушаете? – окликнула ее Казу. – Когда вы вернетесь в прошлое, вы должны выпить весь кофе, прежде чем он остынет.

– О-о-о, ну... Вообще-то я не очень люблю кофе...

Казу наклонилась вплотную к кончику носа Фумико.

– Это единственное правило, которое вы должны полностью соблюдать, – сказала она, понизив голос.

– Правда?

– Если нарушите его, с вами случится нечто ужасное...

– Ч-что? – Фумико стало не по себе.

Она, конечно, ожидала чего-то подобного, понимала, что в этой странной истории не обойдется без риска. Удивляло то, что Казу сообщила об опасности в нескольких шагах от финиша. Фумико с опаской посмотрела на нее.

– Что?.. Что же со мной произойдет?

– Если вы не выпьете весь кофе до того, как он остынет...

– Если я не выпью кофе?

– Настанет ваша очередь быть призраком.

Фумико замерла, пораженная услышанным.

– Серьезно?

– Женщина, которая сидела там до сих пор...

– Она нарушила это правило?

– Да. Она пошла на встречу со своим покойным мужем и, должно быть, забыла о времени... Когда она наконец-то заметила, что ее кофе уже остыл...

– ...она стала призраком?

– Да, – буднично ответила Казу.

«Риски намного выше, чем я думала».

Слишком много нелепых правил нужно соблюдать. Встретиться с призраком и быть проклятой – конечно, весьма необычно. Но и это, оказывается, не предел.

«Итак, я могу вернуться в прошлое. Я могу вернуться в прошлое на время, пока остывает чашка кофе. Я понятия не имею, сколько это в минутах. Но времени точно хватит на чашку кофе, которую можно опустошить в несколько глотков. В общем, это не повод для беспокойства. Хотя перспектива превратиться в призрака, если не успею, действительно заставляет понервничать... Теперь, предположим, что я не собираюсь менять настоящее, вернувшись в прошлое,

–
тогда я ничем не рискую. Наверное, здесь нет никаких плюсов, но и минусов тоже нет.

Впрочем, превратиться в призрака – это определенно минус».

Фумико никак не могла решиться. В голове роились мысли, вопросы и страхи. Как ни странно, самым большим ее страхом было то, что кофе, который наливает Казу, окажется отвратительным на вкус. Но Фумико считала, что она справится с этим.

«Но что, если кофе будет перченым? Что, если это будет кофе со вкусом васаби? Как я выпью целую чашку этого?»

Понимая, что ее мысли становятся параноидальными, Фумико тряхнула головой, пытаясь избавиться от них, и спросила:

– Хорошо... Мне просто нужно выпить кофе, пока он не остыл, верно?

– Да.

Казу стояла рядом с отстраненным лицом. Фумико подумала, что если бы она вместо этого сказала: «Прости, я отказываюсь пройти через это», – то реакция Казу была бы точно такой же. Фумико на мгновение закрыла глаза, прижала к телу сжатые кулаки и глубоко вдохнула, чтобы сосредоточиться.

– Я готова, – заявила она и взглянула в глаза Казу. – Пожалуйста, налей кофе, – с твердой решимостью попросила она.

Кивнув в знак одобрения, Казу правой рукой взяла с подноса серебряный кофейник. Она обреченно посмотрела на Фумико.

– Просто запомните... – Казу сделала паузу, – ...выпейте кофе до того, как он остынет, – прошептала она.

Казу начала медленно наливать кофе в чашку. Ее ледяное спокойствие, ее плавные и красивые движения создавали у Фумико ощущение, что она наблюдает за какой-то древней церемонией.

Фумико посмотрела на мерцающий пар, исходящий от кофе в чашке, и вдруг ощутила, что пространство вокруг тоже начало мерцать и искажаться. Это испугало ее, и она закрыла глаза и крепче сжала кулаки.

«Если так будет продолжаться, то я не окажусь ни в настоящем, ни в прошлом; я просто растворюсь в этом паре».

Чтобы отвлечься от тревожных мыслей, Фумико вспомнила, как познакомилась с Горо.

* * *

Это случилось весной, два года назад. Фумико было 26 лет, а Горо 23. В то время Фумико работала в клиентской компании. Горо работал там же, но представлял другую фирму. Фумико была руководителем проекта и отвечала за всех привлеченных специалистов.

Фумико никогда не боялась выступать с критикой, даже если дело касалось коллеги старше ее по должности. Она часто спорила с начальством и сослуживцами. Но никто никогда не критиковал Фумико. Она всегда была честной и прямой, а ее работоспособность и усердие вызывали восхищение.

Хотя Горо был на три года младше Фумико, ему можно было дать лет тридцать. Честно говоря, он выглядел намного старше своего возраста. Несмотря на то что Горо был самым молодым в команде, он был также и самым компетентным, высококвалифицированным инженером. Даже Фумико с ее высокими требованиями признавала, что он безукоризненно выполняет свою работу.

Проект, который возглавляла Фумико, уже подходил к концу. Но незадолго до даты окончания вскрылась серьезная ошибка. Это была ошибка или сбой в компьютерной программе. Когда вы занимаетесь программированием медицинских систем, то даже кажущиеся незначительными ошибки могут привести к серьезным последствиям. Невозможно сдавать систему в таком состоянии. Однако найти подобную ошибку порой также сложно, как удалить каплю чернил, упавшую в 25-метровый бассейн. Команда не только столкнулась с большой и сложной проблемой, но и не имела време-

ни на ее решение.

Так как Фумико была руководителем проекта, то ответственность за качество работы ложилась на ее плечи. Оставалась всего неделя до сдачи проекта. Поскольку, по общему мнению, на поиск и устранение ошибки требовался по меньшей мере месяц, все программисты написали заявления об увольнении. Даже Фумико думала, что ей придется уволиться. В разгар этой суматохи Горо исчез с площадки проекта. Он исчез, не сказав никому ни слова, и никто не мог с ним связаться. Вскоре начали подозревать, что в ошибке был виноват именно Горо. Все решили, что ему так стыдно, что он просто не может показаться на глаза коллегам.

Конечно, не было ничего конкретного, что указывало бы на виновность Горо. Просто если руководство проекта будет нести ответственность за большие убытки, то удобнее всего найти виноватого. Так как исчез именно Горо, он и стал козлом отпущения, и Фумико, естественно, тоже подозревала его. Но на четвертый день Горо внезапно появился и сообщил о том, что нашел ошибку.

Он был небрит, от него плохо пахло, но никто даже не думал осудить его за это. По его изможденному лицу было видно, что эти дни он провел без сна. В то время как все остальные члены команды, включая Фумико, сдались, Горо ушел от всех и решил возникшую проблему в одиночку. На самом деле это было просто чудом. Покинув проект без разрешения и даже никого не предупредив, он нарушил основные правила, которые должен был соблюдать каждый сотрудник компании. Тем не менее он продемонстрировал большую, чем кто-либо, приверженность делу и преуспел как программист там, где никто другой бы не смог.

Когда Фумико выразила искреннюю благодарность Горо и извинилась перед ним за свои подозрения, тот просто улыбнулся ей в ответ.

– Хорошо, тогда, может быть, вы угостите меня кофе? – спросил он.

Это был тот самый момент, когда Фумико влюбилась в него.

После успешного завершения проекта они разъехались по своим компаниям и больше не работали вместе. Однако Фумико была целеустремленной. Всякий раз, когда она могла себе это позволить, она приглашала Горо в разные места под предлогом того, что угостит его кофе.

Горо с его подходом к работе не умел расплыться. Когда он начинал работать над проектом, он больше не видел ничего вокруг. Фумико впервые узнала, что штаб-квартира компании «ТИП-ДЖИ» находится в США, когда пришла к Горо домой. То, что он с таким энтузиазмом говорил о работе в «ТИП-ДЖИ», заставило Фумико поволноваться.

«Когда его мечта осуществится, что он выберет – свою мечту или

меня? Я не должна так думать, это нельзя сравнивать. Но как же больно...»

Постепенно ей стало ясно, какой огромной потерей это будет для нее. Той весной Горо наконец-то получил предложение о работе в компании «ТИП-ДЖИ». Его мечта сбылась.

Опасения Фумико оправдались. Горо решил уехать в Америку. Он выбрал свою мечту. Фумико узнала об этом неделю назад, в этом кафе.

* * *

Она открыла глаза, чувствуя себя дезориентированной, как после короткого сна. Ощущение, что она – дух, мерцающий и кружащийся, как пар, покинуло ее, и она начала вновь чувствовать свои конечности. В панике Фумико ощупала лицо и тело, чтобы убедиться, что это она. Когда она пришла в себя, то увидела мужчину, с недоумением наблюдающего за ее странным поведением.

Это был Горо, если только она не ошибалась. Горо, который должен был уже находиться в Америке, сидел прямо перед ней. Фумико на самом деле вернулась в прошлое. Она сразу поняла причину удивления на лице Горо. Не было сомнений в том, что она вернулась в прошлое на неделю назад. Внутри кафе было таким, каким она его запомнила.

Мужчина по имени Фусаги изучал туристический журнал за столиком, находившимся у двери. Хирай сидела перед барной стойкой, а Казу стояла по другую сторону. И за столиком на двоих с противоположной стороны был Горо. Но...

Только одна вещь была неправильной – то место, на котором сидела Фумико.

Неделю назад она сидела напротив Горо. А сейчас – за другим столиком, на месте женщины в белом платье.

Он так далеко от нее.

Но дело было не столько в расстоянии, сколько в неестественности такого положения. Озадаченный взгляд Горо говорил сам за себя.

– ...

Фумико не могла покинуть свое место. Это было одним из тех самых правил.

«А если он вдруг спросит, почему я сижу здесь? Что мне ответить ему?»

– О боже, который час?! Извини, но мне надо идти...

Возможно, Горо и выглядел озадаченным, но он не задал Фумико во-

просов, а снова произнес те слова, которые она уже слышала неделю назад. Должно быть, это было негласным правилом при возвращении в прошлое. Вступая в диалог с Горо, Фумико продолжала помнить о времени.

– Ничего страшного. Ничего страшного. Ты спешишь, не так ли? Но и мне нужно торопиться.

– Что?

– Прости.

Разговор выходил странным. Хотя теперь Фумико знала, в какое время вернулась, она все еще испытывала замешательство – в конце концов, она впервые вернулась в прошлое.

– Что?

– ...

Чтобы успокоиться, она глотнула кофе.

О, нет! Кофе уже стал просто теплым! И он остынет в считанные секунды!

Фумико занервничала. Но потом поняла, что напиток остыл, и значит, при необходимости его можно будет выпить залпом, быстро. Фумико хмуро уставилась на Казу. Ее бесило то, что выражение лица официантки всегда оставалось холодным, как у мертвеца. Но это еще не все.

– Тьфу... Как горько.

Вкус был еще более ужасным, чем она ожидала. Это был самый горький кофе, который ей доводилось пить. Горо изумился, услышав странное высказывание Фумико.

– ...

Поглаживая лоб над правой бровью, Горо посмотрел на часы. Он беспокоился о времени. Фумико это поняла. Она тоже спешила.

– Мне нужно сказать кое-что важное, – торопливо произнесла она.

Фумико положила в чашку сахар из стоящей перед ней сахарницы. Затем, добавив немного молока, стала размешивать напиток, от волнения громко ударяя ложечкой по стенкам чашки.

– Ну что еще? – нахмурился Горо.

Фумико не знала, была ли его хмурость вызвана тем, что она положила слишком много сахара, или тем, что он не хочет вести важный разговор.

– Я имею в виду... Я хочу нормально обсудить.

Горо посмотрел на часы.

– Подожди секунду...

Фумико глотнула подслащенный кофе и одобрительно кивнула. Она начала пить кофе только после знакомства с Горо. Это было предлогом для того, чтобы заманивать его на свидания. Забавная сцена с Фумико, ненави-

девшей кофе и добавлявшей огромное количество сахара и молока, чтобы заглушить его вкус, заставила Горо улыбнуться.

– Послушай, это серьезная ситуация, а ты просто ухмыляешься, глядя на то, как я пью кофе...

– Нет, это не так.

– Зачем отрицать, это написано на твоем лице!

Фумико снова срывалась на него из-за пустяка.

– ...

Она уже пожалела о своей реплике. Она вернулась в прошлое, и теперь выходило то же, что и неделю назад. Она снова донимала его ребяческими придирками.

– ...

Горо порывисто встал из-за стола. Он позвал Казу, стоящую за барной стойкой.

– Прошу прощения... Сколько с меня? – он потянулся за кошельком.

Фумико знала, что если она ничего не сделает, Горо расплатится, а потом просто уйдет.

– Подожди!

– Ладно, давай оставим это.

– Это не то, что я пришла тебе сказать.

– А что же?

(

«Не

уйди».)

– Почему ты не поговорил об этом со мной?

(«Я не хочу, чтобы ты уходил».)

– Ну, это...

– Я знаю, как много значит для тебя твоя работа... Я не возражаю, если ты уедешь в Америку... Я не против этого...

(«Я думала, мы будем вместе вечно».)

– Но, по крайней мере...

(«Это только я так думала?»)

– Я хотела, чтобы ты обсудил это со мной... знаешь, это пренебрежение – вот так просто принять решение, не обсудив его...

(«Я очень сильно...»)

– Это просто... ну, знаешь...

(«...люблю тебя».)

– Это заставляет меня чувствовать себя брошенной...

– ...

– Я хотела сказать, что...

– ...

(«Это ничего не изменит...»)

– Ну... Я просто хотела это сказать.

Фумико планировала говорить откровенно – в конце концов, это не изменит настоящего. Но она не могла. Она чувствовала, что говорить о поражении – значит признать поражение. Она бы возненавидела себя, если бы сказала прямо:

«Что ты выберешь, работу или меня?»

Пока Фумико не встретила Горо, она всегда ставила работу превыше всего. Это было последнее, что она хотела сказать. Еще она не хотела бросать банальные женские упреки, особенно парню, который был на три года младше ее, она была гордой. И еще Фумико, возможно, ревновала, что он обогнал ее в карьерном росте. Словом, она не говорила откровенно. В любом случае... было уже слишком поздно.

– Хорошо, тогда иди... Неважно... Я не думаю, что все, что я скажу, удержит тебя от поездки в Америку.

– ...

Сказав это, Фумико допила остатки кофе.

– Ого!

Когда чашка опустела, у Фумико снова началось головокружение. Она почувствовала, как погружается в дрожащий, мерцающий мир.

(«Для чего конкретно

я

вернулась в прошлое?»)

Фумико начала размышлять.

– Я всегда думал, что был недостойн тебя, – сказал Горо.

Фумико не знала, зачем он говорил это.

– Когда ты приглашала меня на кофе, – продолжал Горо, – я всегда убеждал себя, что не должен влюбляться в тебя...

– Что?

– ...потому что у меня есть это... – сказал Горо.

Он провел пальцами по челке, которая была уложена так, чтобы прикрывать правую сторону лба. Он открыл большой шрам от ожога, который шел от его правой брови к правому уху. – До нашей встречи я всегда думал, что женщины считают меня отвратительным, я даже не мог с ними заговорить.

– Я...

– Даже после того, как мы начали встречаться...

– Меня это никогда не беспокоило! – крикнула Фумико, но она уже слилась с паром, и ее слова не долетели до Горо.

–...я ожидал, что ты начнешь заигрывать с другими, более симпатичными парнями, и это всего лишь вопрос времени.

(«Ни за что... Как ты можешь так думать!»)

– Я всегда думал, что...

(«Ни за что!»)

Фумико была шокирована, Горо впервые признавался ей в этом.

Но теперь, когда Горо произнес это, ей начало казаться, что она догадывалась и раньше. Чем больше Фумико любила Горо и чем больше она думала об их свадьбе, тем больше ощущала какой-то невидимый барьер между ними.

Когда она спрашивала, любит ли он ее, он всегда кивал, но никогда не произносил этих слов: «Я люблю тебя». Когда они вместе шли по улице, Горо иногда смотрел вниз почти виновато и тер лоб над правой бровью. Горо видел, как мужчины, идущие по улице, всегда восхищенно разглядывали Фумико.

(«Конечно, он был не в восторге от этого».)

Теперь Фумико сожалела о своем легкомысленном поведении. Попытки флиртовать со стороны незнакомцев были для нее просто забавной игрой, а у Горо вызывали болезненный и застарелый комплекс.

(«Я понятия не имела, что он так воспринимает это».)

Сознание Фумико угасало. Она испытывала нечто похожее на головокружение. Горо забрал счет за кофе и уже пробирался к кассе с дорожной сумкой в руке.

(«Ничего не изменится в настоящем. Это правильно, что ничего не из-

менится. Он сделал правильный выбор. Достижение своей мечты для него гораздо важнее, чем я. Думаю, мне придется отказаться от Горо. Я отпускаю его и от всего сердца желаю ему успехов».)

Фумико медленно закрывала глаза, когда...

– Три года...

Горо сказал это, стоя спиной к ней.

– Пожалуйста, подожди три года... Тогда я вернусь, я обещаю.

Голос был тихим, но в маленьком пустом зале кафе она отчетливо слышала эти слова.

– Когда я вернусь... – Горо по привычке коснулся правой брови и, все еще стоя спиной к Фумико, сказал что-то еще так тихо, что было невозможно разобрать.

– Что?

В этот момент сознание Фумико развеялось, будто мерцающий пар. Ускользая из прошлого, она увидела лицо Горо таким, каким оно было, когда он оглянулся перед выходом из кафе. Фумико увидела его лицо всего на долю секунды, но он улыбался, как тогда, когда сказал ей:

– Может быть, вы угостите меня кофе?

* * *

Когда Фумико пришла в себя, она сидела на стуле, одна в кафе. Фумико чувствовала себя так, будто ей приснился сон, но чашка кофе перед ней была пуста. Во рту все еще оставался сладкий привкус кофе.

Женщина в платье как раз вернулась из туалета. Увидев Фумико, сидящую на ее стуле, она быстро подскочила к ней.

– Слезай! – скомандовала она жутковатым властным голосом.

– Я... Простите меня, – сказала Фумико, вставая со стула.

Мечтательное настроение так и не рассеялось. Действительно ли она побывала в прошлом?

В любом случае это не должно было изменить настоящее, поэтому нормально, если она не обнаружит никаких перемен. С кухни доносился аромат кофе. Фумико обернулась, чтобы разглядеть зал повнимательнее. Казу появилась с чашкой на подносе.

Официантка прошла мимо Фумико так, будто ничего и не случилось. Когда она приблизилась к столику женщины в платье, то забрала пустую чашку Фумико и поставила чашку свежего кофе перед женщиной. Та кивнула ей в знак благодарности и стала читать книгу.

Возвращаясь к барной стойке, Казу бросила невзначай:

– Как все прошло?

Услышав эти слова, Фумико наконец-то почувствовала уверенность в том, что она возвращалась в прошлое. Она возвращалась в тот день – ровно на неделю назад. Но если бы она...

– Так, я просто думаю...

– Да?

– ...это не меняет настоящее, верно?

– Точно.

– Но как насчет того, что случится позже?

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– После этого момента... – Фумико подбирала слова: – После настоящего момента. Как насчет будущего? – спросила она.

Казу в упор посмотрела на Фумико.

– Ну, поскольку будущее еще не наступило, полагаю, это зависит от вас, – ответила она и впервые улыбнулась.

У Фумико загорелись глаза.

Казу стояла перед кассой.

– Кофе плюс доплата за ночное обслуживание, с вас 420 йен, пожалуйста, – спокойно сказала Казу.

Фумико кивнула и направилась к кассе. Она ощущала необыкновенную легкость. Заплатив 420 йен, Фумико подняла глаза на Казу.

– Спасибо, – сказала она и сделала низкий поклон.

Затем, медленно оглядываясь по сторонам, она вновь поклонилась, не кому-то конкретно, а скорее самому кафе, и вышла за дверь.

Дзинь-дзинь

Казу с бесстрастным выражением лица начала вносить деньги в кассу, словно ничего необычного здесь не происходило. Женщина в платье слегка улыбнулась и молча закрыла книгу – роман под названием «Влюбленные».

История II. Супруги

В кафе не было кондиционера. Его открыли в 1874 году, более 140 лет назад. Тогда для освещения еще использовались масляные лампы. С тех пор интерьер кафе почти не изменился. При открытии, должно быть, это заведение считалось слишком авангардным, ведь кафе современного типа появились в Японии примерно в 1888 году.

Кофе впервые завезли в Японию в эпоху Эдо в конце семнадцатого века. Сначала он не пришелся по вкусу японским гурманам. Тогда людям не приходило в голову пить для удовольствия черную горькую воду.

С появлением электричества масляные лампы в кафе заменили на электрические. Но кондиционеры, даже когда они вошли в обиход, здесь все равно не установили, чтобы не нарушать особенный шарм интерьера.

В кафе был только потолочный вентилятор с большими лопастями, должно быть, установленный после появления электричества. Но потолочный вентилятор не охлаждает воздух, он просто осуществляет его циркуляцию.

Самая высокая температура, когда-либо зарегистрированная в Японии, составляла 41°C в Екавасаки в префектуре Коти. Трудно представить себе, что потолочный вентилятор мог бы помочь в такую жару. Но даже в середине лета в этом кафе всегда царила приятная прохлада. Кто охлаждает здесь воздух? Никто из сотрудников этого не знал.

Итак, было начало лета, вторая половина дня. Воздух на улице уже сильно прогрелся. Внутри кафе молодая женщина что-то писала, сидя у стойки. Рядом с ней стоял кофе-глясе, разбавленный тающим мороженым. Женщина была одета по-летнему: в белую футболку с отворотами, в серую облегающую юбку с низким разрезом и в сандалии на ремешках. Она сидела, выпрямив спину, и строчила письмо на розовой бумаге с вишневым оттенком.

Худошавая женщина с бледным лицом стояла за барной стойкой и наблюдала, ее глаза светились юношеским задором. Это была Кей Токита, и содержание письма, несомненно, возбуждало ее любопытство. Иногда Кей старалась заглянуть в него.

Помимо женщины с письмом у стойки, посетителями кафе были женщина в белом платье, сидящая за столиком в глубине, и мужчина по имени Фусаги, расположившийся за столиком у входа. Сегодня Фусаги снова раз-

вернул журнал.

Женщина, писавшая письмо, глубоко вздохнула. Кей последовала ее примеру и тоже сделала глубокий вдох.

– Простите, что так долго здесь задержалась, – сказала женщина, упаковывая законченное письмо в конверт.

– Все в порядке, – отозвалась Кей, мимолетно взглянув на ее ноги.

– Эм... Не могли бы вы передать это письмо моей сестре?

Женщина взяла конверт и передала его Кей. Женщину звали Куми Хирай. Она была младшей сестрой Яэко Хирай, постоянной посетительницы этого кафе.

– Ах... Ну, насколько я знаю вашу сестру... – Кей подумала, что лучше не продолжать, и прикусила губу.

Куми слегка наклонила голову и с любопытством посмотрела на Кей. Но Кей просто улыбалась, как будто ничего не имела в виду.

– Хорошо... Я передам ей это письмо, – сказала она, глядя на письмо в руках Куми.

Куми немного замешкалась.

– Я знаю, что она может даже не прочитать его... Но если бы вы были так любезны... – добавила она, слегка поклонившись.

Кей решила, что вежливость будет правильным выбором.

– Конечно, я передам, – ответила она, ведя себя так, будто ей доверяют что-то очень важное.

Кей взяла письмо обеими руками, низко поклонившись, а Куми направилась к кассе.

– Сколько я должна? – спросила она, передавая Кей счет. Та аккуратно держала письмо, стоя за прилавком. Потом она взяла счет и начала набивать суммы на клавиатуре.

Эта касса могла бы стать претендентом на звание самой старой действующей кассы в мире. Кассовый аппарат с клавишами, больше подходящими для пишущей машинки, попал в кафе в начале периода Сёва, около 1925 года. Он был очень массивный и прочный на вид, разработанный специально, чтобы исключить возможность взлома. Одна его рама весила около 40 килограммов. Каждый раз, когда на нем нажимали клавишу, он издавал громкий щелчок.

– Кофе и... тост... рис карри... взбитое парфе...

Щелк-щелк-щелк-щелк... щелк-щелк.

Кей ритмично пробивала суммы каждого заказа.

– ...мороженое с содовой... мини-пицца...

Безусловно, Куми много ела. Не все уместилось в один счет. Кей начала забивать суммы во второй счет.

– ...Банановый коктейль... котлеты с карри... – Не обязательно было считать каждое блюдо, но Кей увлекал этот процесс. Набивая заказы, она была похожа на ребенка, погруженного в увлекательную игру.

– ...Потом у вас была горгонцола с ньокки, курица, сливочная паста с периллой...

– Я жру, как свинья, верно? – спросила Куми довольно громко, возможно, немного стесняясь того, что все это перечисляется.

«Пожалуйста, вам не обязательно зачитывать все это вслух»,

– наверное, хотела она сказать.

– Точно.

Конечно, это сказала не Кей, а Фусаги. Услышав заказ, он тихо пробормотал это, продолжая листать свой журнал.

Кей никак не отреагировала, а Куми покраснела со стыда.

– Сколько с меня? – спросила она. Но Кей не закончила.

– А давайте посмотрим... потом был еще сэндвич... онигири на гриле... второй рис карри... и-и-и... еще кофе-глясе... итого, с вас 10 тысяч 230 йен.

Кей улыбнулась своими добрыми сверкающими глазами.

– Хорошо, вот деньги по счету, – Куми быстро вытащила две банкноты из сумочки. Кей взяла деньги и с профессиональной ловкостью пересчитала их.

– Ваши 11 000 йен... – сказала она и снова нажала клавишу на кассовом аппарате.

Куми ждала, опустив голову.

Бумс... Ящик кассы открылся с толчком, и Кей вытащила оттуда сдачу.

– Вот ваши 770 йен сдачи.

Еще раз улыбнувшись, Кей отдала сдачу Куми. Куми вежливо поклонилась.

– Спасибо. Все было очень вкусно.

Возможно, ей было стыдно, что весь список съеденного ею был зачитан громко вслух. Именно поэтому казалось, что Куми хотела быстрее исчезнуть. Она уже собиралась покинуть заведение, когда Кей окликнула ее.

– Эй... Куми, – сказала она.

– Да?

Куми остановилась в дверях и оглянулась на Кей.

– По поводу вашей сестры... – сказала Кей, глядя вниз. – Ей что-то передать на словах? – она бессознательно подняла обе руки, когда спросила

это.

– Нет, ничего не надо передавать... Я все написала в письме, – без колебаний ответила Куми.

– Да, поняла... – Кей разочарованно повела бровями.

Тронутая тем, что Кей проявила такую заботу, Куми улыбнулась и, на мгновение задумавшись, произнесла:

– Возможно, есть одна вещь, которую вы могли бы ей сказать...

– Да, конечно, – лицо Кей моментально прояснилось.

– Передайте ей, что папа и мама больше не сердятся на нее.

– Твои папа и мама больше не сердятся на тебя, – повторила Кей.

– Да... Пожалуйста, скажите ей это.

Глаза Кей снова радостно заблестели. Она дважды кивнула.

– Хорошо, я передам, – сказала она с готовностью.

Куми оглянулась по сторонам и еще раз вежливо поклонилась Кей, прежде чем покинуть кафе.

Дзинь-дзинь

Кей выглянула за дверь, чтобы проверить, что Куми ушла, а затем быстро вернулась и начала разговаривать с пустой барной стойкой.

– Ты поссорилась со своими родителями?

Из-под стойки ей ответил хриплый голос.

– Они отреклись от меня, – сказала Хирай, внезапно появившись.

– Ты слышала ее, да?

– Слышала что?

– Что твои отец и мать больше не сердятся на тебя.

– Я поверю в это, только когда увижу воочию...

Хирай выбралась из-под барной стойки скрюченная, как старуха, она долго просидела там. Как всегда, на Хирай были бигуди. Она выглядела как кукла в леопардовом пятнистом пиджаке, розовой обтягивающей юбке и пляжных сандалиях.

– Твоя сестра кажется очень милой.

Хирай слегка поморщилась.

– Когда ты не в моей шкуре, я уверена, она и правда мила... да.

Хирай села на тот же стул у кассы, на котором сидела Куми, достала сигарету из леопардовой сумки и закурила. Шлейф дыма взвился в воздух. Хирай наблюдала за ним с выражением обиды и растерянности. Ее лицо выглядело так, будто ее мысли витали где-то далеко.

Кей обогнула стул Хирай, чтобы занять свое место за барной стойкой.

– Давай поговорим об этом, – предложила Кей.

Хирай выпустила еще один шлейф дыма.

– Она злится на меня, – пробормотала Хирай.

– Что значит «она на тебя злится»? – глаза Кей расширились.

– Она не хотела, чтобы ей передавали.

– Что передавали? – Кей вопросительно наклонила голову, не понимая, о чем именно говорит Хирай.

– Гостиницу...

Семья Хирай владела известной традиционной гостиницей рекан в японском стиле в Сендае, в префектуре Мияги. Ее родители планировали, что гостиницей займется Хирай, но она поссорилась с ними тринадцать лет назад, и тогда было решено, что семейный бизнес унаследует Куми. Родители находились в добром здравии, но были уже немолоды, и Куми как будущей владелица взяла на себя большую часть обязанностей. С тех пор как Куми унаследовала гостиницу, она регулярно ездила в Токио, чтобы встретиться с Хирай и убедить ее вернуться домой.

– Я продолжаю говорить ей, что не хочу возвращаться. Но она просит меня об этом снова и снова.

Хирай загнула пальцы обеих рук, как будто считала количество раз.

– Эта настырность переходит все границы, – в отчаянии воскликнула она.

– Но ты не должна прятаться от нее...

– Я не хочу это видеть.

– Видеть что?

– Ее лицо.

Кей с любопытством склонила голову.

– Я все время вижу упрек на ее лице. Из-за того, что я сделала, она сейчас управляет гостиницей, которой не хочет управлять. Она хочет, чтобы я вернулась домой и освободила ее от этих обязанностей, – подытожила Хирай.

– Я не понимаю, как все это можно прочесть на ее лице, – засомневалась Кей.

Хирай знала Кей достаточно хорошо, чтобы предположить, что она поняла все буквально.

– Я имею в виду... – уточнила Хирай, – просто мне кажется, что она пытается давить на меня.

Запутавшись в объяснениях, она выпустила еще один шлейф дыма.

Кей стояла, силясь понять ее слова, и качала головой.

– Ух ты! Уже пора? О боже! – воскликнула Хирай с нарочитым драматизмом. Она быстро затушила сигарету в пепельнице.

– Мне нужно открыть бар, – сказала она, вставая и осторожно вытягивая ноги. – Ты бы тоже почувствовала боль в спине, просидев три часа скрюченная, как я. – Хирай легонько стукнула Кей по пояснице и направилась к выходу, ее пляжные сандалии громко шлепали по полу.

– Держи!.. Это письмо для тебя... – внезапно вспомнила Кей и протянула письмо, которое передала Куми.

– Выброси его! – заявила Хирай, даже не взглянув, и пренебрежительно махнула рукой.

– Ты не собираешься его читать?

– Я могу представить, что там написано...

«Мне очень тяжело заниматься этим в одиночку... Пожалуйста, вернись домой... Ничего страшного, ты справишься, когда приедешь... Ты ведь разбираешься в подобных вещах».

Говоря это, Хирай достала из сумочки с леопардовым принтом толстый, как словарь, кошелек. Она положила деньги за кофе на барную стойку.

– Увидимся позже... – сказала она и вышла из кафе, рассчитывая скрыться от проблем.

Дзинь-дзинь

– Я не могу просто так взять и выбросить его... – лицо Кей при взгляде на письмо Куми выражало озабоченность.

Дзинь-дзинь

Пока Кей стояла неподвижно, зазвонил дверной колокольчик, и в кафе вошла Казу Токита, заняв место Хирай. Казу была двоюродной сестрой владельца кафе Нагаре Токита. Она училась в Университете искусств и подрабатывала официанткой в кафе.

* * *

Казу с Нагаре сегодня ездили за продуктами для кафе, так что она, очевидно, вернулась именно оттуда. Она несла несколько сумок в обеих руках. Ключ от машины болтался вместе с другими ключами на брелоке, свисающем с ее безымянного пальца. На Казу была футболка и синие джинсы. Это резко контрастировало с бабочкой и фартуком сомелье, которые она носила на работе.

– С возвращением, – тепло улыбнулась Кей, все еще держа письмо в руках.

– Прости, что так долго.

– Нет, все в порядке. Клиентов практически не было.

– Я сейчас переоденусь, – сказала она и поспешила в подсобку.

Кей продолжала держать в руках письмо.

– Где мой чертов муж? – крикнула Кей в подсобку, глядя на вход. Казу и Нагаре ездили за покупками вместе. Для этого не требовалось два человека, просто Нагаре был не самым практичным покупателем. Он всегда настолько стремился купить все самое лучшее, что часто выходил за рамки бюджета. Казу следила, чтобы он не увлеклся. Пока их не было, Кей управляла кафе в одиночку. Иногда, когда Нагаре не мог раздобыть нужные ингредиенты, он устраивал скандалы и уходил за выпивкой.

– Он сказал, что, вероятно, придет сегодня поздно, – смущенно сообщила Казу.

– О, держу пари, он снова пошел пить.

Казу покачала головой.

– Я сейчас тебя подменю, – виновато сказала она.

– Я не доверяю этому человеку! – воскликнула Кей. Держа письмо в руках, она скрылась в подсобке.

Единственными людьми в кафе были женщина в белом платье, которая молча читала роман, и Фусаги. Несмотря на то что стояло лето, оба пили горячий кофе. Причины для этого было две: во-первых, в кафе давали бесплатную добавку кофе, а во-вторых, в зале всегда было прохладно, а эти клиенты сидели там долго. Вскоре Казу снова появилась, одетая в униформу официантки.

Лето только началось, а температура воздуха сегодня уже поднялась выше 30°C. У Казу, которая прошла меньше ста метров от автостоянки, лицо покрылось потом. Она резко выдохнула, вытирая лоб носовым платком.

– Ой, прошу прощения... – сказал Фусаги, оторвав взгляд от журнала, лежащего на столе.

– Что такое? – спросила Казу на полтона выше обычного, словно что-то вызвало ее удивление.

– Будьте добры добавку кофе, пожалуйста.

– Да, конечно.

Оставив свою обычную холодную манеру, она ответила беззаботно, как минуту назад, когда была одета в футболку и джинсы.

– ...

Казу удалилась на кухню, Фусаги проводил ее взглядом. Приходя в кафе, он всегда занимал одно и то же место. Если там уже сидел другой посетитель, Фусаги предпочитал уйти, а не садиться где-то еще. Он обычно по-

являлся два или три раза в неделю, как правило, после обеда. Он открывал свой журнал о путешествиях и просматривал его от корки до корки, иногда делая заметки. Обычно он оставался там, пока не дочитает журнал. Единственное, что он всегда заказывал, – это горячий кофе.

Сорт кофе, подаваемый в кафе, называется мокко. Мокко производят из ароматных кофейных зерен, выращенных в Эфиопии. Он придется по вкусу не каждому. Этот сорт имеет приятный аромат, но некоторые ценители кофе находят его кислинку и сложные ноты немного избыточными. По настоянию Нагаре, в кафе подавали только мокко. Фусаги любил его и, похоже, нашел здесь удобное место для неторопливого чтения журнала.

Казу вернулась с кухни, держа стеклянный графин, чтобы налить Фусаги новую порцию. Она подошла к его столику. В ожидании, когда Казу нальет ему добавку кофе, Фусаги обычно читал свой журнал, но сегодня все было по-другому. Сегодня он смотрел прямо на Казу со странным выражением лица.

– ...

Чувствуя, что поведение Фусаги отличается от обычного, Казу, естественно, подумала, что он хочет заказать что-то еще.

– Вы хотите заказать что-нибудь еще? – с улыбкой спросила Казу.

Фусаги вежливо и немного смущенно улыбнулся ей.

– Вы новая официантка? – спросил он.

– ...

Выражение лица Казу не изменилось, она поставила чашку кофе перед Фусаги.

– Э-э-э-э... да, – ответила она.

– Правда? – робко переспросил Фусаги. Он, казалось, был бы рад пообщаться с официанткой на правах постоянного клиента кафе. Но, услышав ее односложный ответ, он тут же опустил голову и вновь погрузился в чтение журнала.

Казу вернулась к работе с бесстрастным выражением лица, как будто ничего необычного не произошло. Хотя работы сейчас у нее было совсем немного: кафе пустовало, и Казу просто протирала вымытые стаканы и тарелки салфеткой и расставляла их на полке. Во время этого нехитрого занятия она решила поболтать с Фусаги.

– Так вы часто сюда приходите?

– Кто? Я? – поднял голову Фусаги.

– Да...

Казу продолжала:

– Вы знаете об этом месте?.. Слышали его городскую легенду?

– Да, я все знаю.

– И насчет этого стула тоже?

– Да.

– Так вы один из тех посетителей, которые хотят вернуться в прошлое?

– Да, верно, – без колебаний ответил Фусаги.

Казу прервала свою работу.

– Если вы вернетесь в прошлое, что вы собираетесь сделать? – спросила она.

Но вдруг поняла, что вопрос был не деликатный и грубый, и осеклась.

– Бестактно было спрашивать вас об этом... Простите, – сказала она, поклонившись, и снова начала протирать стаканы и тарелки, избегая взгляда Фусаги.

– ...

Фусаги посмотрел на понурившуюся Казу и тихо достал из портфеля папку на молнии. Он вытащил из нее простой коричневый конверт. Углы были помяты, словно он носил его с собой долгое время. На конверте не было никакого адреса, но выглядел он как письмо.

Фусаги бережно поднял письмо обеими руками, чтобы Казу увидела его.

– Что это? – спросила она, вновь оторвавшись от работы.

– Для моей жены... – тихо пробормотал Фусаги. – Это для моей жены...

– Это письмо?

– Да.

– Для вашей жены?

– Да, я так и не отважился передать ей это письмо...

– Итак, вы хотите вернуться в день, когда собирались передать ей это письмо?

– Да, все верно, – еще раз подтвердил Фусаги.

– А где же сейчас ваша жена? – спросила Казу.

Фусаги сделал неловкую паузу.

– Ммм...

Казу стояла и в упор смотрела на Фусаги, ожидая его ответа.

– Я не знаю, – ответил Фусаги еле слышно и почесал голову. Признавшись, что не знает, где его жена, Фусаги еще сильнее занервничал. Казу промолчала в ответ.

Затем, как будто в оправдание, Фусаги произнес:

– Хм, но у меня действительно была жена... – и поспешно добавил: – Ее звали... – Фусаги начал постукивать пальцем по голове: – А?.. Стран-

но... – он наклонил голову. – Как же ее звали? – и снова замолчал.

Через некоторое время Кей вернулась из подсобки. Ее лицо выглядело расстроенным, возможно, потому что она оказалась свидетелем разговора Казу и Фусаги.

– Но это так странно... Простите меня... – сказал Фусаги, вымученно улыбнувшись.

На лице Казу проступила тонкая смесь эмоций – не совсем обычное хладнокровное выражение, но и не сочувствие.

– Не принимайте близко к сердцу, – сказала она.

Дзинь-дзинь

Казу молча посмотрела на вход.

– Ах... – воскликнула она, увидев Котакэ, стоящую у входа.

Котакэ работала медсестрой в местной больнице. Должно быть, она возвращалась домой. Вместо униформы медсестры женщина была одета в оливково-зеленую блузку и темно-синие брюки капри. На плече висела черная сумка. Котакэ вытерла пот со лба сиреневым платком, мельком взглянула на Кей и Казу за барной стойкой, а затем подошла прямо к столу Фусаги.

– Привет, Фусаги, я вижу, ты сегодня снова здесь, – сказала она.

Услышав свое имя, Фусаги взглянул на Котакэ.

Посмотрев на нее в недоумении, он быстро отвел взгляд и молча опустил голову.

Котакэ почувствовала, что настроение Фусаги отличается от обычного. Она предположила, что он не очень хорошо себя чувствует.

– Фусаги, ты в порядке? – мягко спросила она.

Мужчина поднял голову и посмотрел в упор на Котакэ.

– Простите... а мы встречались раньше? – смущенно произнес он.

– ...

Котакэ перестала улыбаться. Воцарилось гробовое молчание. Сиреневый носовой платок, которым она вытирала пот со лба, упал на пол.

Страдая от прогрессирующей болезни Альцгеймера, Фусаги начал терять память. Один из поразительных симптомов ранней стадии состоит в том, что ухудшение работы мозга кажется выборочно рассеянным. Страдающие от этой болезни забывают одни, но хорошо помнят другие вещи. В случае с Фусаги его память постепенно разрушалась, начиная с самых новых воспоминаний. Между тем он помнил многое из прошлого.

Прямо сейчас Фусаги вспомнил, что у него была жена, но он не мог вспомнить, что Котакэ, стоящая перед ним, и была его женой.

– Эм... Думаю, что нет, – тихо сказала Котаке, отступив на один, а затем и на два шага назад.

Казу молча стояла и смотрела на Котаке, а Кей опустила свое бледное лицо вниз и уставилась на пол. Котаке медленно повернулась и пошла к стулу у кассы, дальше всех расположенному от Фусаги, и села там.

Присев, Котаке заметила, наконец, платок, выпавший у нее из руки. Она решила проигнорировать это. Но Фусаги заметил платок и поднял его. Он продолжал смотреть на платок еще мгновение, а потом встал и подошел к стулу у кассы, где сидела Котаке.

– Вы должны извинить меня, последнее время я стал многое забывать, – сказал он, поклонившись. Котаке не смотрела на Фусаги.

– Хорошо, – просто ответила она и взяла платок трясущимися руками.

Фусаги снова поклонился и неловко вернулся на место.

Он сел, но не мог расслабиться. Перелистнув несколько страниц своего журнала, мужчина остановился и почесал голову, затем взял чашку и отхлебнул кофе. Он только что получил добавку, но...

– Этот кофе холодный, – пробормотал он.

– Еще кофе? – спросила Казу.

Но Фусаги поспешно встал.

– Я сейчас уйду, – сказал он внезапно, закрыл журнал и начал собирать вещи.

Котаке продолжала рассматривать пол, сложив руки на коленях и крепко сжимая платок. Фусаги подошел к кассе и попросил счет.

– Сколько с меня?

– 380 йен, пожалуйста, – ответила Казу, глядя на Котаке. Она пробила сумму на кассовом аппарате.

– 380 йен, – Фусаги вытащил купюру в тысячу йен из своего изрядно потертого кожаного бумажника. – Хорошо, вот вам тысяча йен, – сказал он, передавая банкноту Казу.

– Ваша тысяча йен, – произнесла Казу, забирая деньги и барабаня по клавишам кассы. Фусаги продолжал украдкой смотреть на Котаке. Он выглядел обеспокоенно и оглядывался вокруг, явно ожидая какого-то подвоха.

– Вот ваши 620 йен сдачи.

Фусаги быстро протянул руку и взял сдачу.

– Спасибо за кофе, – сказал Фусаги, почти извиняясь, и поспешно покинул кафе.

Дзинь-дзинь

– Спасибо вам, приходите еще...

После ухода Фусаги кафе погрузилось в неловкую тишину. Только женщина в платье по-прежнему читала свою книгу и явно была безразлична к тому, что происходило вокруг нее. Без фоновой музыки единственными звуками, которые звучали в кафе, были тиканье часов и шорох перелистываемых страниц книги.

Казу первая нарушила это долгое молчание.

– Котаке... – обратилась она к неподвижной фигуре у стойки.

Не находя подходящих слов, Казу запнулась.

– Все в порядке, я мысленно готовилась к сегодняшнему дню... – процедила сквозь натянутую улыбку Котаке. – Не волнуйтесь.

Их разговор снова оборвался, атмосфера казалась невыносимой, и Котаке опять уставилась в пол.

Ранее Котаке уже рассказывала Кей и Казу про болезнь Фусаги.

Нагаре и Хирай также знали об этом. Котаке ожидала, что однажды Фусаги полностью забудет, кто она такая. Она всегда готовилась к этому.

«Если это случится...

– думала она, –

...я буду заботиться о нем как медсестра. Я медсестра, так что я справлюсь».

Причина, по которой Казу и Кей называли ее по девичьей фамилии, была в том, чтобы не запутать Фусаги. Раньше они называли ее госпожа Фусаги.

Ранний этап болезни Альцгеймера развивается по-разному у каждого человека, в зависимости от ряда факторов, включая возраст, пол, причину болезни и лечение. Ухудшение состояния Фусаги происходило сравнительно быстрыми темпами.

Котаке все еще была в шоке от того, что Фусаги забыл, кто она такая. Она попыталась обсудить это, но все были заняты своими делами. Она повернулась туда, где, как она думала, находилась Кей, но та исчезла на кухне. Почти мгновенно Кей появилась снова, держа в руках бутылку саке. – Подарок клиента, – пояснила она, поставив бутылку на стол. – Кто-нибудь будет пить? – спросила Кей, улыбаясь глазами, все еще красными от слез. Надпись на этикетке гласила: «Семь счастливых».

Спонтанный поступок Кей, казалось, разрядил обстановку. Котаке сомневалась насчет выпивки, но не хотела, чтобы саке выпили без нее.

– Ну, если только немного... – неуверенно произнесла она.

Котаке была благодарна Кей. Атмосфера в кафе изменилась, и сама Котаке вдруг с удивлением почувствовала необыкновенную радость, совсем

неожиданную в этот тяжелый момент ее жизни.

Хирай часто упоминала
талант Кей жить счастливо.

Несколько минут назад Кей выглядела подавленной, но теперь она смотрела на Котаке открытым и ясным взглядом. Котаке поняла, что не может оторваться от этих глаз, и странным образом они успокаивали ее.

– Посмотрю, смогу ли я найти какую-нибудь закуску, – сказала Казу и исчезла на кухне.

– Почему бы нам не согреть sake?

– Нет, и так нормально...

– Начнем прямо сейчас, будем пить sake как есть. – Кей аккуратно сняла крышку с бутылки и разлила жидкость в заранее приготовленные стаканы. Котаке почувствовала себя немного странно. Она усмехнулась. Кей наполнила стакан до краев и поставила его перед Котаке.

– Спасибо, – поблагодарила та со сдержанной улыбкой.

Казу вернулась с банкой огурцов.

– Это все, что я смогла найти...

– Вкуснотища! – воскликнула Кей, когда Казу поставила на стол тарелку под огурцы. Казу переложила соленья на тарелку и принесла три вилки. Кей сказала: «Сама я не могу пить», – достала пакет апельсинового сока из холодильника под барной стойкой и налила себе полный стакан.

Улыбнувшись, Котаке взяла стакан в руку. Никто из трех женщин не торопился начинать. Несмотря на то что Кей предложила им выпить, сама она не могла пить спиртное, поэтому налила себе только апельсиновый сок. Название sake «Семь счастливых», очевидно, сулило тому, кто его попробует, семь разных видов счастья. Это был прозрачный и светлый вид sake. Женщины не являлись знатоками напитка и не могли по достоинству оценить его тонкие вкусовые оттенки и приятный фруктовый аромат.

Но они выпили бутылку за один присест с большой радостью и даже счастьем, как и обещала надпись на этикетке.

* * *

Глубоко вдохнув сладкий аромат sake, Котаке вспомнила летний день, около пятнадцати лет назад, когда она впервые посетила это кафе.

Тем летом в Японии стояла жара. Рекордные температурные максимумы постоянно регистрировались по всей стране. Изо дня в день телеканалы обсуждали климатическую аномалию, ссылаясь на глобальное потепление. У Фусаги был выходной, и они вместе пошли по магазинам. Весь разгоря-

ченный и издерганный от жары, Фусаги попросил сделать передышку в прохладном месте, и они вместе стали искать подходящий уголок. Однако в этот жаркий день все хотели скрыться от палящих солнечных лучей. Ни в одном из кафе, мимо которых они проходили, уже не было свободных мест.

Случайно они заметили маленькую вывеску в узком переулке. Кафе называлось «Фуникули Фуникула». Это были слова из песни, которую Котаке когда-то слышала. Прошло много лет, но она все еще ясно помнила мелодию. Песня была о восхождении на вулкан. Образ огненной горячей лавы посреди жаркого летнего дня еще больше накалил обстановку, на лбу Котаке выступили капли пота. Однако когда они открыли тяжелую деревянную дверь и вошли в кафе, там было свежо и прохладно. Звон колокольчика на входной двери звучал успокаивающе. Внутри оказался небольшой зал на три двухместных столика и три стула у барной стойки. Единственным посетителем здесь была женщина в белом платье, сидящая за самым дальним от входа столом. Это кафе стало настоящей находкой для них.

Фусаги сказал: «Какое облегчение», – и решил сесть за столик ближе ко входу. Он сразу заказал кофе-глясе у женщины с сияющими глазами, которая подала им стаканы с холодной водой. Котаке сказала: «Мне тоже кофе-глясе, пожалуйста», – и села напротив. Фусаги, почувствовавший себя неудобно на стуле, пересел к стойке. Это не расстроило Котаке, так как она привыкла к замкнутости мужа. Сейчас она думала о том, как чудесно найти такое кафе недалеко от больницы, в которой она работала.

Толстые опоры стен и массивная деревянная балка, проходящая через потолок, были блестящими и темно-коричневыми, как каштаны. На стене висели трое больших часов. Котаке мало что смыслила в антиквариате, но могла суверенностью сказать, что часы старинные. Стены были прокопченными, отделанными глиняной штукатуркой с прекрасной патиной из темных пятен, очевидно, накопленных за долгие годы. Снаружи еще стоял полдень, но в этом кафе без окон ощущение времени терялось. Тусклое освещение окрашивало кафе в оттенок сепия. Все это способствовало созданию успокаивающей ретроатмосферы.

В кафе было прохладно. Котаке искала глазами кондиционер, но не нашла его. Под потолком медленно вращался вентилятор с деревянными лопастями. Размышляя, как странно, что здесь сохраняется прохлада, она спросила об этом Кей и Нагаре. Однако никто из них не дал удовлетворительного ответа, они просто сказали: «Здесь всегда так было».

Котаке очень понравилась атмосфера кафе, а еще больше – сама Кей и другие сотрудники. Так сильно, что она начала часто посещать кафе во

время обеденных перерывов.

* * *

– Ваше... – Казу собиралась сказать «Ваше здоровье», но осеклась, будто совершила бестактность.

– Я думаю, что это не повод для праздника... не так ли?

– Ой, да ладно... давай не будем слишком нагнетать, – печально сказала Кей.

Она повернулась к Котаке и сочувственно улыбнулась.

Котаке подняла свой стакан и поднесла к стакану Казу.

– Простите...

– Нет-нет, все в порядке, – Котаке ободряюще улыбнулась и чокнулась с Казу.

Звон стекла – неожиданный и жизнеутверждающий – разнесся по всему кафе.

Котаке сделала глоток sake «Семь счастливых». Его нежная сладость наполнила ее рот.

– Прошло полгода с тех пор, как он начал называть меня по моей девичьей фамилии... – Котаке понизила голос. – Его болезнь потихоньку прогрессирует... Он угасает, медленно, но необратимо... Его память обо мне исчезает... – Котаке горько усмехнулась. – Я мысленно готовилась к этому, – тихо сказала она.

Кей слушала, и ее глаза снова медленно краснели от слез.

– Но все действительно нормально... правда, – торопливо добавила Котаке, сопроводив свои слова ободряющим жестом.

– Эй, ребята, я же медсестра... Послушайте, даже если мое существование полностью стерто из его памяти, я буду частью его жизни как медсестра. Я все еще буду рядом с ним.

Котаке выбрала свою самую уверенную интонацию, чтобы успокоить Кей и Казу. Она знала, что говорила. Она намеренно храбрилась, но ее храбрость была подлинной.

«Я все еще могу быть рядом с ним, потому что я медсестра».

Казу с бесстрастным выражением лица вертела свой стакан.

Глаза Кей снова наполнились слезами, и одна из них упала на пол.

Кап

За спиной Котаке раздался звук. Женщина в платье закрыла роман, который читала.

Котаке обернулась, чтобы посмотреть на женщину в платье, положившую книгу на стол. Та взяла носовой платок из своей белой сумки и встала из-за стола. Она собиралась в туалет. Женщина в платье направилась в туалет тихими шагами. Если бы они не услышали, как она захлопнула роман, то, возможно, даже не заметили бы, что она ушла.

Глаза Котаке оставались прикованными к движениям женщины в платье, но Кей лишь мельком взглянула на нее, а Казу глотнула sake и даже не посмотрела в ее сторону. В конце концов, для них это было обычное явление.

– Это напоминает мне... Интересно, почему Фусаги хочет вернуться в прошлое? – тихо сказала Котаке, пристально глядя на стул, освобожденный женщиной в платье. Котаке, конечно, знала, что это было место для возвращения в прошлое.

До того как болезнь Альцгеймера начала прогрессировать, Фусаги не принадлежал к тем людям, которые верят в подобные сказки. Когда Котаке простодушно болтала о легенде этого кафе, возвращающего в прошлое, он мог назвать все это глупостью. Он не верил ни в призраков, ни в паранормальные явления.

Но когда у него началась потеря памяти, некогда скептически настроенный Фусаги стал приходить в кафе и ждать, пока женщина в платье покинет свое место. Впервые услышав об этом, Котаке не могла поверить. Однако как медсестра она знала, что болезнь Альцгеймера часто сопровождается изменениями личности, и поэтому Котаке решила, что нет ничего странного в том, что муж изменил свои убеждения.

Но почему он хочет вернуться в прошлое?

Котаке было очень любопытно. Она спрашивала его об этом несколько раз, но он никогда не отвечал ей почему, просто говорил: «Это секрет».

– Очевидно, он хочет отдать вам письмо... – сказала Казу, будто прочитав мысли Котаке.

– Отдать мне?

– Ага...

– Письмо?

– Фусаги сказал, что это что-то, что он так и не смог вам отдать...

– ...

Котаке вдруг замолчала, а потом твердо, почти грубо произнесла:

– Понимаю.

Сомнения отразились на лице Казу. Котаке неожиданно отреагировала на эту новость. Не было ли дерзостью с ее стороны упоминать о письме?

Но ответ Котаке не имел никакого отношения к Казу. Истинная причи-

на реакции Котаке заключалась в том, что неожиданная новость о письме Фусаги не имела смысла. Фусаги никогда не умел толком ни читать, ни писать.

* * *

Фусаги вырос в нищете в заброшенном провинциальном городишке. Все его родственники занималась торговлей морскими водорослями, и каждый член семьи должен был помогать по мере сил. У Фусаги почти не оставалось времени на учебу, в результате он выучил только хирагану (японскую азбуку) и около сотни иероглифов кандзи – то, что нормальный ребенок обычно осваивает в начальной школе.

Котаке и Фусаги познакомились через общих знакомых. Котаке был 21 год, а Фусаги – 26. Тогда еще не появились мобильные телефоны, поэтому они общались по обычному телефону или переписывались. Фусаги хотел стать ландшафтным дизайнером и буквально жил на своем рабочем месте. Поэтому их общение в основном происходило в переписке. Позже Котаке начала учиться в школе медсестер, и возможностей для встреч стало еще меньше. В общем, они общались письмами.

Котаке в своих письмах рассказывала обо всем: о себе, об учебе в школе медсестер, о прочитанных книгах, о своих мечтах, о простых повседневных событиях... Она подробно описывала свои чувства. Иногда письма были длиной до десяти страниц.

Ответы Фусаги всегда были короткими. Случалось, что он присылал ответы в одну строчку типа: «Спасибо за интересное письмо» или «Я понимаю, что ты имеешь в виду». Сначала Котаке думала, что он занят работой и не успевает ей отвечать, но письмо за письмом Фусаги продолжал присылать короткие фразы. Котаке сочла, что Фусаги не сильно заинтересован в их общении с ней и написала, что если она не интересна Фусаги, то он может вообще не отвечать ей больше, и что она прекратит переписку, если не получит от него ответ на это письмо.

Фусаги обычно отвечал в течение недели, но не в этот раз. Ответ не пришел и через месяц. Для Котаке это был шок. Конечно, ответы Фусаги были короткими. Но они всегда были вежливыми, казались честными и искренними. Поэтому Котаке пока не унывала. Она ждала два с половиной месяца.

И на исходе этого срока от Фусаги пришло письмо. В нем была всего одна фраза:

«Давай поженимся».

Эти два слова растопили ее сердце, она еще никогда не испытывала ничего подобного. Но Котаке не знала, как ответить на письмо. Она долго подбирала слова, но в конце концов просто написала:

«Да, давай поженимся».

Только позже Котаке узнала, что Фусаги едва умеет читать и писать. Когда она узнала об этом, то спросила, как ему удалось читать ее длинные письма. Он объяснил, что просто пробежался глазами по тексту, а в своих ответах руководствовался общим ощущением от письма. Но пробежав глазами последнее письмо, он ощутил, что упустил нечто важное. И тогда Фусаги стал просить разных людей объяснить ему значения слов и прочитал письмо до последней строчки – вот почему он не отвечал так долго.

* * *

Котаке все еще выглядела так, будто не могла в это поверить.

– Это был коричневый конверт, примерно такого размера, – сказала Казу, рисуя размеры конверта пальцами в воздухе.

– Коричневый конверт?

Использование коричневого конверта должно было что-то означать для Фусаги, но Котаке не понимала смысла.

– Возможно, любовное письмо? – предположила Кей, невинно сверкнув глазами.

Котаке жалобно улыбнулась.

– Нет, ни за что, – сказала она, размахивая руками, чтобы отвергнуть эту идею.

– Но если бы это было любовное письмо, что бы вы сделали? – спросила Казу со смущенной улыбкой.

Обычно она не вмешивалась в чужую личную жизнь, но сейчас ей хотелось обсудить версию с любовным письмом, чтобы развеять мрачную атмосферу, царящую в кафе.

Котаке тоже хотела сменить тему, поэтому охотно приняла версию о любовном письме, предложенную человеком, который не знал, что Фусаги был практически безграмотен.

– Думаю, я бы с удовольствием прочитала его, – ответила Котаке, улыбаясь.

Она не солгала. Если это письмо было любовным признанием, написанным Фусаги, то, разумеется, она хотела прочитать его.

– Почему бы не вернуться и не посмотреть? – спросила Кей.

– Что?

Котаке в недоумении уставилась на Кей, не понимая, о чем она говорит. Казу также отреагировала на безумную идею Кей, она резко поставила свой стакан на барную стойку и воскликнула:

– Сестренка, ты серьезно?

– Она должна прочитать это, – уверенно сказала Кей.

– Кей, дорогая, опомнись... – взывала Котаке, пытаясь остановить ее, но было уже слишком поздно. Кей взволнованно дышала, и ей были совершенно не интересны попытки Котаке удержать ее.

– Если это любовное письмо, которое написал вам Фусаги, то вы должны его получить!

Кей была убеждена, что письмо Фусаги содержало любовное признание. И пока это сидело у нее в голове, она была неудержима. Котаке знала Кей достаточно давно, чтобы понять это.

Казу была не в восторге от происходящего, но она просто вздохнула и улыбнулась.

Котаке в очередной раз посмотрела на освободившееся место женщины в платье.

– ...

До нее доходили слухи о возвращении в прошлое. Она также знала о нелепых правилах, но никогда, ни разу не думала путешествовать во времени сама. Она даже не была уверена в том, что это вообще возможно. И все же, если был хотя бы один шанс... Больше всего на свете она хотела знать содержание письма. Если бы только ей удалось вернуться в тот день, когда Фусаги планировал отдать ей свое послание.

Однако она не могла решить для себя, правильно ли было возвращаться в прошлое, чтобы получить конверт, теперь, когда она знала, что Фусаги желал вернуться в прошлое, чтобы отдать ей письмо. Котаке глубоко вздохнула и попыталась спокойно все обдумать.

Она вспомнила о правиле, согласно которому возвращение в прошлое не изменит настоящего, как бы сильно она ни старалась. Это означало, что даже если она вернется в прошлое и получит письмо, ничего не изменится.

Котаке решила уточнить это у Казу.

– В настоящем ничего не изменится, – подтвердила Казу.

– ...

Котаке почувствовала, как камень свалился с ее души. Итак, «в настоящем ничего не изменится» означало, что даже если она вернется в прошлое и возьмет письмо, то в нынешнем состоянии Фусаги, который собирается вернуться в прошлое, чтобы отдать ей письмо, не произойдет никаких изменений.

Котаке допила свое саке «Семь счастлих». Это было именно то, что придало ей решительности. Резко выдохнув, она поставила стакан на стойку.

– Все верно... – пробормотала Котаке себе под нос.

– Если это действительно любовное письмо, написанное для меня, какая может быть проблема в том, чтобы прочитать его?

Котаке пыталась заглушить в себе чувство вины, нарочно называя это любовным письмом.

Кей энергично кивнула в знак согласия и допила стакан апельсинового сока, как бы выражая солидарность с Котаке.

[–]

Казу не присоединилась к остальным, она молча поставила недопитый стакан на стойку и исчезла в кухне.

Котаке стояла перед стулом, который, предположительно, должен был перенести ее в прошлое. Она осторожно проскользнула между столом и стулом и опустилась на мягкое сиденье. Все стулья в этом кафе выглядели как предметы антикварной мебели, элегантные, с изогнутыми ножками, обитые зеленой тканью. Котаке вдруг заметила одну странность – они сохранились в отличном состоянии, как если бы были совершенно новыми. Весь интерьер кафе оставался сверкающим и чистым. А ведь если оно открылось в самом начале периода Мэйдзи, то просуществовало уже более 100 лет.

Женщина восхищенно вздохнула. Она знала, что для того чтобы сохранить это кафе в такой чистоте, кто-то тратит уйму сил и времени на ежедневную уборку. Она огляделась вокруг, чтобы отыскать Казу. Та незаметно приблизилась. Девушка стояла совсем рядом так тихо, что Котаке сделалось страшно. В руках у нее был серебряный поднос. На подносе стояла белая кофейная чашка, а вместо стеклянного графина, обычно используемого для обслуживания клиентов, – маленький серебряный кофейник.

Казу как будто изменилась, готовясь исполнить свой ритуал с кофе. Девичья угловатость полностью исчезла, лицо было торжественным.

– Вы ведь знакомы с правилами, не так ли? – спросила Казу немного отстраненным тоном.

Котаке начала поспешно вспоминать правила возвращения в прошлое.

Первое заключалось в том, что, вернувшись в прошлое, можно встретить только тех, кто посещал это кафе.

«Я понимаю... даже если бы вся страна узнала об этом кафе... возвращение в прошлое было бы бессмысленно почти для всех, так как им некого было бы там встретить,

– подумала Котаке. –

Однако для меня это правило не проблема. Ведь Фусаги бывал здесь бесчисленное количество раз».

Второе правило гласило: что бы вы ни сделали в прошлом, настоящее не изменится. Котаке уже убедилась, что это правило не было проблемой. Если она вернется в прошлое, чтобы забрать письмо, она не изменит настоящее. Конечно, правило не ограничивалось только письмами. Если бы, например, был обнаружен и каким-то образом возвращен в прошлое способ лечения болезни Альцгеймера, это не смогло бы улучшить состояние Фусаги. Это правило казалось ей несправедливым.

Третье правило заключалось в том, что для возвращения в прошлое нужно было сидеть на стуле, который занимала женщина в платье. Котаке слышала, что эта женщина обычно ходит в туалет раз в день. Но никто не знал, во сколько именно она пойдет туда. Просто по стечению обстоятельств женщина в платье пошла в туалет как раз в подходящий для Котаке момент. Эта редкая возможность, которую нельзя было упустить. Она не знала, правда это или нет, но слышала, что если попытаться силой спихнуть женщину в платье с ее места, она проклянет тебя. Впрочем, такой необходимости у Котаке не было, ей действительно повезло.

Но на этом нелепые правила не заканчивались.

Четвертое правило запрещало вернувшемуся в прошлое покидать место, на котором он сидит. Нет, человек не прилипал к стулу, но если вста-

вал с него, немедленно возвращался в настоящее. Кафе находилось в подвале, мобильные телефоны здесь не работали, и значит, невозможно было вернуться в прошлое и позвонить кому-то за пределами кафе.

Котаке слышала, что несколько лет назад кафе стало очень популярным из-за городской легенды. Толпы клиентов жаждали вернуться в прошлое.

«Неудивительно, что клиенты прекратили приходить сюда из-за всех этих нелепых правил»,

– подумала Котаке.

* * *

Котаке вдруг поняла, что Казу молча ждет ответа.

– Я должна выпить кофе, пока он не остынет, верно? – спросила Котаке.

– Да.

– Нужно сделать что-то еще?

Это были все правила, которые Котаке смогла вспомнить. Помимо правил, она хотела бы знать еще кое-что:

как она вернется в нужный день и в нужное время?

– Вам нужно сформировать сильный образ того дня, в который вы хотите вернуться, – добавила Казу, будто прочитав мысли Котаке.

Сформировать образ дня – довольно расплывчатое определение.

– Образ дня? – переспросила Котаке.

– Того дня, когда Фусаги еще помнил вас. Дня, когда он думал передать вам письмо... и когда он принес письмо с собой в кафе.

Казу четко объяснила ей, как сформировать образ нужного дня. Котаке вновь и вновь повторяла ее слова, перечисляя все необходимые условия.

– День, когда он еще помнил... Письмо... День, когда он пришел.

День, когда Фусаги еще помнил Котаке.

Это была грубая догадка, но она вспомнила один летний день, три года назад, до того, как у Фусаги обнаружили симптомы болезни.

День, когда Фусаги собирался вручить ей письмо.

Это было трудно. Если Котаке не получила его, откуда она могла знать?! Но вернуться в прошлое за день до того, как он написал письмо, было бы бессмысленно. Котаке решила, что ей просто стоит представить себе образ Фусаги, пишущего письмо.

И день, когда он принес письмо с собой в кафе.

Это было важно. Даже если ей удастся вернуться в прошлое и встретиться там с Фусаги, но у него не будет письма, все станет бессмысленным. К счастью, она знала, что Фусаги обычно клал все важные вещи в черный

портфель на молнии и носил его с собой. Если это было любовное письмо, Фусаги не оставил бы его дома. Он определенно прятал его от Котаке и носил с собой в портфеле на молнии.

Она не знала, в какой день муж собирался отдать ей свое послание, но, очевидно, это день, когда он брал с собой портфель. Котаке сформировала образ Фусаги с портфелем на молнии.

– Вы готовы? – спросила Казу тихим и ровным голосом.

– Минутку.

Котаке глубоко вздохнула. Она представила все, что было необходимо, еще раз.

– День, когда он еще помнил меня... письмо... день, когда он пришел... – бубнила она себе под нос.

Ладно, хватит топтаться на месте. Она была готова.

– Я готова, – твердо сказала женщина, глядя прямо в глаза Казу.

Казу кивнула в знак одобрения. Она поставила пустую кофейную чашку перед Котаке и бережно взяла с подноса правой рукой серебряный кофейник. Ее движения были плавными и изящными.

– Просто запомните... – Казу стояла лицом к Котаке, опустив глаза, – ...выпейте кофе, пока он не остыл, – прошептала она.

Котаке почти физически ощутила, какой напряженной стала атмосфера в кафе после этих слов.

Казу начала наливать кофе в чашку.

Тонкая черная струйка полилась из узкого носика серебряного кофейника. В отличие от булькающего звука кофе, налитого из сосуда с широким горлом, сейчас напиток лился тихо. Беззвучно и медленно он заполнял белую чашку.

Котаке никогда раньше не видела такого кофейника. Он был небольшим и очень элегантным.

«Наверное, кофе из него тоже должен быть особенным».

Когда эти мысли пронеслись у нее в голове, из наполненной чашки начал подниматься шлейф пара. Пространство вокруг Котаке замерцало и как будто стало пульсировать. Кафе вокруг теперь казалось миражом. Она вспомнила про саке «Семь счастливых».

«Возможно, я чувствую сейчас его эффект?»

Нет. Тут определенно было что-то другое. То, что она чувствовала сейчас, вызывало в ней сильную тревогу. Ее тело как будто тоже начало подрагивать и мерцать. Она стала паром от кофе. Казалось, изображение задвигалось в обратном направлении, как при перемотке назад киноплёнки. Словно она сама стала паром, а время вокруг нее обратилось вспять.

Котаке закрыла глаза не столько от страха, сколько пытаясь сфокусироваться. Если это действительно путешествие назад во времени, ей нужно быть готовой к тому, что она увидит.

* * *

Самое первое изменение в Фусаги, которое заметила Котаке, было просто короткой фразой. В тот день Котаке ждала мужа с работы и готовила ужин. Фусаги был ландшафтным дизайнером. Главное в его работе, как он сам утверждал, – гармония. Сад должен находиться в гармонии с домом – быть не слишком красочным, но и не слишком простым. Рабочий день Фусаги начинался рано и заканчивался ближе к закату. Если не было особой причины задержаться, он сразу возвращался домой. Когда Котаке не работала в ночную смену, она ждала возвращения мужа дома и они ужинали вместе. Настала ночь, а Фусаги все не возвращался. Котаке подумала, что это странно, но предположила, что он, должно быть, решил выпить где-нибудь с коллегами.

Наконец, Фусаги вернулся домой, на два часа позже обычного. Приходя, он всегда звонил в дверь три раза.

День-дон... день-дон... день-дон... Это был его способ объявить Котаке о том, что он дома. Но той ночью он не позвонил в звонок. Вместо этого Котаке услышала звук вращения дверной ручки и голос снаружи: «Это я».

Котаке в панике бросилась открывать дверь. Она подумала, что ее муж, должно быть, серьезно поранился, поэтому и не смог позвонить в дверь. Но на пороге стоял самый обычный Фусаги. Он снял с плеча сумку с инструментами и немного смущенно сказал: «Я заблудился».

Это произошло в конце лета два года назад.

Будучи медсестрой, Котаке умела распознавать ранние симптомы целого ряда болезней. Она поняла, что это не было простой забывчивостью. Вскоре после того случая он перестал помнить, ходил сегодня на работу или нет. Когда болезнь стала прогрессировать, Фусаги проснулся ночью и сказал: «Я забыл сделать кое-что важное». Когда это случилось, Котаке не кинулась переубеждать мужа; она сосредоточилась на том, чтобы успокоить его и объяснить, что они могут проверить это утром.

Котаке проконсультировалась с врачом втайне от Фусаги. Она была готова испробовать все, что может помешать болезни прогрессировать или хоть чуть-чуть замедлить ее ход.

Но с течением времени Фусаги начал забывать все больше и больше.

Фусаги любил путешествовать. Но больше ему нравилось не само путе-

шествие, а возможность осматривать новые сады в этих поездках. Котаке всегда брала отпуск в то же время, чтобы они могли путешествовать вдвоем. Фусаги выражал недовольство и говорил, что будет работать в поездке, но Котаке не обижалась. Во время путешествия Фусаги все время хмурился, но Котаке знала, что ее муж всегда выглядел так, даже когда занимался чем-то приятным ему.

Когда Фусаги заболел, он не прекратил путешествовать, но стал посещать одни и те же места по несколько раз.

Через некоторое время болезнь начала влиять на их образ жизни. Фусаги стал забывать о покупках, которые делал. Все чаще и чаще случалось, что он спрашивал: «Кто купил это?», а потом проводил остаток дня в плохом настроении. Потом он начал забывать дорогу домой. А около шести месяцев назад Фусаги вдруг назвал ее по девичьей фамилии – Котаке.

* * *

Наконец, головокружение, дрожь и мерцание прошли. Котаке открыла глаза. Она увидела вентилятор, медленно вращающийся под потолком... свои руки... и ноги. Она больше не была паром.

Однако она не знала, действительно ли вернулась в прошлое. В кафе не было окон. Освещение всегда было приглушенным, а интерьер кафе – тусклым и окрашенным в оттенок сепия. На стене висело трое массивных часов, но их стрелки показывали совершенно разное время. Словом, было невозможно понять, день или ночь за стенами кафе.

Но что-то изменилось. Казу, которая только что налила ей кофе, исчезла. Кей тоже не было видно. Котаке попыталась успокоиться, но не смогла унять сердцебиение, которое становилось все сильнее. Она еще раз осмотрела кафе.

– Здесь никого нет, – пробормотала женщина удрученно. Она вернулась в прошлое специально, чтобы встретиться с Фусаги, и сейчас его отсутствие стало для нее почти невыносимым разочарованием.

Это было фиаско, но, возможно, и к лучшему. Вообще-то, в некотором смысле она почувствовала облегчение. Конечно, она хотела прочитать письмо. Но она не могла не чувствовать вину за то, что подглядывала, если можно так выразиться. Фусаги, несомненно, разозлился бы, узнав, что она прибыла из будущего, чтобы прочитать его письмо.

Ее поступок никак не повлияет на настоящее. Ничего страшного, если она никогда не прочитает это письмо. Если состояние Фусаги улучшилось бы от этого, она бы, конечно, его прочитала – она бы отдала жизнь, чтобы

его прочитать. Но письмо не имело отношения к состоянию ее мужа. Письмо не могло отменить того, что он забыл ее.

Котаке хладнокровно и рационально размышляла о происходящем с ними. Совсем недавно она была шокирована тем, что Фусаги спросил ее: «Простите... а мы встречались раньше?» Это очень расстроило ее. Она знала, что такой момент настанет, но это выбило ее из равновесия... и привело сюда.

Котаке почувствовала себя спокойнее.

Возвращение в прошлое ничего не дает. Я должна вернуться в настоящее. Даже если сейчас я уже просто незнакомка для Фусаги, я могу быть его медсестрой. В конце концов, это моя профессия. Я должна сделать все, что в моих силах. Котаке вспомнила, что так решило когда-то ее сердце, и утвердилась в этой мысли.

– Сомневаюсь, что это любовное письмо, – пробормотала она себе под нос, протягивая руку к чашке кофе.

Дзинь-дзинь

Кто-то вошел в кафе. Чтобы попасть сюда, нужно было спуститься вниз по лестнице с первого этажа. В конце лестницы находилась массивная деревянная дверь высотой около двух метров. Когда эта дверь открывалась, звонил дверной колокольчик. Но посетитель не сразу появлялся в зале, сначала ему нужно было пересечь площадку с глиняным полом.

Поэтому, когда зазвонил колокольчик, Котаке понятия не имела, кто вошел в кафе. Это был Нагаре?.. или Кей?.. Котаке напряглась. Ее сердце бешено колотилось от волнения. Такое не происходит с вами каждый день – точнее, подобный опыт можно пережить лишь раз в жизни.

«Если это Кей, она, вероятно, расспросит меня. Если это Казу, то она, скорее всего, просто обслужит меня, как клиента... зануда».

Котаке проигрывала различные сценарии в голове. Но человек, который появился, не был ни Кей, ни Казу. У входа в кафе стоял Фусаги.

– О боже... – спонтанно воскликнула Котаке. Его внезапное появление застало ее врасплох. Она вернулась ради Фусаги, но она не ожидала увидеть его на пороге кафе.

Фусаги был одет в темно-синюю майку поло и бежевые шорты до колен. Эту одежду он часто носил по выходным. Должно быть, снаружи было жарко, потому что он обмахивался своим черным портфелем на молнии.

Котаке сидела неподвижно. Фусаги несколько мгновений продолжал стоять у входа, ошарашенно уставившись на нее.

– Привет... – начала Котаке.

Она почувствовала замешательство, не зная, как объяснить свое нахождение здесь. Фусаги никогда не смотрел на нее так. Нет, с тех пор, как они встретились, – даже с тех пор, как они поженились. Это было и лестно, и неловко одновременно.

Она сформировала неясный образ одного дня три года назад, но она не знала, как проверить, действительно ли попала именно в него. Возможно, она не смогла сделать все правильно, по ошибке сказала только «три» – и в результате вернулась на три дня назад?

– О, привет... Я не ожидал тебя здесь увидеть, – произнес он, и это была истинная правда.

Фусаги говорил как до начала болезни – он был именно таким, каким она его запомнила. – Я ждал тебя дома, но ты не вернулась домой... – добавил он.

Он отвел глаза и нервно кашлянул, приподняв брови, как будто испытывал дискомфорт.

– Так это действительно ты?

– А?

– Ты знаешь, кто я?

– Что?

Фусаги посмотрел на Котаке с легким недоумением.

Но Котаке, конечно, не шутила. Она должна была убедиться. Было очевидно, что она вернулась в прошлое. Но в какое именно прошлое? До того момента, как у Фусаги началась болезнь Альцгеймера? Или после?

– Просто произнеси мое имя, – потребовала она.

– Ты перестанешь надо мной издеваться? – негодуя спросил он.

Хотя он не ответил на вопрос, Котаке с облегчением улыбнулась.

– Нет... все в порядке... – сказала она, покачав головой.

Этот короткий диалог развеял сомнения Котаке.

Она определенно вернулась в прошлое. Фусаги, стоящий перед ней, был тот Фусаги, который еще не успел потерять память. И если сформированный ею образ сработал, то это был Фусаги именно три года назад. Котаке улыбнулась и без особой нужды помешала свой кофе. Фусаги наблюдал за ней.

– Ты сегодня ведешь себя немного странно, – сказал он, оглядывая кофе, как будто только что понял, что там больше никого нет.

– Нагаре, ты здесь? – крикнул он в сторону кухни.

Не получив никакого ответа, Фусаги обогнул барную стойку, шлепая сандалиями при ходьбе. Заглянул в подсобку, но там никого не было.

– Странно... здесь никого нет, – проворчал он и сел на стул у стойки,

максимально далеко от жены.

Котаке нарочно кашлянула, чтобы привлечь внимание Фусаги. Он посмотрел на нее усталым взглядом.

– Что?

– Почему ты сидишь там?

– Почему бы и нет?

– Почему бы тебе не подойти ко мне и не посидеть здесь?

– ...

– Здесь...

Котаке постучала по столу, приглашая мужа сесть на свободный стул рядом с ней. Но Фусаги отказался.

– Нет... Мне и здесь хорошо, – ответил он.

– Ой, да ладно тебе... почему? – спросила Котаке с неудовольствием.

– Немолодая супружеская пара, сидящая вместе вот так... Неа, – сказал Фусаги немного раздраженно. Борозды между его бровями углубились. Он всячески демонстрировал, что не в восторге от этой идеи. Но когда Фусаги так хмурил брови, это не говорило о его недовольстве. Напротив, так он делал в хорошем настроении.

Котаке знала его слишком хорошо, она сразу поняла это.

– Да, верно... мы и есть супружеская пара... – согласилась она, улыбаясь. Она была так рада слышать слово «пара» из уст Фусаги.

– Ну!.. Не будь такой занудой!

Теперь от любых слов Фусаги на нее накатывали волны ностальгии и счастья. Котаке рассеянно отхлебнула кофе.

– Ой! – воскликнула она, заметив, как сильно он остыл.

Внезапно Котаке осознала, как мало у нее времени. Она должна была осуществить задуманное до того, как кофе остынет.

– Слушай, я кое о чем хочу тебя спросить.

– О чем же?

– Есть ли что-нибудь... что ты хочешь мне передать?

Сердце Котаке бешено забилося. Если бы это было письмо, написанное до начала болезни, это могло бы быть даже и любовное письмо.

«Абсолютно невозможно...»

– твердила она себе. Но если это правда... Она испытывала дикое желание прочесть его, оправдывая себя нелепым правилом, что никакие ее действия не изменят настоящее.

– Что?

– Я говорю об этом... – Котаке нарисовала контур конверта в воздухе пальцами, как ей показала Казу.

– ...

Лобовая атака привела к тому, что Фусаги насторожился. «Я все испортила», – с ужасом подумала Котаке, увидев его тревожное выражение лица. Она вспомнила похожее событие, которое произошло вскоре после их свадьбы.

Фусаги приготовил подарок на день рождения Котаке. За день до события она случайно заметила его среди вещей Фусаги. Никогда прежде не получая от него подарков, Котаке обрадовалась. В день рождения, когда Фусаги вернулся с работы, Котаке была так взволнована, что спросила: «Разве у тебя нет для меня сегодня чего-нибудь особенного?» Но услышав это, Фусаги замкнулся. «Нет, ничего», – сказал он. На следующий день она нашла свой подарок в мусоре. Это был сиреневый платок.

Котаке почувствовала, что повторила ту же ошибку, что и в прошлый раз. Фусаги ненавидел, когда ему указывали делать то, что он собирался сделать сам. Теперь Котаке боялась, что даже если бы у Фусаги и было письмо, он никогда не отдал бы его, особенно любовное письмо. Она раскаивалась в своей неосторожности, тем более что время поджимало. Фусаги все еще выглядел встревоженным. Котаке улыбнулась ему.

– Извини. Я ничего не имела в виду. Пожалуйста, забудь об этом, – произнесла она легкомысленным тоном. Чтобы подчеркнуть, что для нее это не имело значения, она завела разговор о пустяках:

– Послушай, я просто подумала... почему бы нам не приготовить *сукияки* сегодня вечером?

Это было любимое блюдо Фусаги. Обычно такая перспектива поднимала ему настроение, но сейчас, похоже, этого было недостаточно.

Котаке медленно дотронулась до чашки и проверила температуру кофе ладонью. Все было в порядке. У нее еще оставалось время. И Котаке решила насладиться драгоценными минутами с мужем. Она хотела на время забыть про любовное письмо. Судя по реакции Фусаги, он действительно написал его. Если бы это было не так, он бы сразу ответил: «О чем ты, черт возьми, говоришь?» Если бы она продолжала упорствовать, он бы в конце концов выбросил письмо. Котаке решила поменять стратегию и попыталась изменить настроение Фусаги.

Котаке посмотрела на Фусаги. Его лицо все еще оставалось серьезным. Но с другой стороны, он всегда был таким. Он не хотел, чтобы она думала, что он мгновенно развеселится, просто услышав слово «сукияки». Таков был Фусаги до болезни Альцгеймера. Но даже его угрюмое лицо было для нее очень дорогим.

– О, я понял... Я вижу, что происходит... – сказал Фусаги с мрачным видом. Он встал со стула у барной стойки и подошел к ней.

– Что ты имеешь в виду? – в испуге спросила Котакэ у грозно нависшего над ней Фусаги, сверлившего ее глазами. – Что случилось?

Котакэ вскрикнула. Она никогда раньше не видела Фусаги таким.

– Ты из будущего... верно?

– Даааа... – было безумием отвечать так, но Котакэ растерялась. Он был прав – она пришла из будущего.

– Ээээ... послушай... – Котакэ попыталась вспомнить правило, которое гласило бы:

«Когда ты возвращаешься в прошлое, ты не можешь раскрывать того, что ты из будущего».

Но такого правила не было.

– Слушай, я сейчас объясню...

– Мне сразу показалось странным, что ты сидишь на том стуле.

– Да... но...

– Значит, ты знаешь о моей болезни.

Котакэ почувствовала, что ее сердце снова начинает колотиться. Она думала, что перенеслась в прошлое до его болезни, но она ошибалась. Фусаги, стоящий перед ней, знал о своей болезни.

Достаточно было взглянуть на его одежду, чтобы понять, что на дворе лето. Это означало, что все происходило два года назад. Ее перенесли в прошлое на два года назад – в то время, когда Фусаги начал забывать дорогу домой и когда она начала замечать следы его болезни. А если бы это было год назад, то их разговор с Фусаги был бы просто безумием.

Она хотела перенестись на три года назад. Но она вернулась в тот день, который соответствовал сформированному ею образу:

«день, когда Фусаги помнил о ней... день, когда он думал передать ей письмо... и день, когда он принес письмо с собой в кафе...»

Причина, по которой она не перенеслась в прошлое на три года назад, заключалась в том, что Фусаги тогда еще не написал свое письмо!

Если письмо было написано после наступления болезни, Котакэ сразу отметала версию любовного послания. Во всяком случае, Фусаги, стоящий перед ней, знал о своей болезни, поэтому вполне вероятно, что содержание письма касалось болезни. Кроме того, ужасная реакция Фусаги, когда Котакэ упомянула о письме, только подтверждала это.

– Ты ведь знаешь, не так ли? – решительно спросил Фусаги, настаивая, чтобы она ответила.

Котакэ не видела смысла отпираться.

– ...

Она молча кивнула.

– Понимаю... – пробормотал Фусаги.

Спокойствие вернулось к Котаке.

«Ладно, что бы я здесь ни сделала, это не изменит настоящего. Но это может расстроить Фусаги... Я бы никогда не стала возвращаться в прошлое, если бы знала, что так случится. Мне так стыдно, что я увлеклась идеей любовного письма».

Котаке почувствовала глубокое раскаяние в том, что вернулась в прошлое. Но сейчас не было времени тонуть в сожалениях. Фусаги замолчал.

– Дорогой... – позвала Котаке.

Она никогда не видела, чтобы он выглядел так подавленно. Это разрывало ее сердце. Фусаги внезапно отвернулся от жены и направился к стулу, на котором сидел. Он взял черный портфель, оставленный у барной стойки, вытащил из него коричневый конверт и вернулся к Котаке. На его лице не было никаких признаков горя или отчаяния. Скорее, он выглядел смущенным.

Фусаги начал бормотать низким голосом, который было трудно услышать.

– Ты, живущая в это время, не знаешь о моей болезни...

«У Фусаги могло сложиться такое впечатление. Но "я" уже знаю или очень скоро узнаю об этом».

– Я просто не представляю, как тебе сказать...

Фусаги поднял коричневый конверт, чтобы показать Котаке. Он пытался сообщить жене, что у него болезнь Альцгеймера, с помощью этого письма.

«Но мне не нужно читать его... Я уже знаю. Было бы более логично отдать его мне в прошлом. Той "мне", которой Фусаги не смог передать его... Но если он не может передать его прошлой "мне", то я не против получить письмо в настоящем. Так диктует сложившаяся ситуация».

Котаке хотела скорее вернуться обратно. Она боялась, что муж начнет расспрашивать ее о своем нынешнем состоянии, о том, что сделала с ним болезнь. Она не хотела говорить ему об этом. Пора было возвращаться в настоящее...

Кофе уже почти остыл.

– Кофе не должен остыть... – сказала Котаке и поднесла чашку к губам.

– Так что я многое забываю... Я... забываю тебя? – произнес Фусаги,

опустив глаза.

Услышав это, Котаке оцепенела. Она даже не поняла, почему перед ней стоит кофейная чашка.

(Забываешь меня?..)

Котаке с тревогой посмотрела на Фусаги. Когда он задавал этот вопрос, в его голосе звучало такое отчаяние. Она никогда не представляла, что он может выглядеть так потерянно. Она не смогла выдержать его взгляда и опустила глаза.

– ...

Уклонившись от ответа, Котаке тем самым ответила «да» на вопрос Фусаги.

Он заметил ее внутреннюю борьбу.

– Я понимаю... Я очень сильно этого боялся... – сокрушенно пробормотал Фусаги. Он так низко склонил голову, что со стороны его шея казалась сломанной.

Глаза Котаке наполнились слезами. Ему поставили диагноз – болезнь Альцгеймера, и каждый день он боролся со страхом потерять память. Но она, его жена, не замечала, и он терзался этими мыслями в одиночестве. Узнав, что она пришла из будущего, первым делом он захотел узнать, забыл ли он ее, свою жену. Это открытие шокировало Котаке, она чувствовала себя несчастной и счастливой одновременно.

Это придало ей силы взглянуть в глаза Фусаги, даже не утирая слез с лица. Она широко улыбнулась ему, пусть он решит, что это слезы радости.

– Вообще-то твоя болезнь проходит...

(«Как медсестра, сейчас я должна действовать силой убеждения».)

– На самом деле, в будущем ты признался мне...

(«Я могу сказать что угодно, не меняя настоящего».)

– ...в том, что тебя тревожило...

(«Кому будет хуже, если я солгу? Если я смогу унять его тревогу, пусть даже на мгновение, оно того стоит...»)

Котаке так хотела, чтобы он поверил во всю ее ложь. Она бы сделала что угодно для этого. У нее ком стоял в горле. Слезы текли ручьями по лицу. Но она продолжала с улыбкой:

– Все будет хорошо...

(«Все будет хорошо!»)

– Ты выздоравливаешь...

(«Ты выздоравливаешь!»)

– Не волнуйся...

(«Ты выздоравливаешь... Правда!»)

Каждое слово, которое она говорила Фусаги, она говорила с полной уверенностью. В ее сознании все это не было ложью. Даже если Фусаги забыл, кто она такая... Даже если ничто из того, что она сделала, не изменит настоящего. Фусаги смотрел Котаке прямо в глаза, а Котаке, не отрываясь, смотрела на него, и по ее лицу текли слезы. Фусаги выглядел счастливым.

– Правда? – спросил он мягким шепотом.

– Да, – ответила Котаке и кивнула.

Фусаги нежно смотрел на нее. Опустив взгляд на коричневый конверт в своих руках, он медленно приблизился к Котаке.

Расстояние между ними сократилось настолько, что можно было передать письмо.

– Вот, – сказал Фусаги. Он, как застенчивый ребенок, передал ей конверт двумя руками.

Котаке попыталась отстранить письмо.

– Но тебе становится лучше, – возразила она.

– Тогда ты можешь выбросить его, – сказал Фусаги, еще настойчивее протягивая ей письмо. Его тон отличался от обычного. Он произнес это так мягко, что у Котаке появилось странное ощущение, как будто она упускает что-то из виду.

Фусаги снова протянул коричневый конверт. Дрожащими руками Котаке схватила письмо. Она не была уверена в намерениях мужа.

– Пей. Твой кофе остынет, – сказал Фусаги, демонстрируя то, что он был в курсе всех правил.

Котаке благодарно кивнула. Не произнося ни слова, она потянулась за своим кофе.

– ...

Как только Котаке крепко взяла чашку, Фусаги повернулся спиной.

Как будто время для них как супружеской пары закончилось. Слезы ручьем хлынули из глаз Котаке.

– Дорогой! – иступленно закричала Котаке. Фусаги не обернулся. Его плечи сотрясала мелкая дрожь. Котаке одним глотком допила кофе. Она выпила его залпом не из боязни опоздать, а скорее из уважения к Фусаги,

повернувшегося спиной, чтобы она могла быстро и безопасно вернуться в будущее. Такова была глубина любви Фусаги.

– Мой дорогой...

Котаке почувствовала, как ее тело начинает мерцать и пульсировать. Она поставила чашку на блюдце. Все, что оставалось теперь сделать, – это вернуться в настоящее. Эти несколько минут, в которые она снова ощутила, что они супруги, что их двое и они вместе, прошли. Внезапно Фусаги обернулся и произнес то, что она уже не могла слышать, но прочитала по губам:

– Спасибо тебе.

Сознание Котаке слилось с паром и устремилось из прошлого в настоящее. Котаке не могла остановить бесконечный поток слез. Она сразу заметила, что Казу и Кэй снова появились в ее поле зрения. Она вернулась в настоящее – день, когда Фусаги уже совершенно забыл ее. Одного взгляда на выражение лица Котаке было достаточно, чтобы Кей забеспокоилась.

– Письмо? – спросила она, произнося просто

«письмо»,

а не

«любовное письмо».

Котаке бросила взгляд на коричневый конверт – письмо, которое она получила от Фусаги, и медленно вытащила сложенный лист из конверта.

Оно было написано простым фонетическим шрифтом, волнистым, как ползущие черви. Это определенно был почерк Фусаги. Пробегая глазами письмо, Котаке приложила правую руку к лицу, чтобы остановить рыдания, но слезы текли непрерывным ручьем.

Котаке разрыдалась так внезапно, что Казу забеспокоилась.

– Котаке... вы в порядке? – спросила она.

Плечи Котаке начали дрожать, и она зарыдала еще громче. Казу и Кей стояли и смотрели на нее, не зная, что делать. Через некоторое время Котаке передала письмо Казу.

Та взяла письмо, и, как будто сомневаясь, сможет ли она прочитать его, посмотрела на Кей, стоявшую за барной стойкой. Кей слегка кивнула.

Казу оглянулась на рыдающую Котаке и начала читать письмо.

«...Ты – медсестра, так что я могу предположить, что ты уже заметила. Я болен, я начинаю все забывать».

Я знаю, что ты оставишь все эмоции и будешь заботиться обо мне с хладнокровием медсестры, и будешь делать это независимо от моих

странных слов и поступков, даже если я забуду, кто ты такая.

Поэтому я прошу тебя всегда помнить одну вещь. Ты – моя жена, и если такая жизнь станет невыносимой для тебя, то я хочу, чтобы ты оставила меня.

Тебе не обязательно оставаться со мной по долгу медсестры. Если я плохой муж, то я хочу, чтобы ты ушла от меня. Мы супруги. Даже если я потеряю память, я хочу быть вместе с тобой как муж и жена. Я не могу смириться с мыслью, что ты останешься со мной только из сострадания.

Это то, что я не решаюсь сказать тебе, поэтому я написал это письмо».

Когда Казу закончила читать, Котаке и Кей плакали. Котаке поняла, почему Фусаги передал это письмо ей, его жене из будущего. Из письма было ясно, что Фусаги предвидел, что сделает жена, когда узнает о его болезни. И когда Котаке пришла из будущего, ему стало ясно, что все сложилось именно так – она была с ним как медсестра.

Терзаясь беспокойством и страхом потерять память, Фусаги надеялся, что Котаке останется его женой. Сердце Фусаги всегда было с ней.

Так, даже после потери памяти Фусаги просматривал туристические журналы, открывал свой блокнот и делал заметки. Котаке однажды заглянула в его записи. Там были маршруты путешествий по садам. Она предположила, что муж делал их, потому что по-прежнему любил свою работу. Но она ошибалась. Все записанные им маршруты пролегли по местам, которые они посетили вместе. Котаке не заметила этого тогда. Она не могла этого заметить. Эти наброски маршрутов были последней отдушиной для Фусаги, который постепенно забывал свою жену.

Конечно, Котаке не думала, что совершает ошибку, ухаживая за Фусаги как медсестра. Она верила, что поступает правильно. И Фусаги тоже не написал в письме, что осуждает Котаке. Она почувствовала, что муж понял: ее слова об исцелении были ложью, но это была ложь, в которую он сам хотел верить.

«Иначе,

– подумала она, –

он бы не сказал "спасибо тебе"».

Когда Котаке перестала рыдать, женщина в платье вернулась из туалета, встала перед ней и произнесла только одно слово:

– Слезай!

– Да-да, конечно... – ответила Котаке, поспешно уступая ей место.

Женщина в платье безупречно выждала время, чтобы настроение Котаке изменилось. Посмотрев на Казу и Кей глазами, опухшими от слез, она взяла письмо, только что прочитанное Казу, и взмахнула им.

– Ну вот и все, – с улыбкой произнесла она.

Кей ответила кивком, из ее глаз все еще текли слезы.

– Что я наделала... – пробормотала Котаке, глядя на письмо.

– Котаке... – Кей шмыгнула носом, с беспокойством глядя на нее.

Котаке аккуратно сложила письмо и вложила его назад в конверт.

– Я иду домой, – сказала она уверенным голосом.

Казу кивнула. Кей все еще плакала. Котаке посмотрела на плачущую Кей. Кей плакала даже дольше, чем она. Она улыбнулась, машинально подумав, что организм Кей, должно быть, сильно обезвоживается. Котаке сделала глубокий выдох. Она снова была уверена в себе. Котаке вытащила кошелек из сумки, лежащей на барной стойке, и вручила Казу 380 йен монетами.

– Спасибо, – сказала она.

Казу улыбнулась, ее лицо снова стало бесстрастным. Котаке быстро кивнула и направилась к выходу из кафе.

Она торопилась. Она спешила увидеть лицо Фусаги.

Женщина захлопнула входную дверь и скрылась из поля зрения Казу и Кей.

– Ах, да! – воскликнула Котаке и снова вернулась в кафе. Казу и Кей смотрели на нее с любопытством.

– И еще одна вещь, – сказала она. – Начиная с завтрашнего дня больше не называйте меня по девичьей фамилии, ясно?

Она широко улыбалась.

Когда-то Котаке попросила, чтобы ее называли по девичьей фамилии. Фусаги начал называть ее Котаке, и она хотела избежать путаницы. Но сейчас в этом уже не было необходимости. Улыбка озарила лицо Кей, и ее яркие глаза широко распахнулись.

– Хорошо, я вас поняла, – сказала она радостно.

– Скажи всем остальным об этом тоже, – велела Котаке и, не дожидаясь ответа, помахала рукой и ушла.

Дзинь-дзинь

– Хорошо... – сказала Казу, как будто сама себе, и подошла к кассе, чтобы пробить деньги за кофе Котаке.

Кей убрала ее чашку и пошла на кухню, чтобы сварить новый кофе для

женщины в платье. Щелк, щелк, щелк – звук клавиш кассы разносился по кафе. Вентилятор продолжал бесшумно вращаться под потолком. Кей вернулась и подала новый кофе женщине в платье. «Мы очень ценим, что вы снова навели нас этим летом», – прошептала она. Женщина в платье ничего не ответила, продолжая тихо читать свой роман. Кей положила руку на живот и улыбнулась.

Лето только начиналось.

История III. Сестры

Девушка молча сидела на
том самом
месте.

Она выглядела совсем молодо, как старшеклассница или первокурсница. Бежевая водолазка, мини-юбка в шотландскую клетку, черные колготки и меховые сапоги с коричневыми ремешками. На спинке стула висело пальто. Эта взрослая одежда плохо сочеталась с ее почти детским лицом. Волосы девушки были коротко подстрижены, длинные ресницы оттеняли красивые черты ее лица. Макияжа почти не было. Она мало чем отличалась от других девушек, которые посещали это кафе, но кое-что выдавало в ней гостью из будущего... Во-первых, она сидела на стуле как приклеенная, во-вторых, на улице было начало августа, и ее одежда выглядела не по сезону.

Все еще оставалось загадкой, с кем она пришла встретиться. Прямо сейчас единственным человеком в кафе был Нагаре Токита. Этот крупный мужчина был одет в униформу повара и стоял за барной стойкой.

Нагаре был владельцем кафе.

Но, похоже, девушка оказалась здесь не для встречи с ним. Хотя ее глаза сверлили Нагаре, в них не отражалось никаких чувств к нему. Похоже, ей было совершенно наплевать на его существование. Нагаре ничего не делал. Он просто стоял и смотрел на нее, скрестив руки.

Нагаре был крупным мужчиной. Любая обычная девушка или женщина наверняка почувствовала бы себя немного неловко, сидя в маленьком кафе наедине с ним. Но каменное лицо этой посетительницы подсказывало, что ее он совсем не заботил.

— ...

— ...

Девушка и Нагаре не проронили ни слова. Девушка ничего не делала, только время от времени посматривала на настенные часы, как будто беспокоилась о времени.

Внезапно Нагаре повел носом. В этот момент раздался звук тостера на кухне. Еда была готова, и Нагаре отправился на кухню. Девушка не обратила внимания на резкий звук и сделала глоток кофе. Она утвердительно кивнула, как будто говоря: «Да, все в порядке». Похоже, кофе был достаточно теплый, и значит, время у нее еще оставалось. Нагаре вышел из кух-

ни. Он нес прямоугольный поднос с тостом и маслом, салатом и фруктовым йогуртом. Домашнее масло – его особое блюдо. Оно было настолько вкусным, что женщина в бигуди, Яэко Хирай, приходила за ним с пластиковым контейнером.

Нагаре нравилось наблюдать за клиентами, которые ели его масло и не могли скрыть восхищения. Проблема была в том, что для его изготовления Нагаре использовал самые дорогие ингредиенты, при этом масло было для клиентов кафе почти бесплатным. Нагаре не брал плату за приправы; он имел особое мнение на этот счет. Такие представления о высоких стандартах обслуживания казались многим спорными. Но Нагаре был непреклонен.

Держа поднос в руках, он приблизился к сидящей девушке. Его мощная фигура с такого близкого расстояния должна была показаться ей гигантской. Он посмотрел на нее с высоты своего роста.

– С кем вы хотите встретиться здесь? – спросил он, сразу переходя к сути дела.

– ...

Девушка подняла глаза, взгляд ее казался беззаботным. Нагаре настолько привык к тому, что его огромные размеры вызывали удивление и опасение тех, кто еще не знаком с ним, что реакция девушки немало удивила его.

– Так с кем? – переспросил он.

Но девушка снова проигнорировала его вопрос.

– Ничего особенного... – просто ответила она и сделала еще глоток кофе. Она не собиралась откровенничать с Нагаре.

Склонив голову, он изящно поставил поднос на столик девушки, а затем вернулся за барную стойку. Девушка почувствовала себя неловко.

– Ой, прошу прощения... – обратилась она к Нагаре.

– Что?

– Я этого не заказывала, – робко сказала девушка, указывая глазами на тост.

– Это за счет заведения, – ответил он с гордостью.

– ...

Девушка с недоверием смотрела на всю эту бесплатную еду. Нагаре разомкнул свои скрещенные руки и оперся ими о стойку.

– Вы приложили столько усилий, чтобы прийти из будущего. Я не могу позволить такой девушке вернуться назад, ничем ее не угостив, – сказал Нагаре, возможно, ожидая в ответ хотя бы благодарности. Но девушка продолжала пялиться на Нагаре и даже не улыбалась. Нагаре чувствовал себя

обязанным ответить девушке.

– Какие-то проблемы? – сказал он немного взволнованно.

– Нет... спасибо вам, я съем это.

– Молодец, девочка...

– Ну а почему бы и нет?

– ...

Девушка ловко намазала тост маслом, засунула большой кусок в рот и стала жадно жевать. Отличные манеры, ничего не скажешь... Нагаре ждал реакции. Естественно, он надеялся, что она похвалит его восхитительное масло. Но девушка отреагировала иначе. Она продолжала поглощать пищу без всяких эмоций. Закончив с тостом, она перешла к салату и фруктовому йогурту.

После она все также молча сложила руки в знак благодарности. Нагаре расстроился.

Дзинь-дзинь

Это была Казу. Она протянула Нагаре брелок вместе со связкой ключей.

– Я бы... – начала она и замолкла на полуслове, заметив девушку на том самом месте.

– Привет, – ответил Нагаре, пряча ключи в карман.

Он не сказал: «Привет, с возвращением», как обычно.

Казу схватила Нагаре за запястье и тихо прошептала.

– Кто она?

– Я пытался это выяснить, – ответил Нагаре.

Обычно Казу не обращала особого внимания на того, кто сидел на том месте. Когда кто-нибудь там появлялся, она знала, что этот человек прибыл из будущего, чтобы с кем-то встретиться. Это не было для нее выдающимся событием.

Но никогда раньше в этом кресле не сидела такая молодая и красивая девушка. Казу начала разглядывать посетительницу в открытую, без смущения.

Ее взгляд не остался незамеченным.

– Привет! – сказала девушка, расплываясь в приятной улыбке. Левая бровь Нагаре вздрогнула от раздражения, потому что он улыбки не удостоился.

– Ты пришла сюда встретиться с кем-то?

– Да... Думаю, что так, – вежливо ответила девушка.

Услышав этот диалог, Нагаре поджал губы. Он задал тот же вопрос несколько мгновений назад, но ответа не получил. Ему это не показалось забавным.

– Но ведь их здесь нет, не так ли? – сердито спросил Нагаре и отвернулся.

«С кем же она собиралась встретиться?»

– раздумывала Казу, постукивая указательным пальцем по подбородку.

Девушка появилась на

том самом

месте около десяти минут назад. Кей нужно было посетить гинекологическую клинику, и Казу отвезла ее туда. Обычно Нагаре возил Кей на осмотры к врачам, но сегодня все было иначе.

Нагаре считал гинекологическую клинику территорией женщин, куда *ни один мужчина не рискнул бы сунуться.*

Вот почему сегодня он хозяйничал в кафе один.

(Она специально выбрала время, когда только я работал?)

Сердце Нагаре забилось чаще от этой мысли.

(Возможно, ее поведение было вызвано смущением...)

Нагаре погладил рукой подбородок и кивнул своим мыслям, будто подтверждая, что в них есть здравый смысл. Он вышел из-за стойки и сел на стул напротив девушки.

– ...

Девушка уставилась на Нагаре пустым взглядом.

«Если ее холодность по отношению ко мне объясняется застенчивостью, я постараюсь быть более открытым»,

– подумал он и широко улыбнулся.

Нагаре непринужденно наклонился вперед, опираясь на локти.

– Так это меня ты пришла навестить? – спросил он девушку.

– Ни в коем случае.

– Со мной ты пришла встретиться?

– Нет.

– Не со мной?

– Нет!

– ...

Девушка была непреклонна. Казу услышала их диалог и пришла к простому выводу:

– Ты точно исключен из кандидатов.

Нагаре был выбит из колеи.

– Ладно... значит, это не я, – сказал он разочарованно, возвращаясь обратно за барную стойку.

Девушка почему-то сочла это забавным и захихикала.

Дзинь-дзинь

Когда зазвенел дверной колокольчик, она посмотрела на настенные часы, висевшие в центре стены. Только одни из трех часов в этом кафе показывали время правильно. Двое других либо отставали, либо спешили. Должно быть, она знала об этом. Взгляд девушки застыл на входной двери.

– ...

Спустя мгновение в кафе вошла Кей.

– Спасибо тебе, дорогая Казу, – сказала она. Кей была одета в платье цвета морской волны и в сандалии с ремешками. Она размахивала соломенной шляпой. Кей приехала вместе с Казу, и, судя по пластиковому пакету в руках, по дороге на работу она заскочила в магазин. Кей была беззаботна по природе. Всегда очаровательная и никогда не испытывающая стеснения, она не боялась самых страшных клиентов кафе и была дружелюбна и общительна, даже когда общалась с иностранцами, не говорившими по-японски.

Заметив девушку, сидящую на

том самом

месте, она улыбнулась и сказала: «Привет, добро пожаловать». Ее улыбка, кажется, сияла еще ярче, чем обычно.

– ...

Девушка выпрямилась на стуле и пристально посмотрела на Кей, склонив голову.

Кей снова улыбнулась и направилась в подсобку.

– Ну и как все прошло? – остановил ее Нагаре. Кей и Казу только что вернулись из гинекологической клиники, и его интересовал результат. Кей похлопала себя по плоскому животу, показала двумя пальцами знак победы и улыбнулась.

– Ах... Так сразу... – сказал Нагаре.

Он еще сузил глаза и дважды кивнул. Нагаре был счастлив, но не умел открыто выразить свою радость. Кей слишком хорошо это знала, поэтому довольствовалась такой реакцией.

Навострив глаза и уши, девушка, сидящая на

том самом

месте, с интересом слушала их диалог. Кей, похоже, не заметила, что девушка наблюдала за ней, и вновь собралась в подсобку.

Словно это была подсказка, девушка неожиданно повысила голос:

– Прошу прощения...

Остановившись, Кей машинально ответила:

– Да? – она повернулась и посмотрела на девушку сияющими глазами.

Девушка уклонилась от взгляда Кей и занервничала.

– Что? – спросила Кей.

Девушка подняла глаза, выражая искреннее расположение, и мило улыбнулась. Холодность и отстраненность, которые она демонстрировала по отношению к Нагаре, полностью исчезли.

– Эм... Просто...

– Да? Что?

– Я бы хотела сфотографироваться с вами.

Кей моргнула, опешив от слов девушки.

– Со мной? – переспросила она.

– Да, – ответила девушка решительно.

Нагаре немедленно отреагировал.

– Вот с ней? – спросил он, указывая на Кей.

– Да, – весело подтвердила девушка.

– Ты хочешь сказать, что пришла увидеться с ней?

– Да, – наконец ответила она на вопрос Казу.

Глаза Кей излучали уверенность, у нее не возникло и тени сомнения по поводу этой неизвестной девушки, сделавшей такое неожиданное признание. Кей никогда ни в чем не подозревала незнакомцев и не боялась их. Поэтому, вместо того чтобы выяснять у девушки, кто она и почему ей так нужна их фотография, она сразу же спросила:

– Правда? Можно мне сначала навести красоту и накраситься?

Она тут же вытащила косметичку из сумки и начала краситься.

– У нас нет времени, – быстро произнесла девушка.

– Ох... Нет, конечно.

Естественно, Кей хорошо знала все правила. Она покраснела и захлопнула косметичку.

Обычно человек, желающий сделать совместную фотографию, сам подходит к тому, с кем хочет сфотографироваться. Но девушка остановилась, вспомнив правило, запрещающее ей покидать

то самое

место. Кей передала Казу пакет с покупками и соломенную шляпу и встала рядом с юной незнакомкой.

– Где твоя камера? – спросила Казу. Девушка вынула и положила на стол странный предмет.

– Это камера? – удивленно воскликнула Кей, пока Казу рассматривала его.

Удивление было оправданным, так как камера не превышала размеров визитки. Тонкая и прозрачная, она выглядела как пластиковая карта.

– Она такая тонкая!

Кей была впечатлена. Она внимательно осмотрела странный фотоаппарат со всех сторон.

– Нам нужно поторопиться... время почти вышло... – деликатно напомнила девушка, обращаясь к Кей.

– Да, извини, – сказала Кей, пожав плечами, и встала рядом с ней.

– Хорошо, я снимаю...

– Да-да...

Казу направила камеру на них. Устройство было несложным, она просто нажала на кнопку, которая появилась на экране.

Щелк

– Подожди, когда ты собираешься снимать?

Пока Кей поправляла волосы и платье, Казу уже сделала фото и отдала камеру девушке.

– Ты уже сняла? Когда ты успела?

Девушка и Казу ориентировались молниеносно. Только Кей стояла в изумлении и растерянности.

– Большое вам спасибо, – сказала девушка и залпом допила остаток кофе.

– Подождите! Минуточку... – взывала Кей. Но девушка уже исчезла в клубах пара.

Когда пар поднялся к потолку, тотчас появилась женщина в платье. Это выглядело как трюк с перевоплощением.

Но все трое привыкли к этому, никто не удивился. Когда посетитель вдруг становился свидетелем подобного, ему говорили, что здесь салон фокусов. Хорошо, что сотрудников кафе никогда не спрашивали, в чем секрет фокуса, потому что ответа на этот вопрос они не готовили.

Женщина в платье, как обычно, читала роман, будто ничего не случилось. Однако заметив поднос, она оттолкнула его правой рукой, что явно означало:

«Уберите это прочь!»

Кей собиралась исполнить желание клиентки, но Нагаре опередил ее:

он взял поднос и исчез на кухне.

– Интересно, кто это был... – пробормотала Кей.

Она забрала у Казу пластиковый пакет и соломенную шляпу и ушла вслед за Нагаре.

– ...

Казу не отрывала глаз от

того самого

стула, на котором сидела женщина в платье. Похоже, ее что-то беспокоило.

Это был первый раз, когда посетитель кафе прибыл из будущего, чтобы встретиться с Нагаре, Кей или Казу. Ведь смысла возвращаться назад в прошлое, чтобы встретиться с одним из сотрудников кафе, которые и так всегда находились здесь, не было.

Девушка только что прибыла из будущего, чтобы встретиться с Кей.

Казу никого не спрашивала, почему они прибыли из будущего. Даже если, например, убийца переместился в прошлое, есть веская причина оставить это в покое: правило гласило, что вы не можете изменить настоящее, вернувшись в прошлое, как бы вы ни старались. Это правило невозможно нарушить. Всегда будут происходить события, призванные защитить настоящее от перемен. Например, человек с пистолетом приходит в кафе из будущего и стреляет в одного из клиентов. Будет ли совершено умышленное преступление или просто произойдет несчастный случай, это не имеет никакого значения. Конечно, жертве не позавидуешь, но если клиент, получивший пулевые ранения, жив в будущем – он не сможет умереть, даже если ему выстрелили в сердце.

Таково правило.

Казу или кто-либо другой вызвали бы скорую помощь и полицию. И эта скорая добралась бы до кафе. Она никогда не попала бы в пробку на дороге. Скорая помощь доставила бы пациента из кафе прямо в больницу максимально быстро, используя кратчайший путь. Глядя на пациента, сотрудники больницы могли бы сказать: «Мы, вероятно, не сможем его спасти». Но если бы такое случилось, то лучший в мире хирург случайно оказался бы в больнице и прооперировал этого пациента. Даже если кровь застреленного будет редкой группы, встречающейся у одного из десятков тысяч, в больнице окажется запас именно этой крови. Хирургический персонал будет превосходным, и операция пройдет, конечно же, успешно. Позже хирург может сказать, что если бы скорая прибыла на минуту позже или если бы пуля прошла на миллиметр левее, пациент не выжил бы. Все сотрудники больницы могли бы сказать: это чудо, что пациент выжил. Но это

было бы не так. Все это случилось бы только из-за правила. Правило гласит, что даже человек, который был застрелен, выживет.

Из-за этого правила Казу не возражала против тех, кто прибыл из будущего по любой причине. Потому что все действия пришельца из будущего будут в итоге бесполезными.

* * *

– Помоги мне, пожалуйста, – позвал Нагаре с кухни.

Казу повернулась и увидела, что Нагаре стоит у двери на кухню, держа в руках поднос с кофе для женщины в платье. Казу взяла поднос и понесла его к столу, где сидел призрак.

Несколько мгновений Казу пристально смотрела на женщину в платье, думая о своем.

«Мне вот интересно, а зачем эта девушка вернулась? Если она вернулась, чтобы сфотографировать сестру, почему ей обязательно было сфотографировать ее в прошлом?»

Дзинь-дзинь

– Привет, добро пожаловать, – поздоровался Нагаре. Казу собралась с мыслями и наконец подала кофе женщине в платье.

(Мне кажется, есть что-то важное, что я упускаю.)

Чтобы избавиться от этого чувства, Казу слегка покачала головой.

– Привет.

Котаке вошла в кафе. Она возвращалась с работы.

На ней были зеленая рубашка поло оттенка лайм, белая юбка и черные туфли. На плече у нее висела сумка.

– Привет, Котаке, – поприветствовал Нагаре.

Услышав, как ее назвали, она повернулась, словно собираясь выйти на улицу.

– Ах, простите... Госпожа Фусаги, – поправил себя Нагаре. Котаке одобрительно улыбнулась и села на стул у барной стойки.

Прошло три дня с тех пор, как Котаке вернулась в прошлое и получила письмо от Фусаги, которое он не решался ей отдать. В тот день Котаке запретила всем называть ее по девичьей фамилии. Теперь она хотела, чтобы ее называли «госпожа Фусаги».

Котаке повесила сумку на спинку стула.

– Кофе, пожалуйста... – она сделала заказ, немного манерно склонив

голову.

– Сию минуту, – сказал Нагаре, поклонившись и уходя на кухню готовить кофе.

Котаке оглядела пустое кафе, расправила плечи и глубоко вздохнула. Она планировала пойти домой вместе с Фусаги, но его в кафе не оказалось, и она была немного разочарована. Казу, с улыбкой наблюдавшая за беседой Нагаре и Котаке, закончила обслуживать женщину в платье.

– Я сделаю перерыв, – сказала она и исчезла в подсобке.

Нагаре не ответил. Вместо него ответила Котаке:

– Хорошо, – и помахала рукой.

Лето было в разгаре. Однако Котаке любила пить горячий кофе даже в жару. Нагаре всегда делал его для постоянной клиентки.

Когда Нагаре готовил кофе, он обычно варил его сифонным способом. Он наливал кипящую воду в колбу, нагревал ее с помощью спиртовки, вода и пар поднимались в верхнюю воронку и экстрагировали кофе из молотых зерен. Однако когда он готовил кофе для Котаке и других клиентов, ценящих этот благородный напиток, он заваривал его капельным способом. При изготовлении кофе капельным способом он вставлял бумажный фильтр в капельницу, вручную добавлял молотые кофейные зерна и заливал их кипятком. Нагаре верил, что приготовление кофе вручную лучше, потому что тут можно было регулировать горечь кофе, меняя напор и температуру горячей воды. Так как в кафе не играла фоновая музыка, можно было услышать тихий звук капающего кофе, капля за каплей, в емкость. Когда Котаке слышала этот капающий звук, она блаженно улыбалась. Умиротворяющий ритм падающих капель кофе доставлял ей удовольствие.

Кстати, Кей использовала автоматическую кофеварку. Она не была мастером в искусстве приготовления кофе и предпочитала полагаться на кофемашину. Поэтому постоянные клиенты, приходящие насладиться чашечкой кофе, не заказывали его без Нагаре. В конце концов, кофе всегда стоил одинаково, независимо от того, был ли он сварен Нагаре или Кей. Казу обычно готовила кофе сифонным способом. Причина этого выбора не была связана с кофе. Ей просто нравилось смотреть, как горячая вода поднимается через воронку. Кроме того, Казу считала, что готовить кофе вручную слишком утомительно.

Котаке подали кофе, специально приготовленный Нагаре. Когда перед ней поставили ароматную чашку, она закрыла глаза и глубоко вдохнула. Это был ее момент счастья.

По настоянию Нагаре кофе в кафе всегда варили из ароматных зерен мокко. Мнения ценителей кофе относительно этого сорта часто расходятся

– одни любят его за удивительный аромат, другие не переносят его кислотоватого привкуса. Отчасти выбор этого сорта определил клиентуру заведения. Как и в случае с маслом, Нагаре нравилось наблюдать, как ценители мокко наслаждаются его ароматом.

– Кстати, – внезапно сказала Котакэ, смакуя напиток. – Я заметила, что бар Хирай был закрыт вчера и сегодня. Вам что-нибудь известно об этом?

Хирай, женщина в бигуди, владела закуской, снэк-баром, буквально в нескольких метрах от кафе.

Хотя это был всего лишь небольшой бар, состоящий из стойки на шесть посадочных мест, народу там всегда было полно. Он открывался каждую ночь в разное время, в зависимости от настроения Хирай, но работал семь ночей в неделю круглый год. Люди собирались у дверей еще до открытия. Первые, кто успевал протиснуться в бар, садились на стулья, остальные пили стоя.

Посетителями были не только мужчины. Хирай любили и женщины. Ее грубая манера общения иногда задевала посетителей, но она никогда не обижала кого-то специально, поэтому на нее не обижались. Люди всегда чувствовали себя комфортно рядом с Хирай. Она одевалась в яркую одежду и не обращала внимания на мнение окружающих. Но она верила в хорошие манеры и этикет. Она выслушивала разглагольствования всех клиентов. Но если она считала, что посетитель неправ, даже если он имел высокий социальный статус, она без обиняков ставила его на место. Некоторые посетители проявляли щедрость, но Хирай никогда не принимала никаких денег, кроме оплаты выпивки. Некоторые посетители пытались заслужить расположение Хирай, делая ей дорогие подарки, но она ни разу не приняла их. Были мужчины, которые предлагали ей дом или квартиру, мерседес или феррари, бриллианты или что-то в этом роде, но Хирай просто отвечала:

«Мне это неинтересно».

Даже Котакэ иногда посещала бар Хирай. Это было место, где всегда можно было весело провести время и пропустить стаканчик.

Котакэ заметила, что бар Хирай, который всегда был полон клиентов, закрыт уже два дня подряд. И ни один из посетителей не знал почему – вот поэтому Котакэ и была немного обеспокоена.

Как только она заговорила о Хирай, лицо Нагаре стало серьезным.

– Что случилось? – спросила Котакэ испуганно.

– Ее сестра... произошла дорожная авария... – тихо сказал Нагаре.

– О нет!

– Так что она уехала домой...

– Какой ужас! – Котакэ опустила глаза.

Она знала младшую сестру Хирай – Куми. Та навещала Хирай, порвавшую связи с семьей, и пыталась убедить ее вернуться домой. В течение двух последних лет Хирай считала, что частые визиты сестры доставляют ей неудобства, и всячески избегала встреч. Несмотря ни на что, Куми приезжала в Токио примерно раз в месяц. Три дня назад Куми зашла в кафе, чтобы встретиться с Хирай. Авария произошла по пути домой.

Легковая машина, в которой ехала Куми, столкнулась со встречным грузовиком, водитель которого, кажется, задремал. Она скончалась по пути в больницу.

– Какая ужасная новость... – Котакэ даже не притронулась к кофе.

Нагаре стоял со сложенными руками и молча смотрел под ноги.

Нагаре получил от Хирай письмо по электронной почте. Наверное, она хотела связаться с Кей, но у Кей не было телефона. В письме Хирай сообщила некоторые подробности аварии и упомянула, что бар будет временно закрыт. Это было написано в точности так, как если бы все случилось с кем-то другим. Кей воспользовалась телефоном Нагаре, чтобы написать ответное письмо с вопросом, как себя чувствует Хирай, но Хирай еще не ответила ей. Дом семьи Хирай был старинной традиционной гостиницей на окраине Сендая, крупнейшего города префектуры Мияги. Гостиница называлась

«Такакура»,

что означало

«Сокровищница».

Сендай был популярным туристическим центром, известным прежде всего благодаря фестивалю Танабата. Сендайский фестиваль славился *сасакадзари*

– длинными многометровыми дугами из бамбука с прикрепленными к ним гигантскими бумажными шарами и разноцветными лентами. Другие украшения фестиваля – яркие бумажные полоски, бумажные кимоно и оригами в форме журавлей – в качестве талисманов на удачу часто приобретали туристы.

Сендайский фестиваль Танабата всегда проводился с 6 по 8 августа. Поэтому украшение центра города вокруг вокзала Сендая должно было начаться уже через несколько дней. Это грандиозное летнее мероприятие ежегодно привлекает более двух миллионов туристов. Очевидно, что фестиваль Танабата был пиком сезона для гостиницы «Такакура», расположенной примерно в десяти минутах езды на такси от вокзала Сендая.

Дзинь-дзинь

– Привет. Добро пожаловать, – радостно вы крикнул Нагаре. Посетитель появился очень во время, он отвлек всех от тяжелого разговора.

Услышав дверной колокольчик, Котаке воспользовалась возможностью расслабиться. Наконец-то она потянулась за кофе. Напиток, по всей видимости, остыл, пар от чашки уже не шел.

– Привет. Добро пожаловать, – сказала Кей, которая вышла из подсобки на звон колокольчика. Но никто не появлялся. Вход в кафе был устроен довольно необычным образом. Спускаясь по подвальной лестнице с первого этажа, вы сначала упирались в большую дверь, сделанную из массива дерева и украшенную гравюрами в европейском стиле. Пройдя через эту дверь, вы попадали на площадку с глиняным полом, которую нужно было пересечь, прежде чем войти в кафе. Поэтому всегда после звона колокольчика возникал момент не известности, когда было неясно, кто же там за дверью.

– ...

Этот момент затянулся чуть дольше, чем обычно. Нагаре озадаченно склонил голову набок и тут же услышал знакомый голос.

– Нагаре! Кей!.. Кто-нибудь! Мне нужна соль! Принесите мне соль!

– Хирай, это ты?

Даже если все похоронные дела были закончены, никто не ожидал, что она вернется так скоро. Кей взглянула на Нагаре, широко открыв глаза от изумления. Нагаре на мгновение замер в полном недоумении. Он только что сообщил ужасные новости о Хирай Котаке и был сбит с толку привычной взвинченностью Хирай. Она явно не просила принести соль для обряда очищения – это звучало как крик мамы с кухни, в спешке готовящейся к праздничному ужину.

– Ну давайте же!

– Ах, да... Хорошо! Секундочку.

Нагаре наконец-то зашевелился. Он схватил с кухни маленькую баночку поваренной соли и поспешил к выходу. Казалось, что Хирай стоит за дверью в своем обычном ярком наряде. Котаке почувствовала, что Хирай ведет себя не так, как следовало ожидать.

Как можно так себя вести после трагической смерти сестры?

Она и Кей обменялись взглядами – Кей, похоже, думала то же самое.

– Я так устала, – произнесла Хирай, входя в кафе.

Она держалась так же, как и всегда, но ее платье было другим. Она появилась уже не в своей типичной красно-розовой аляповатой одежде, а в наряде для похорон. Вместо бигуди ее волосы были убраны в тугий пучок. Она выглядела сейчас другим человеком. Хирай, одетая во все черное, плюхнулась на средний стул у стойки и подняла правую руку.

– Прости за беспокойство, но не могла бы ты принести мне стакан воды? – попросила она Кей.

– Да, конечно, – ответила та.

С нарочитой поспешностью она побежала на кухню за водой.

– Фу-у... – с облегчением выдохнула Хирай.

Она вытянула руки и ноги, будто собиралась прыгать с парашютом. Черная сумочка свисала с ее правого плеча. Нагаре, все еще державший банку с солью, и Котаке, сидевшая за стойкой, неодобрительно поглядывали на Хирай. Кей вернулась со стаканом воды.

– Спасибо тебе, – Хирай положила сумочку на стол, взяла стакан и, к удивлению Кей, опустошила его одним глотком. Затем измученно вздохнула.

– Еще воды, пожалуйста, – сказала она, протянув стакан Кей. Та взяла стакан и исчезла на кухне. Вытирая пот со лба, Хирай еще раз вздохнула. Нагаре смотрел на нее.

– Хирай... – произнес он.

– Что?

– Как бы это сказать...

– Что?

– Как мне это сказать?... Это...

– А?

– Соболезную твоей утрате...

Хирай вела себя совершенно не как скорбящий человек, но Нагаре изо всех сил старался вспомнить подходящие слова.

Котаке промолчала и просто склонила голову.

– Ты имеешь в виду Куми?

– Да... Конечно...

– Ну, это было, конечно, неожиданно. Не повезло, я думаю, ты бы сказал... – ответила Хирай, пожав плечами.

Кей вернулась с полным стаканом. Немного обеспокоенная поведением Хирай, она протянула ей воду и тоже склонила голову в знак сочувствия.

– Простите меня... Спасибо, – Хирай опрокинула всю жидкость залпом.

– Они сказали, что ее ударило не в том месте... так что ей просто не повезло, – произнесла Хирай так, словно это было в порядке вещей.

Она рассуждала отстраненно, как будто авария произошла не с ее родной сестрой, а с каким-то незнакомцем. Складки между бровями Котаке углубились, она подалась вперед:

– Это было сегодня?

– Что сегодня?

– Похороны, конечно, – ответила Котаке, открыто демонстрируя свое отношение к поведению Хирай.

– Да... Смотрите... – сказала Хирай, встав с места и покружившись, чтобы показать похоронный наряд.

– Тебе не кажется, что мне не идет? Я не выгляжу скучновато в этом, как думаешь? – Хирай приняла несколько поз, как модель в журнале, и состроила постное лицо. Покойная была сестрой Хирай. Если только этот факт не ошибка, то ее неуважение к гибели несчастной уже перешло всякие границы.

Все больше раздражаясь от ее поведения, Котаке усилила напор.

– Почему ты так рано вернулась домой?.. – спросила она с отвращением на лице, словно прикусила язык, стараясь не выпалить:

«Это неуважительно по отношению к твоей мертвой сестре, тебе не кажется?»

Хирай прекратила позировать и снова лениво села. Она подняла руки.

– О нет... У меня ведь есть бар, о котором нужно позаботиться... – ответила Хирай, ясно понимая, что хочет сказать Котаке.

– Да, но все же...

– Пожалуйста... Оставим это.

Хирай потянулась к черной сумочке и вынула оттуда сигарету.

– Так ты в порядке? – спросил Нагаре, вертя в руках банку соли.

– В порядке с чем? – Хирай не хотела открываться. С сигаретой во рту, она снова заглянула в свою черную сумку. Должно быть, она положила зажигалку в другое место и теперь повсюду ее искала.

– ...

Нагаре вытащил из кармана зажигалку и протянул Хирай.

– Но родители, должно быть, очень расстроены из-за смерти твоей сестры. Разве ты не должна была остаться с ними на какое-то время?

Хирай взяла зажигалку у Нагаре и зажгла сигарету.

– Ну конечно... Обычно так оно и бывает...

Ее сигарета загорелась ярким пламенем и оставила столбик пепла. Хирай стряхнула его в пепельницу. Сигаретный дым поднялся и исчез, она проследила за ним взглядом.

– Но мне там и негде было оставаться, – сказала она отстраненно.

Никто не понял смысла последних слов Хирай. Нагаре и Котаке смотрели на нее в полном недоумении.

Хирай поймала их взгляды.

– У меня не было места, где я могла бы остановиться, – добавила она и снова затянулась сигаретой.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Кей обеспокоенно.

Отвечая на вопрос Кей, Хирай держалась так, будто говорила о чем-то обычном.

– Несчастный случай произошел по пути домой, когда она приезжала повидать меня, верно? Так что, естественно, мои родители обвиняют меня в ее смерти, – объяснила она.

– Как они могли подумать, что... – начала Кей в изумлении.

Хирай выпустила шлейф дыма.

– Ну, они так думают... И в каком-то смысле это правда, – пренебрежительно пробурчала она. – Она все время приезжала в Токио, снова и снова. И каждый раз я отказывала ей...

Три дня назад Кей помогла Хирай спрятаться от Куми и избежать встречи с сестрой. Теперь она опустила глаза, сожалея об этом. Хирай продолжала, не обращая внимания на реакцию Кей:

– Мои отец и мать отказались говорить со мной, – улыбка исчезла с лица Хирай. – Больше ни слова.

* * *

Хирай узнала о смерти Куми от главной официантки, которая работала в гостинице долгие годы. Хирай уже и забыла, когда в последний раз отвечала на звонок из гостиницы, от домочадцев, не говоря уж о сотрудниках. Но за два дня до этого у нее было дурное предчувствие. Звонок раздался рано утром, и на экране высветился мобильный номер официантки. Когда Хирай увидела, кто звонит, сердце ее замерло, и она ответила. Единственное, что Хирай смогла сказать плачущей официантке в трубку, было: «Я поняла», – и нажала на кнопку отбоя. Затем она схватила бумажник и на такси рванула к своей семье.

Таксист утверждал, что он бывший артист эстрады. По пути он разыгрывал для Хирай сценки из своих комедийных номеров. К счастью, его истории оказались неожиданно смешными, и всякий раз, когда Хирай их слышала, она хохотала до упаду на заднем сиденье. Она долго и громко смеялась, и слезы текли по ее лицу. Наконец, такси затормозило перед гостиницей «Такакура» – домом семьи Хирай.

Дорога заняла пять часов. Стоимость проезда на такси оказалась выше 150 тысяч йен, но поскольку Хирай платила наличными, таксист – бывший комик – сказал, что выходит красивое круглое число, и, получив оплату, уехал в хорошем настроении.

Когда Хирай вылетела из такси, она вдруг поняла, что все еще обута в

тапочки. В волосах у нее были бигуди. На улице было жарко. Когда крупные капли пота начали стекать по лицу Хирай, она пожалела, что под рукой нет носового платка. Быстрым шагом она направилась по гравийной дорожке к дому родителей, расположенному на заднем дворе гостиницы «Такакура».

Через большие крытые ворота Хирай прошла к главному входу. Последний раз она была здесь 13 лет назад, но ничего не изменилось. Хирай показалось, что время замерло. Она попыталась открыть задвижку на двери. Та была не заперта. Дверь распахнулась, Хирай вошла в бетонное помещение. Было зябко. Она пошла по коридору в гостиную. Коридор оказался пустым и темным, в тишине Хирай слышала только звук своих шагов. Это действовало на нее угнетающе. В конце коридора находилась гостиная, из нее можно было выйти на веранду.

За дверью веранды Хирай разглядела маленькую сторбленную фигуру, это был ее отец Ясуо. Он сидел там и смотрел на пышный зеленый сад.

Куми лежала у выхода на веранду, одетая в белое платье, поверх которого было перекинута розовое кимоно – наряд главной управляющей гостиницы «Такакура». Ясуо, должно быть, все это время находился рядом с ней, так как его рука сжимала белую ткань, которой обычно закрывают лицо покойника. Ее матери Митико там не было.

Хирай села и посмотрела на лицо Куми. Лицо сестры было таким спокойным, что казалось, она просто спала. Хирай нежно прикоснулась к лицу Куми и мысленно прошептала:

«Слава богу».

Если бы оно было сильно порезано после аварии, девушку положили бы в гроб, завернутую подобно мумии. Так думала Хирай, глядя на красивое лицо Куми. Когда она узнала, что грузовик ударил Куми в голову, эта мысль постоянно терзала ее. Ясуо продолжал смотреть на сад во дворе.

– Отец... – позвала Хирай тихим голосом.

Это был ее первый разговор с ним с тех пор, как она ушла из дома 13 лет назад.

– ...

Но Ясуо продолжал сидеть спиной к ней, и единственным его ответом был вздох. Хирай еще немного посмотрела на лицо Куми, а потом медленно встала и вышла из комнаты.

Она поехала в город Сендай, где началась подготовка к фестивалю Та-набата. С бигуди в волосах, в тапочках и легкой кофточке Хирай бродила по городу дотемна. За это время она успела купить похоронный наряд и нашла номер в отеле.

На следующий день на похоронах она увидела, как ее мать Митико мужественно сдерживала эмоции, стоя рядом с отцом, который сломался и рыдал. Вместо того чтобы сесть в одном ряду с членами своей семьи, она осталась с другими скорбящими. Только однажды она посмотрела в глаза Митико, но не обменялась с ней ни единым словом. Похороны прошли гладко. Хирай воскурила фимиам, но с ней никто так и не заговорил.

* * *

Столбик пепла на ее сигарете удлинился и тихо опал.

– Да, и на этом все, – сказала она и затушила сигарету.

Голова Нагаре склонилась. Котаке неподвижно сидела с чашкой в руке. Кей обеспокоенно смотрела на Хирай.

Хирай оглядела всех троих и вздохнула.

– Я плохо справляюсь с такими серьезными вещами, – заключила она.

– Хирай... – начала Кей, но та махнула рукой, чтобы остановить ее.

– Так что хватит мрачных лиц, и перестаньте уже спрашивать, в порядке ли я, – попросила она.

Хирай видела по лицу Кей, что та все еще хочет что-то сказать. Поэтому она продолжала:

– Может быть, я и не выгляжу так, но я очень скорблю... Ну да ладно вам, друзья, мне нужно преодолеть все это, перешагнуть, верно?

Хирай говорила так, как будто пыталась успокоить плачущего ребенка. В этом была вся она – что бы ни случилось, оставаться крутой до конца. Если бы Кей оказалась на месте Хирай, она бы рыдала все дни напролет. Если бы на ее месте была Котаке, она бы соблюдала траур, оплакивала покойную и проявляла сдержанность в поведении. Но Хирай не была ни Кей и ни Котаке.

– Я буду скорбеть так, как я скорблю. Все разные... – сказала Хирай. С этими словами она встала и взяла свою черную сумку.

– Вот такие дела... – сказала Хирай, повернувшись к выходу и проходя мимо Нагаре.

– Тогда зачем ты пришла? – пробормотал он, как будто задавая вопрос самому себе. Уже почти приблизившись к выходу, Хирай замерла. – Зачем приходить сюда вместо того, чтобы возвратиться сразу домой? – спросил он прямо в ее спину. Хирай несколько мгновений стояла в полном молчании.

– Ты меня поймал... – вздохнула Хирай. Она повернулась и пошла обратно к стойке.

Нагаре не смотрел на Хирай. Он продолжал вертеть в руках банку соли. Хирай вернулась на свое место и села на стул.

– Хирай... – окликнула Кей и подошла к ней с письмом.

– Оно все еще у меня... – сказала она в нерешительности, держа письмо перед Хирай.

– Ты не выбросила его? – спросила Хирай.

Она сразу узнала письмо. Она была уверена, что это письмо, которое Куми оставила в кафе три дня назад. Хирай попросила Кей выбросить его. Она даже не прочитала, что там было написано.

– ...

Когда Хирай взяла письмо, ее руки дрожали. Это было последнее письмо, написанное Куми.

– Даже представить не могла, что отдам его тебе при таких обстоятельствах, – сказала Кей, виновато склонив голову.

– Нет, конечно, нет... Спасибо тебе, – ответила Хирай.

Она вытащила вдвое сложенное письмо из незапечатанного конверта.

Содержание было таким, как и предполагала Хирай. Всегда одно и то же. И хотя в письме затрагивались все те же старые, набившие оскомину темы, она, наконец, заплакала.

– Я с ней даже не встретилась, и вдруг случилось это, – рыдала Хирай. – Лишь она одна никогда не бросала меня. Она постоянно приезжала в Токио, чтобы повидаться со мной.

Когда Куми впервые приехала в Токио навестить сестру, Хирай было 24 года, а Куми – 18. Тогда Куми была

милой младшей сестренкой,

посылавшей ей весточки втайне от родителей. Куми росла послушной. Уже старшеклассницей она помогала вести дела в гостинице в свободное от учебы время. Когда Хирай ушла из дома, ее родители возложили все свои надежды на Куми. Еще до совершеннолетия она стала первым лицом администрации гостиницы «Такакура» как будущая хозяйка. Сестра начала убеждать Хирай вернуться в семью. Несмотря на управление гостиницей, она находила время примерно раз в месяц приезжать в Токио для встреч с Хирай. Поначалу, пока Хирай не надоело, она встречалась с Куми и выслушивала все, что та хотела ей сказать. Но наступил момент, когда Хирай почувствовала, что настойчивость сестры ее раздражает. За последние два года Хирай полностью отдалась от Куми.

Недавно она вообще спряталась от младшей сестры под барной стойкой. Тогда вместо того, чтобы прочитать письмо, она просто хотела выбросить его.

Хирай отдала письмо Кей, чтобы та положила его в конверт и вернула ей.

– Я знаю правила. Настоящее не меняется, как бы вы ни пытались изменить его. Я все понимаю.

– ...

– Верни меня в тот день.

– ...

– Я умоляю тебя! – лицо Хирай стало намного серьезнее, чем раньше. Она склонилась в поклоне.

Узкие щелки глаз Нагаре сузились еще больше, когда он посмотрел вниз на Хирай. День, о котором говорила Хирай, когда сказала *«тот день»*,

был три дня назад, в последний визит Куми в кафе. Естественно, Нагаре знал об этом. Теперь она просила вернуться и встретиться с сестрой. Кей и Котакэ, затаив дыхание, ждали ответа Нагаре. В комнате воцарилось молчание. Только женщина в платье продолжала читать свой роман, как будто ничего не случилось.

Бах!

Звук, с которым Нагаре опустил банку соли на барную стойку, эхом разнесся по всему кафе.

Потом, не сказав ни слова, Нагаре ушел и скрылся в подсобке.

Хирай подняла голову и сделала глубокий вдох.

Из подсобки слабо слышался голос Нагаре, зовущий Казу.

– Но Хирай...

– Да, я знаю.

Хирай оборвала реплику Котакэ, не желая слышать то, что она собиралась сказать. Затем подошла к женщине в платье.

– Можно мне здесь сесть, пожалуйста?

– Эй, Хирай! – истошно крикнула Кей.

– Сделайте это для меня!.. Пожалуйста! – Хирай молитвенно сложила руки, игнорируя крик Кей. Она выглядела немного глупо, но была абсолютно серьезна.

– ...

Женщина в платье даже не повернулась. Это завело Хирай.

– Эй! Вы меня слышите? Не игнорируйте меня. Вы можете пустить меня на это место? – настаивала она, положив руку на плечо женщины.

– Нет! Хирай, остановись! Ты не должна этого делать. Прошу тебя, не надо! – но та не слушала предостережений Кей. Она схватила женщину в платье и попыталась силой стащить ее с места.

– Хирай, прекрати! – закричала Кей.

В этот момент женщина в платье широко распахнула глаза и уставилась на Хирай. Мгновенно Хирай почувствовала, что ее тело стало тяжелее, во много раз тяжелее. Казалось, будто гравитация земли начала расти в геометрической прогрессии. Свет в кафе задрожал, и жуткий призрачный стон, исходящий непонятно откуда, разнесся по залу. Не в силах стоять на ногах, Хирай упала на колени.

– Что это за... что это?

– Ну, надо было меня слушать! – заявила Кей назидательным тоном и театрально вздохнула.

Хирай знала обо всех правилах от клиентов, большинство из которых, услышав их, отказывались от идеи путешествовать во времени. Но она ничего не знала о проклятии.

– Она демон... колдунья! – закричала Хирай.

– Нет, она просто призрак, – холодно поправила Кей. Замерев от ужаса, Хирай осыпала оскорблениями женщину в платье, но это было бесполезно.

– О боже!.. – воскликнула Казу, выходя из подсобки. Ей достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что произошло. Казу бросилась на кухню и вышла со стеклянным графином, наполненным кофе. Она подошла к женщине в платье.

– Не желаете ли еще кофе? – спросила Казу.

– Да, пожалуйста, – ответила женщина, и проклятие было снято.

Удивительно, но Казу была единственным человеком, кто мог снять проклятие. Кей и Нагаре когда-то пытались это сделать, но у них не получилось. Когда проклятие было снято, Хирай вернулась в свое прежнее состояние. Она тяжело дышала и выглядела очень измученной. Хирай повернулась к Казу.

– Казу, любовь моя, пожалуйста, скажи ей что-нибудь... заставь ее сдвинуться! – расплакалась Хирай.

– Ладно, я понимаю, каково тебе сейчас.

– Ты же можешь что-то сделать?

Казу посмотрела вниз на графин, который держала в руках, и на мгновение задумалась.

– Я не уверена, что это сработает... – ответила Казу.

Хирай в отчаянии хваталась за соломинку.

– Неважно! Пожалуйста, сделай это для меня! – просила она, молитвенно сложив руки.

– Ладно, давай попробуем.

Казу подошла к женщине в платье. Кей помогла Хирай поднялась с пола, и они обе стали с интересом наблюдать за Казу.

– Не желаете ли еще кофе? – снова спросила Казу, несмотря на то, что чашка все еще была наполнена до краев.

– ?

Хирай и Котаке склонили головы набок, не понимая, что делала Казу.

Неожиданно женщина в платье откликнулась на предложение.

– Да, пожалуйста, – ответила она и залпом выпила полную чашку, которую ей принесли несколько секунд назад. Затем Казу наполнила ее снова. Женщина в платье продолжила читать роман, как будто все происходившее было в порядке вещей.

– Не желаете ли еще кофе? – тут же снова спросила Казу.

Женщина в платье пока не притронулась к кофе, и чашка оставалась полной до краев.

Несмотря на это она снова согласилась с предложением Казу.

– Да, пожалуйста, – ответила женщина в платье и залпом выпила вторую чашку кофе подряд.

– Ну кто бы мог подумать... – сказала Котаке, поняв, что делает Казу. Она усердно пыталась помочь Хирай занять

то самое

место, продолжая буквально накачивать женщину в платье кофе.

Казу неотступно следовала своему плану. Наполнив чашку, она сразу же предлагала женщине: «Не желаете еще немного кофе?» Женщина в платье каждый раз отвечала: «Да, пожалуйста» – и одним глотком выпивала то, что Казу налила ей секунду назад.

Через некоторое время женщина в платье, кажется, почувствовала дискомфорт. Теперь вместо того, чтобы опустошать чашку залпом, она делала короткую паузу между глотками. К этому моменту Казу сумела заставить ее выпить уже семь чашек кофе.

– Похоже, ей нехорошо. Почему она не может просто отказаться? – Ко-

таке сочувствовала женщине в платье.

– Она не может отказаться, – прошептала Кей на ухо Котаке.

– Почему нет?

– Потому что, очевидно, так гласит правило.

– Боже мой... – с удивлением сказала Котаке, понимая, что не только люди, путешествующие в прошлое, должны были следовать этим нелепым правилам. Она смотрела вперед, желая увидеть, что случится дальше. Казу налила восьмую чашку кофе, наполнив ее вровень с краями. Женщина в платье поморщилась. Но Казу была неумолима.

– Не желаете ли еще кофе?

Когда Казу предложила девятую чашку кофе, женщина в платье внезапно встала со своего места.

– Она встала! – восторженно воскликнула Котаке.

– В туалет... – пробормотала женщина в платье прямо в лицо Казу и направилась прочь из зала.

Для этого потребовалось определенное принуждение, но

то самое место

теперь было свободно.

– Спасибо, – сказала Хирай и бросилась к месту, где сидела женщина в платье. Нервное напряжение Хирай, похоже, передалось всем в кафе. Она сделала глубокий вдох, медленно выдохнула, опустилась на стул и осторожно закрыла глаза.

* * *

С раннего детства Куми везде следовала за Хирай и как могла выражала ей свою любовь и восхищение.

Отец и мать девочек – Ясуо и Митико – владели старинной гостиницей «Такакура», которая была заполнена постояльцами независимо от сезона. Митико вскоре после рождения Куми вернулась к работе. Обязанность присматривать за Куми легла на шестилетнюю Хирай. Когда малышка пошла в начальную школу, сестра сопровождала ее. Куми училась в сельской школе, правила в ней были не таким строгими, как в других, и если девочка начинала плакать, старшая сестра могла забрать ее прямо из класса, чтобы успокоить. Словом, Хирай была образцовой старшей сестрой, надежной и ответственной.

Родители возлагали на Хирай большие надежды. Они были уверены, что передадут ей управление гостиницей. Но они не учли, что независимость и самостоятельность, которые позволяли девочке справляться с уходом за младшей сестрой, не предполагали следования чужому сценарию

жизни. Роль, которую отвели Хирай родители, пришлась ей не по вкусу, она не собиралась наследовать семейный бизнес.

Хирай не испытывала ненависти ни к своим родителям, ни к их гостинице. Она просто хотела свободы. Поэтому в 18 лет девочка уехала из дома. Родители были шокированы и разочарованы поступком старшей дочери и прервали с ней всякую связь. Вся семья, включая Куми, тяжело переживала этот разлад.

Но, кажется, отъезд Хирай не был для Куми неожиданным. Младшая сестра не плакала, увидев письмо, которое оставила для нее старшая, она просто пробурчала: «Она такая эгоистичная».

Хирай вдруг заметила, что Казу стоит рядом с ней и держит в руках серебряный поднос с белой чашкой и серебряным кофейником. Ее лицо было спокойным и торжественным.

– Ты знаешь правила?

– Знаю...

Первое правило гласило: возвращаясь в прошлое, можно встретиться только с теми людьми, которые посещали это кафе. Последний раз, когда Хирай видела Куми, та была здесь. Пусть Хирай спряталась от сестры, Куми все же была в кафе.

Второе: находясь в прошлом, нельзя изменить настоящее. Это значило, что даже если Хирай вернется в прошлое и скажет Куми не садиться за руль, младшая сестра все равно погибнет в аварии. Такое правило сейчас казалось Хирай особенно жестоким. Но она знала, что его не изменить, и гнала от себя эти мысли.

Третье: чтобы вернуться в прошлое, нужно сидеть на определенном месте. Это был именно тот стул, на котором сейчас сидела Хирай.

Четвертое: никто не может сойти с

того самого

места.

Пятое: в прошлом можно находиться с момента, когда кофе наливают в чашку, до того момента, когда он остынет. Времени давалось очень мало. Но Хирай была готова на многое, чтобы хоть на несколько минут в последний раз увидеть сестру.

Хирай кивнула и попыталась сосредоточиться.

Казу продолжала говорить:

– Те, кто возвращается в прошлое, чтобы встретиться с умершими, чаще других забывают о времени, они никак не могут попрощаться с дорогими людьми, которых больше нет...

– ...

– Вот почему я хочу, чтобы у тебя было это... – Казу опустила в кофе небольшую палочку, похожую на соломинку для размешивания коктейлей.

– Что это?

– Это то, что подскажет тебе, что кофе почти остыл, ты услышишь звук.

– ...

– Итак, если прозвучит сигнал тревоги...

– Хорошо... Я поняла.

– ...

– Я все поняла, хорошо? – Хирай прервала объяснение Казу.

Ее, конечно, беспокоило, что правило вернуться из прошлого до того, как кофе остынет, было очень расплывчатым. Ей могло показаться, что кофе уже остыл, когда у нее еще оставалось много времени. Или она могла бы подумать, что кофе еще теплый, задержаться в прошлом и никогда не вернуться назад. Устройство, которое Казу опустила в ее кофе, значительно все упрощало.

Хирай хотела попросить прощения. Куми так старалась вернуть сестру домой, а Хирай отмахивалась от нее и воспринимала ее визиты только как неудобство для себя.

Кроме того, Хирай не давала покоя ситуация с гостиницей «Такакура».

Когда Хирай покинула дом и порвала с семьей, Куми пришлось взять на себя ответственность за управление гостиницей. Она не могла обмануть ожидания родителей, как это сделала ее сестра.

Но что, если это разрушило мечту Куми?

Если Куми не хотела заниматься семейным бизнесом и мечтала совсем о другой жизни, поступок Хирай нарушил все ее планы. И тогда становятся понятными настойчивые попытки Куми вернуть сестру, чтобы передать ей управление гостиницей, – Куми, как и Хирай, хотела освободиться от необходимости продолжать дело родителей!

Выходило, что Хирай получила свободу ценой свободы младшей сестры.

Хирай хотела извиниться за это. Если она не может изменить настоящее, пусть у нее будет возможность просто сказать:

«Прости, пожалуйста, свою эгоистичную старшую сестру».

Хирай подняла глаза на Казу и кивнула.

Казу поставила перед ней чашку, взяла серебряный кофейник с подноса и посмотрела на Хирай из-под опущенных ресниц. Это была церемония, и она не менялась, независимо от того, кто сидел на

том самом

месте.

– Просто запомни... – Казу сделала паузу, а затем прошептала: – ...ты должна выпить кофе, пока он не остыл.

Темная жидкость начала заполнять чашку. Хирай наблюдала, как напиток поднимается к краям чашки. Чем дольше наливался кофе, тем нетерпеливее становилась Хирай. Она хотела поскорее вернуться назад и встретиться со своей младшей сестрой. Она хотела извиниться перед ней. Но кофе начнет остывать, как только чашка наполнится, – у нее было мало драгоценного времени.

Из чашки стал подниматься пар. Глядя на мерцающий пар, Хирай начала испытывать головокружение. Ее тело слилось с паром, и она почувствовала, что начинает подниматься. Хотя такое было с ней впервые, она не посчитала все это пугающим. Чувствуя, что это успокаивает ее нетерпение, она просто закрыла глаза.

* * *

Впервые Хирай зашла в это кафе семь лет назад. Ей тогда было 24 года, она уже была владелицей бара неподалеку. Девушка заглянула сюда просто из любопытства, во время вечерней прогулки в конце осени. Единственными посетителями оказались женщина в белом и она. На улице было прохладно, люди уже кутались в шарфы, но женщина сидела в платье с короткими рукавами. Размышляя о том, что незнакомке должно быть очень холодно, даже здесь, в кафе, Хирай села за барную стойку.

Она осмотрела помещение, но не обнаружила ни одного сотрудника, никто не поприветствовал ее, когда она вошла. Все это казалось немного странным. Хирай решила, что кафе не слишком популярно, но осталась. Место, где нарушались всякие стандарты обслуживания, в каком-то смысле привлекало ее. Еще одной странностью было поведение посетительницы в белом платье: она даже не заметила Хирай и просто продолжала молча читать свою книгу. Создавалось впечатление, что Хирай случайно попала в кафе, когда оно было закрыто. Через несколько минут на двери зазвенел колокольчик, и в зал вошла совсем молодая девушка, по виду старшеклассница. Она неспешно произнесла: «Привет, добро пожаловать», – и скрылась в подсобке. Хирай понравилось это. Она нашла кафе, в котором работали свободные люди, они не заискивали перед клиентами, и было даже не понятно, когда они обслужат новую клиентку. Хирай неторопливо закурила сигарету и стала ждать.

Через некоторое время из подсобки появилась женщина. Хирай уже ку-

рила вторую сигарету. На женщине был бежевый трикотажный кардиган, белая длинная юбка и винно-красный фартук сомелье.

Молодая девушка наверняка сказал коллеге, что у них клиент, но женщина вошла в зал непринужденно и расслабленно. Она налила немного воды в стакан и поставила его перед Хирай. «Привет, добро пожаловать», – улыбнулась она, как будто ничего не случилось. Возможно, клиент, который ждет особого отношения, подумал бы, что она должна извиниться за такое обслуживание. Но Хирай не хотела и не ожидала, что перед ней будут лебезить. Женщина не признала своей оплошности, но зато тепло улыбнулась. Хирай сразу же влюбилась в нее.

«Никого нельзя впускать в личное пространство»

– таков был девиз Хирай.

С тех пор Хирай стала заглядывать в кафе «Фуникули Фуникула» каждый день. Зимой она узнала, что это то самое

кафе, которое возвращает в прошлое.

Когда Хирай спросила, указывая на женщину в платье: «Ей должно быть холодно, тебе не кажется?» – Кей рассказала ей о женщине-призраке и путешествиях в прошлое.

Хирай изобразила изумление, но про себя подумала, что все звучит очень неправдоподобно. Однако и заподозрить Кей в такой бессмысленной лжи она не могла, поэтому решила просто не задумываться об услышанном. Шестью месяцами позже, после выхода статьи о кафе из городской легенды, это место стало по-настоящему популярным.

Но даже после того как Хирай узнала о возвращении в прошлое, она не собиралась пользоваться этой возможностью. Хирай жила ярко, быстро и никогда даже не оглядывалась назад. «В любом случае эти путешествия назад бессмысленны – думала она, – ведь, согласно правилам, они все равно не изменят настоящего».

Так было, пока Куми не погибла в автокатастрофе.

* * *

Когда Хирай ощутила, что растворилась в мерцающем паре, она вдруг услышала, как ее зовут по имени.

– Хирай?

Услышав знакомый голос, Хирай открыла глаза и огляделась. Первой, кого она увидела, была Кей в винно-красном фартуке. Она удивленно смотрела на Хирай. За столиком у входа рассматривал свой журнал Фусаги. Именно так все и было здесь в тот последний день, когда Куми была еще

жива.

Хирай почувствовала, как быстро забилося ее сердце. Она не хотела встречаться с сестрой в таком состоянии, поэтому положила руку на грудь и начала медленно дышать, чтобы успокоиться.

– Привет... – поздоровалась она с Кей, стоявшей за барной стойкой.

Кей была застигнута врасплох тем, что у нее появился посетитель на *том самом*

месте. Она заговорила с Хирай так, будто ни о чем не догадывалась.

– Что... Ты пришла из будущего?

– Да...

– Правда? Но зачем это тебе?

Кей в прошлом понятия не имела о том, что случилось. Она спросила об этом без всякого умысла.

– О, я просто пришла повидаться с сестрой, – Хирай не могла ей соврать. Она сжала рукой письмо, которое держала на коленях.

– С той, что всегда приезжает, чтобы убедить тебя вернуться домой?

– Именно с ней.

– Вот это перемены! Разве ты обычно не пытаешься сбежать от нее?

– Не сегодня... Сегодня я решила увидеться с ней.

Хирай сделала все возможное, чтобы ответ звучал весело. Она хотела засмеяться, но у нее не получилось. Хирай понимала, что если Кей прищурится к ней, то поймет, что эта нарочитая беззаботность и веселость всего лишь маска. Уже сейчас Кей, кажется, что-то заподозрила.

– Что-то случилось? – спросила она шепотом.

Минуту Хирай молчала. Затем сказала беззаботным, как ей казалось, тоном:

– О нет, ничего... Ничего.

Вода течет с гор в долины. Гравитация. У эмоций тоже есть гравитация. В присутствии того, с кем у вас есть связь и кому вы доверяете, очень сложно солгать и остаться незамеченным. Что-то вытягивает правду наружу помимо вашей воли. Особенно когда вы пытаетесь скрыть грусть или уязвимость. Гораздо проще утаить их от незнакомца или кого-то, кому вы не доверяете. Хирай видела в Кей человека, которому она могла довериться и с которым могла поделиться чем угодно. Эмоциональная гравитация казалась непреодолимой. Кей была способна принять все что угодно, простить все, что Хирай выпустит наружу. Так она воспринимала Кей. Даже одно доброе слово, сказанное Кей, имело безграничную разрушительную силу для маски, надетой Хирай.

В тот момент Кей было достаточно сказать только слово. Еще одна доб-

рожелательная фраза, и правда просто-напросто выплеснулась бы наружу. Кей смотрела на Хирай с беспокойством. А Хирай отчаянно боялась встретиться взглядом с Кей.

Кей вышла из-за барной стойки, похоже, обеспокоенная упорным нежеланием Хирай посмотреть на нее.

Дзинь-дзинь

Внезапно зазвонил дверной колокольчик.

– Привет, добро пожаловать! – автоматически сказала Кей в сторону входной двери. Перед тем как оказаться в зале со столиками, посетитель должен был пересечь небольшую площадку с глиняным полом. Поэтому после того как звонил дверной колокольчик, приходилось подождать несколько секунд, чтобы увидеть того, кто пришел.

Но Хирай знала, что это Куми. Все часы в кафе показывали разное время. Но Хирай знала: правильные те, что посередине, на них было три часа. Именно в это время Куми пришла в кафе в день своей гибели.

Тогда Хирай пришлось спрятаться под барной стойкой. В кафе, расположенном в подвале, был только один вход и выход – через лестницу. Хирай всегда появлялась в кафе после обеда. Она заказывала кофе, болтала с Кей, а затем отправлялась на работу. В тот день Хирай уже прощалась с Кей, намереваясь открыть свой бар пораньше. Она вспомнила, как посмотрела на средние настенные часы, они показывали три. «Немного рановато», – подумала она, но решила, что приготовит закуски за время, оставшееся до открытия бара. Хирай заплатила за кофе и как раз собиралась уходить, но тут услышала на лестнице голос своей сестры Куми, разговаривающей с кем-то по телефону. Хирай не оставалось ничего, кроме как нырнуть под барную стойку и затаиться там.

Дзинь-дзинь

– зазвонил дверной колокольчик. Хирай успела мельком увидеть Куми, входящую в кафе, без промедления нырнула под барную стойку и затаилась там.

* * *

Сейчас Хирай сидела на

том самом

месте и ждала, когда Куми войдет в кафе. Она не могла вспомнить, в какой одежде была Куми в тот день, она плохо разглядела ее лицо. Хирай вдруг осознала, как давно не видела сестру и сколько усилий прилагала,

чтобы не видеть ее как можно дольше. Сейчас она раскаивалась. Стыд и раскаяние переполняли ее, стоило вспомнить о недостойных уловках, к которым она прибегала, чтобы не встречаться с Куми.

Сейчас Хирай душили слезы, но она сдерживалась. Она не могла позволить себе разрыдаться. Она ни разу не плакала перед Куми, и та обязательно догадалась бы, что все по-настоящему плохо, если бы увидела старшую сестру плачущей. Даже помня о том, что настоящее не изменится, Хирай очень хотела бы сказать Куми:

«Ты попадешь в аварию, поэтому отправляйся домой на поезде!»

или

«Тебе нельзя ехать домой сегодня!».

Но это было бы худшее, что она могла ей сделать. Хирай не хотела причинять Куми страдания и ни в коем случае не должна была говорить ей о неминуемой гибели. Хирай сделала глубокий вдох, чтобы совладать со своими эмоциями.

– Сестра?

От звука этого голоса сердце Хирай на секунду замерло. Это был голос Куми. Голос, который она больше никогда не услышит. Хирай медленно открыла глаза и оглянулась, чтобы увидеть сестру у входа.

– Привет... – Хирай подняла руку и помахала ей, улыбаясь так широко, как только могла. Тяжелый взгляд просветлел. В левой руке, лежащей на коленях, она продолжала крепко сжимать письмо. Куми вопросительно смотрела на Хирай.

– ...

Хирай могла понять ее замешательство. До этой встречи каждый раз при виде младшей сестры она демонстрировала недовольство. Хирай держалась холодно и ясно давала понять, что с нетерпением ждет, когда Куми оставит ее в покое. Но сейчас все было по-другому. Она смотрела на Куми и искренне улыбалась ей, она была счастлива видеть свою сестренку, и это читалось в ее глазах.

– Ого... Как странно... Что с тобой сегодня?

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду... За все эти годы мне ни разу не удалось найти тебя так просто и застать в таком расположении духа.

– Ты думаешь?

– Я знаю!

– О, Куми, прости меня... – сказала Хирай, пожимая плечами.

Куми медленно подошла к Хирай, кажется, наконец поверив в то, что сестра действительно рада ей.

– Эм... Простите, могу я сделать заказ? Я хочу кофе, тост, а затем рис карри и взбитое парфе, – Куми позвала Кей, стоявшую за барной стойкой.

– Хорошо... Я займусь этим, – сказала Кей, бросив короткий взгляд на Хирай.

Увидев прежнюю Хирай, она почувствовала облегчение и исчезла на кухне.

– Можно я сяду здесь? – спросила Куми в нерешительности, отодвигая стул.

– Конечно... – ответила Хирай с улыбкой.

Куми тоже улыбнулась и села напротив сестры.

– ...

Несколько мгновений обе молча смотрели друг на друга. Куми потупилась. Она все время нервничала и не могла расслабиться. Хирай просто продолжала смотреть на сестру, испытывая счастье от созерцания. Куми выдержала немигающий взгляд Хирай.

– Сегодня определенно очень странный день, – пробормотала она.

– Почему?

– Такое ощущение, что мы не делали это целую вечность... просто сидим здесь и смотрим друг на друга...

– Мы так не делали?

– Да ладно тебе... В последний раз, когда я приехала, я стояла под твоей входной дверью, а ты не позволила мне войти... А перед этим ты сбежала от меня, а я гналась за тобой... До этого ты перешла улицу, чтобы избежать встречи со мной, а еще раньше...

– Это ужасно, – согласилась Хирай.

Она знала, что Куми может продолжать... Однажды она притворилась, что ее нет дома, хотя в ее квартире горел свет. Она изображала, что сильно пьяна, и спросила: «Кто ты?» – притворяясь, что не узнала ее. Она никогда не читала писем от Куми, просто выбрасывала их. Даже последнее письмо. Она была ужасной старшей сестрой.

– Ну, вот так ты меня встречала...

– Мне жаль, Куми. Мне очень жаль, – сказала Хирай, высунув язык и пытаясь тем самым разрядить обстановку.

– ...

– ?

То, как Хирай вела себя, резко контрастировало с ее прежним поведением. Куми не могла этого не заметить.

– Так скажи мне правду, что случилось? – спросила Куми обеспокоенно.

– Что ты имеешь в виду?

– Да ладно, ты ведешь себя странно.

– Ты думаешь?

– Что-то случилось?

– Нет... ничего подобного, – сказала Хирай, изо всех сил стараясь, чтобы ее слова звучали естественно и непринужденно.

Смущенный и беспокойный взгляд Куми заставил Хирай остро почувствовать, что это последние часы жизни ее сестры, как в какой-то паршивой телевизионной мелодраме. Она почувствовала, как ее глаза покраснели от этой мысли. Нет-нет, только не она, Куми не должна умереть. Переполненная эмоциями, Хирай больше не могла выдерживать взгляд сестры и опустила голову.

– А вот и я...

Кей принесла кофе как раз вовремя.

– Спасибо, – вежливо кивнула Куми.

– Не за что... – ответила Кей, поставив кофе на стол. Она сделала небольшой поклон и вернулась за барную стойку.

– ...

– ...

Нить их разговора оборвалась. Хирай не смогла больше сказать ни слова. С тех пор как Куми появилась в кафе, она хотела только одного – крепко обнять сестру и крикнуть:

«Не умирай!»

Страх произнести это держал Хирай в постоянном напряжении.

Неловкое молчание затянулось, Куми начала беспокоиться. Свернув в трубочку блокнот для писем, лежащий на коленях, она продолжала смотреть на тикающие настенные часы. Куми не признавалась, но Хирай видела, что она все еще пытается понять, почему так изменилось поведение старшей сестры.

Куми молчала. Глядя вниз, она мысленно репетировала то, что собиралась произнести. Конечно, сама по себе просьба была проста:

«Пожалуйста, вернись домой».

Но подобрать слова было сложной задачей.

В течение последних нескольких лет на эту просьбу Хирай отвечала категорическим отказом. И Куми казалось, что с каждым новым разговором пропасть между ними становилась больше. Куми не сдавалась, но она так и не привыкла слышать

«нет»

в ответ, каждый раз ей было больно. Когда Хирай подумала о том, как

тяжело Куми, должно быть, постоянно ощущать все это, у нее внутри как будто все оборвалось. Сколько отказов и унижений пришлось вытерпеть Куми! Сейчас она была уверена, что Хирай опять откажет, но не сдавалась, она всегда находила в себе мужество для борьбы. Куми подняла голову и посмотрела прямо в глаза Хирай. Хирай не отвела взгляд. Куми сделала глубокий вдох, и как раз в этот момент Хирай произнесла:

– Хорошо, я не против вернуться домой.

Куми, кажется, не поверила в то, что услышала.

– Что? – переспросила она.

Хирай спокойно и мягко повторила:

– Хорошо... Я не против вернуться домой в гостиницу «Такакура».

– ...

На лице Куми все еще читалось недоверие.

– Правда? – спросила она с осторожностью.

– Но ты же знаешь, что от меня будет немного пользы, не так ли? – сказала Хирай, извиняясь.

– Ничего страшного... Без проблем! Ты можешь просто понемногу входить в курс дела. Папа и мама будут так рады тебе, я уверена!

– Правда?

– Конечно, будут!

Куми ответила кивком. Ее лицо мгновенно покраснело, и она разрыдалась.

– Что случилось?

Теперь уже пришла очередь Хирай волноваться. Она знала причину слез Куми. Если Хирай вернется в «Такакура», она обретет свободу. Ее настойчивые усилия по убеждению Хирай, которые она прилагала на протяжении многих лет, принесли свои плоды. Неудивительно, что она была счастлива. Но Хирай и представить себе не могла такую бурную реакцию сестры.

– Это всегда было моей мечтой... – бормотала Куми, и ее слезы капали на стол.

Сердце Хирай бешено стучало. Значит, у Куми были свои собственные мечты. Она тоже хотела сделать что-то свое. Эгоизм Хирай отнял у нее мечту – мечту, которую стоило оплакать.

Хирай подумала, что обязательно должна узнать, о чем мечтала Куми.

– О чем ты мечтала? – спросила она.

Куми посмотрела вверх красными заплаканными глазами и глубоко вздохнула.

– Управлять гостиницей вместе... С тобой, – ответила она. Ее лицо

осветила улыбка.

Хирай вспомнила, что говорила Кей три дня назад.

«Она злится на меня».

«Она не хотела, чтобы ей передавали управление гостиницей».

«Я продолжаю говорить ей, что не хочу возвращаться. Но она просит меня об этом снова и снова...»

«Я все время вижу упрек на ее лице. Из-за того что я сделала, она сейчас управляет гостиницей, которой не хочет управлять. Она хочет, чтобы я вернулась домой и освободила ее от этих обязанностей».

«Мне кажется, что она пытается давить на меня».

«Забудь об этом!»

«Мне очень тяжело заниматься этим в одиночку... Пожалуйста, вернись домой... Ничего страшного, ты справишься, когда приедешь... Ты ведь разбираешься в подобных вещах».

Хирай говорила все это. Но она ошибалась. Куми не злилась на сестру, и ее не тяготило управление гостиницей. Куми не хотела обрести свободу и не хотела лишиться свободы Хирай. Она мечтала, чтобы они вместе управляли гостиницей, чтобы они, как прежде, были вместе. Это было ее мечтой.

Ее маленькая Куми, которая всем сердцем любила ее и никогда не оставляла попыток убедить вернуться в семью, маленькая Куми, которая никогда не сдавалась. Даже родители отреклись от Хирай, но ее младшая сестра верила, что она вернется. Какой удивительной была эта вечная девочка! Она и сейчас, как в детстве, неотступно следовала за ней по пятам и звала: «Сестренка! Сестренка!» В эти минуты все существо Хирай переполняла любовь к Куми.

Отчаяние Хирай становилось все сильнее.

«Не умирай! Я не хочу, чтобы ты умирала!»

– Ку-Куми, – произнесла Хирай мягким голосом, как будто невзначай. Даже если все усилия были тщетны, она хотела остановить смерть Куми. Но Куми, похоже, не слышала Хирай.

– Подожди немного... Я схожу в туалет... Мне нужно поправить макияж... – произнесла она, вставая с места.

– Куми! – закричала Хирай.

Та остановилась.

– А? Что? – испуганно спросила она.

Хирай не знала, что сказать. Она помнила, что не может изменить настоящее.

– ...Ничего... Прости.

За этим «ничего» скрывалось многое.

«Не уходи! Не умирай! Прости! Пожалуйста, прости меня! Если бы ты не приехала ко мне сегодня, ты бы не умерла!»

Хирай хотела извиниться за то, что уехала, оставила родителей, не подумала о сестре, за то, что забыла, как много значит для Куми.

«Теперь я вижу, как ты страдала от того, что я твоя сестра. Прости...»

Но она не могла найти слов, чтобы выразить свои чувства... Что она должна сказать?.. Что она хотела бы сказать?..

Куми выжидающе смотрела на Хирай. Она чувствовала, что сестра хочет что-то сказать.

(«Ты так ласково смотришь на меня, хотя все эти годы не получала от меня ничего, кроме холода и безразличия. Ты никогда не переставала любить меня и ждать, что я вернусь. Даже свою мечту ты связала со мной – ты хотела, чтобы мы вместе управляли гостиницей родителей. Ты никогда не сдавалась. А я...»)

Хирай молчала, она запуталась в своих чувствах, а потом произнесла только одно слово:

– Спасибо...

Она не знала, может ли одно слово вместить все ее чувства. Но она вложила в него всю себя.

Куми на мгновение задумалась, а потом улыбнулась и сказала:

– Да, ты сегодня определенно ведешь себя странно.

– Да, наверное, – сказала Хирай, из последних сил стараясь казаться беззаботной. Счастливая, Куми пожала плечами, а затем повернулась и направилась в туалет.

(«Куми!..»)

Хирай смотрела, как Куми уходит, и уже не могла сдерживать слез. Она провожала сестру взглядом, пока та не скрылась из виду. Хирай опустила голову и наконец зарыдала. Она чувствовала, как горе поднимается из самых глубин ее сердца. Она хотела кричать во весь голос, но не могла, Куми услышала бы ее.

Хирай отчаянно давила крик в своем горле: «Куми, Куми!» Плечи ее дрожали, она вся съежилась и теперь уже тихо плакала. Кей окликнула Хирай с кухни, обеспокоенная ее странным поведением:

– Ты в порядке, Хирай?

– Бип-бип-бип-бип-бип...

Странный звук исходил от чашки с кофе на столе Хирай. Это было предупреждение о том, что кофе скоро остынет.

Эта сигнал тревоги!

Услышав этот звук, Кей все поняла. Сигнал срабатывал только тогда, когда человек встречался с умершим. Хирай сказала, что пришла повидаться с Куми...

«О боже... Ее милая младшая сестренка...»

После того как Куми зашла в туалет, Кей посмотрела на Хирай.

– Нет, не может быть... – пробормотала она в ужасе.

Хирай поймала взгляд Кей и горестно кивнула.

Кей выглядела подавленной.

– Хирай... – позвала она.

– Я знаю, – сказала Хирай, схватив кофейную чашку. – Мне надо выпить, да?

Кей ничего не сказала. Она не могла говорить.

– ...

Хирай держала чашку. Она вдохнула и выдохнула с мучительным стоном.

– Я просто хочу увидеть ее лицо, еще разок. Но если я это сделаю, то не смогу вернуться...

Хирай трясущимися руками поднесла чашку к губам. Ей придется допить этот кофе. Слезы сдавили горло:

«Почему это случилось? Почему она должна была умереть? Почему я просто не согласилась вернуться раньше?»

Чашка замерла в миллиметре от ее губ и не двигалась. Через миг...

– Тьфу... Я не могу его пить...

Хирай опустила чашку. Она чувствовала себя опустошенной. Она поняла, что хотела сделать и почему вернулась в прошлое. Все, что она знала, это как бесконечно сильно любит свою младшую сестру, – а теперь Куми ушла.

– ...

«Если сейчас я допью кофе, то больше никогда не увижу ее».

Но Хирай знала, что она не сможет выпить кофе, глядя в лицо Куми.

– Хирай!

– Я не могу его пить!

Кей понимала всю опасность происходящего. Она сильно закусила губу.

– Ты только что пообещала... – сказала она дрожащим голосом. – Ты обещала своей сестре, не так ли?

– ...

– Что ты вернешься в гостиницу.

Закрыв глаза, Хирай вспомнила счастливую улыбку Куми.

– Ты сказала, что будешь управлять гостиницей вместе с ней.

Хирай представила, как они вместе увлеченно и с удовольствием проводят дни в гостинице родителей.

– ...

Тот ранний телефонный звонок старшей официантки вновь зазвучал у нее в голове.

– Но она...

Хирай вдруг увидела Куми, лежащую в белом платье в гостиной, как будто она спит.

Куми ушла.

Что Хирай будет делать, когда окажется в настоящем? Ей теперь казалось, что в возвращении нет никакого смысла. Слезы текли по щекам Кей, но Хирай никогда не слышала такой силы в ее голосе:

– Это значит, что тебе придется вернуться. Ты обязана это сделать. Как была бы несчастна Куми, если бы узнала, что ты обманула ее, что ты не вернешься домой?

(«Да! Кей права. Куми сказала, что это ее мечта – работать со мной, и я обещала ей. Я сказала, что вернусь в гостиницу. Это был первый раз, когда я увидела лицо Куми таким счастливым. Я не могу вести себя так, как будто этого улыбающегося лица никогда не было. Я не могу снова ее подвести. Я должна вернуться в настоящее. Я должна вернуться в гостиницу «Такакура». Даже если Куми не будет в живых, я обещала ей...»)

Хирай схватилась за чашку. Но...

(Я хочу еще раз увидеть лицо Куми.)

Она снова чувствовала, что не может сделать глоток.

– ...

Но если бы она увидела лицо Куми, то не нашла бы в себе сил выпить

кофе и вернуться в настоящее. Хирай слишком хорошо об этом знала. Тем не менее она знала и то, что ей нужно просто выпить кофе.

Клац

Хирай услышала тихий щелчок открывающейся двери туалета. Звук раздавался за минуту до того, как человек появлялся в дверном проеме. Выходящий из туалета не мог сразу увидеть посетителей кафе за столиками. В тот момент, когда Хирай услышала щелчок, она инстинктивно поднесла чашку к губам и залпом опустошила ее.

Почти сразу Хирай почувствовала уже знакомое ей головокружение и ощущение того, что она поднимется вверх с паром и растворяется в нем. Хирай знала, что с последним глотком кофе она навсегда теряет возможность увидеть Куми.

(«Куми!»)

Меркнувшее сознание Хирай все еще находилось в прошлом.

– Сестра? – Куми вернулась, но, похоже, уже не видела Хирай. Она удивленно смотрела на стул, где та только что сидела.

(«Куми!»)

Голос Хирай уже не был слышен в кафе.

Куми обернулась и посмотрела на Кей, стоящую за барной стойкой.

– Простите, вы не знаете, куда ушла моя сестра? – спросила она.

Кей улыбнулась.

– Ей срочно пришлось уехать...

Куми помрачнела. Она наконец-то встретила сестрой и теперь внезапно опять потеряла ее. Да, Хирай пообещала вернуться, но Куми так хотелось провести с ней еще немного времени сейчас. Куми вздохнула и опустила плечи.

– Не волнуйтесь! Ваша сестра сказала мне, что сдержит обещание, – произнесла Кей, подмигивая в направлении того места, где витала в клубах пара Хирай.

(«Кей, ты моя спасительница! Спасибо тебе...»)

Хирай заплакала, ощущая огромную благодарность Кей. Куми на мгновение замерла.

– Правда? – спросила она, расплываясь в широкой улыбке. – Отлично! Тогда мне пора до мой... – сказала она, вежливо раскланиваясь.

Куми поднялась с места и быстро вышла из кафе.

(«Куми-и!»)

Хирай видела эту сцену сквозь мерцающий пар. Куми улыбалась, она верила, что Хирай сдержит свое обещание.

Хирай продолжала тихо плакать.

* * *

Внезапно Хирай почувствовала, что женщина в платье вернулась из туалета и стоит рядом. Здесь же в зале она увидела Казу, Нагаре, Котакэ и Кей. Хирай вернулась в настоящее – настоящее без Куми.

Женщина в платье не обращала внимания на заплаканные глаза Хирай.

– Уходи! – сказала она недовольно.

– Ах да, конечно, – спохватилась Хирай, поспешно вставая.

Женщина в платье проскользнула между столом и стулом и села на свое место. Она отодвинула кофейную чашку, выпитую Хирай, и продолжила читать свой роман, как будто ничего не случилось.

Хирай вытерла слезы и сделала глубокий выдох.

– Я не уверена, что они примут меня с распростертыми объятиями...

– ...

– И я понятия не имею, что это за работа... – продолжила она, глядя вниз, на руки, сжимавшие последнее письмо Куми. – Я просто вернусь...

– ...

– ...Это ведь не проблема? – Хирай решила вернуться в гостиницу «Такакура» немедленно. Просто закрыть бар и уехать. Она всегда принимала решения спонтанно, без долгих размышлений. И сейчас все видели, что решение принято и Хирай уже не отменит его.

Кей одобрительно кивнула.

– Я уверена, что все будет хорошо, – добавила она вслух. Кей не спрашивала Хирай о путешествии в прошлое. Ей это было не нужно. Хирай вынула 380 йен из кошелька, чтобы заплатить за кофе. Она отдала деньги Нагаре и легкой походкой вышла из кафе.

Дзинь-дзинь

Кей последовала за Хирай, чтобы проститься. Она нежно погладила себя по животу и прошептала:

– Как чудесно, что...

Внося деньги за кофе в кассу, Нагаре серьезно посмотрел на Кей, гладившую свой живот.

(«Интересно, как она справится?»)

Эхо дверного колокольчика разнеслось по всему кафе.

Дзинь... Дзинь...

История IV. Мать

В поэзии хайку цикада хигураши всегда используется как символ осени. Именно поэтому у японцев упоминание хигураши вызывает грустный образ прощания с летом. Стрекот этого насекомого можно услышать и в начале лета. Но пронзительный треск цикад абура и мин-мин ассоциируется с палящим солнцем и жаркими днями, а песни хигураши – с вечером и угасанием тепла. Когда солнце клонится к закату и сгущаются сумерки, стрекот

кана-кана-кана

цикады хигураши пробуждает грусть, и хочется побыстрее вернуться домой.

В городе редко можно услышать цикад хигураши. Это потому, что в отличие от цикад абура и мин-мин хигураши любят тенистые места, такие как смешанные леса или кипарисовые рощи. Рядом с кафе жила одна хигураши. Когда солнце начинало садиться, раздавался стрекот

кана-кана-кана,

пронзительный и щемящий. Иногда, если хорошо прислушаться, это можно было услышать и в самом кафе.

Стоял августовский вечер. Снаружи цикада абура громко стрекотала:

жи-жи-жи.

Метеорологическое бюро сообщило, что сегодняшний день был самым жарким в этом году. Но в кафе, как всегда, было прохладно без кондиционера. Казу читала электронное письмо, которое Хирай отправила на адрес Нагаре.

«Я вернулась в гостиницу "Такакура" уже две недели назад. Здесь так много всего, чему мне нужно научиться, что каждый день я чуть не плачу. Это очень тяжело».

– Похоже, ей и правда тяжело...

Котакэ и Нагаре слушали Казу. Так как ни у Казу, ни у Кей не было телефона, именно на телефон Нагаре приходили все электронные письма и сообщения, отправленные в кафе. У Казу не было телефона, потому что она плохо ладила с людьми и считала, что от телефонов одни неприятности. У Кей не было телефона, потому что она перестала им пользоваться после замужества. «Одного телефона для супружеской пары достаточно», – сказала она. А у Хирай было три телефона: для клиентов, для личной пере-

писки и для семьи. В своем семейном телефоне она хранила только домашний номер семьи и номер ее сестры Куми. Хотя никто в кафе об этом не знал, теперь она добавила в семейный телефон еще два контакта: номер кафе и мобильного Нагаре. Казу продолжала зачитывать электронное письмо.

«...Я все еще неловко чувствую себя с родителями, но понимаю, что возвращение домой было правильным решением. Я думаю, что если смерть Куми принесла столько горя мне и моим родителям, я должна постараться сделать все для процветания ее гостиницы, ее дела, которое станет служить памяти о ней и поможет нам справиться с потерей.

Я решила, что направлю все свои силы на то, чтобы реализовать мечту Куми. Думаю, вы не ожидали, что я могу быть такой серьезной.

Я хочу, чтобы вы знали: у меня все хорошо, я счастлива. Если сумеете, пожалуйста, приезжайте навестить меня. Хотя фестиваль этого года уже закончился, я настоятельно рекомендую вам когда-нибудь посетить фестиваль Танабата. Пожалуйста, передавайте привет всем.

Яэко Хирай»

Нагаре слушал, стоя у входа на кухню со сложенными руками. Его глаза сузились еще больше, чем обычно. Наверное, он улыбался – это всегда сложно было понять.

– О, разве это не чудесно, – радостно воскликнула Котаке. Она зашла в рабочий перерыв и была одета в форму медсестры.

– Оцените, – Казу показала сидящей за барной стойкой Котаке фотографию, прикрепленную к письму. Та взяла телефон в руки, чтобы лучше рассмотреть снимок.

– Хирай теперь выглядит как настоящая хозяйка старинной гостиницы, – сказала Котаке с легким изумлением.

– Верно! – согласилась Казу.

На фотографии Хирай стояла перед гостиницей. Ее волосы были собраны в пучок, розовое кимоно указывало на статус владелицы отеля «Такакура».

– Она выглядит счастливой.

– Да, это правда.

Хирай на фото беззаботно улыбалась. Она написала, что между ней и ее родителями все еще сохраняются натянутые отношения, но вместе с Хирай позировали ее отец Ясуо и мать Митико.

– И Куми тоже... – пробормотал Нагаре, глядя на фотографию. – Куми, несомненно, тоже счастлива.

– Да, я в этом уверена, – согласилась Котаке. Казу, стоящая рядом с ней, тоже кивнула. Сейчас ее лицо не было строгим и торжественным, как во время ритуала перенесения в прошлое, глаза девушки излучали нежность и доброту.

– Кстати, – сказала Котаке, возвращая телефон Казу. Она повернулась и вопросительно посмотрела на женщину в платье, сидящую на

том самом

месте. – Что она там делает?

Котаке говорила не о женщине в платье, а о Фумико Киёкава, сидевшей на стуле напротив женщины. Фумико возвращалась в прошлое этой весной. Обычно она напоминала деловую леди с рекламного плаката, но сегодня у нее, похоже, был выходной. На девушке была черная футболка с рукавами три четверти, белые обтягивающие брюки и сандалии на шнуровке.

Фумико не проявила интереса к письму от Хирай. Она внимательно смотрела на женщину в платье.

– Мне тоже интересно... – это все, что Казу смогла ответить. Она не знала, зачем сюда приходит Фумико.

После своего возвращения в прошлое Фумико стала иногда навещать кафе. Приходя, она всегда садилась напротив женщины в платье.

Внезапно Фумико посмотрела на Казу.

– Прошу прощения... – сказала она.

– Да?

– Меня кое-что беспокоит.

– Что именно?

– Все это, когда тебя переносят во времени... Можно ли таким образом попасть и в будущее?

– В будущее?

– Да, в будущее.

После вопроса Фумико Котаке тоже стало любопытно.

– Да, мне тоже интересно это знать.

– Ведь интересно, правда? – согласилась Фумико.

– И возвращение в прошлое, и перемещение в будущее относятся к путешествиям во времени... И я подумала, вдруг это возможно? – развивала Фумико свою мысль. Котаке кивнула в знак согласия.

– Так это возможно? – спросила Фумико с надеждой и любопытством в глазах.

– Да, конечно, вы можете попасть в будущее, – спокойно ответила Казу.

– Правда? – спросила Фумико. От волнения она случайно ударила по столу, кофе пролился на женщину в платье, и та недовольно вскинула брови. Фумико в панике вытерла пролитый кофе салфеткой. Она не хотела, чтобы ее проклинали.

– Ого! – воскликнула Котакэ.

Казу наблюдала за реакцией обеих женщин.

– Но никто так не делает, – добавила она бесстрастным тоном.

– Что? Почему бы так не сделать? – ошеломленно спросила Фумико, приближаясь к Казу. Конечно, она была не единственной, кому пришла в голову идея путешествия в будущее. Котакэ тоже хотела знать, почему никто еще не путешествовал в будущее. Ее глаза загорелись, и она пристально посмотрела на Казу. Казу переглянулась с Нагаре, а затем посмотрела на Фумико.

– Ну ладно... Если ты хочешь отправиться в будущее, на сколько лет вперед ты хочешь переместиться?

Вопрос прозвучал неожиданно, но оказалось, что Фумико уже обдумала его.

– На три года, считая от настоящего момента! – Фумико ответила мгновенно, как будто ждала, когда ее спросят. Ее лицо залилось краской.

– Хочешь повидаться со своим парнем? – холодно спросила Казу.

– Ну... Ну и что здесь такого? – Фумико выдвинула нижнюю челюсть, будто защищаясь, но ее лицо еще больше покраснело.

В этот момент в разговор вмешался Нагаре:

– Тут нечего стыдиться...

– Я и не стыжусь! – отреагировала Фумико. Но Нагаре явно коснулся ее большой темы, они с Котакэ незаметно обменялись ехидными улыбками.

– ...

Казу не была настроена ехидничать. Она смотрела на Фумико с обычным бесстрастным выражением лица. Фумико поддержала серьезный настрой Казу.

– Это невозможно? – спросила она тихо.

– Нет, это возможно... Не думаю, что это невозможно, – монотонно продолжала Казу.

– Но?

– Откуда ты знаешь, что через три года он посетит это кафе?

– ...

Фумико, похоже, не поняла смысл вопроса.

– Разве непонятно? – спросила Казу, как будто проводя перекрестный допрос.

– О! – до Фумико наконец-то дошло. Даже если бы она отправилась в будущее на три года вперед, как она могла быть уверена, что Гору придет в это кафе.

– В этом-то и загвоздка...

– ...

– То, что случилось в прошлом, уже случилось. Ты можешь постараться вспомнить это во всех подробностях и вернуться туда. Но...

– Будущее совершенно неизвестно! – воскликнула Котакэ, хлопая в ладоши, будто угадала ответ на вопрос викторины.

– Конечно, ты можешь отправиться в тот день, в который пожелаешь, но никак нельзя предугадать, будет ли там нужный тебе человек.

Казу говорила спокойно, должно быть, она не впервые объясняла это людям.

– Так что, даже если ты выберешь момент в будущем и отправишься туда, шанс встретиться с нужным человеком за время, пока не остыл кофе, очень мал, – добавил Нагаре.

– Понимаешь, о чем я? – закончил он, глядя на Фумико.

– Выходит, путешествие в будущее – пустая трата времени? – обреченно пробормотала она.

– Именно.

– Я поняла...

Попасть в будущее для Фумико явно не было вопросом жизни и смерти. Можно было бы предположить, что в этот раз она легко откажется от идеи путешествовать во времени. Но ее продолжали интересовать и удивлять правила этих путешествий.

Фумико промолчала, но про себя подумала:

«Путешествия в прошлое не позволяют изменить настоящее. А путешествия в будущее – это просто пустая трата времени. Прекрасно! Теперь я понимаю, почему та статья в журнале называла их "бессмысленными"».

Нагаре прищурился.

– Что ты хотела сделать? Убедиться, что вы поженились?

– Ничего подобного!

– Ха... Я так и знал.

– Нет... Я же говорю тебе, что дело не в этом!

Чем больше Фумико отрицала, тем очевиднее становилось, что Нагаре прав.

Так или иначе, Фумико не могла отправиться в будущее. Существовало еще одно правило, делающее это невозможным: человек, который однажды

перемещался здесь во времени, не мог сделать это снова. Каждый получал только один шанс.

«Думаю, проще не говорить об этом Фумико, потому что она начнет требовать объяснить смысл этого правила»,

– подумала Казу.

Дзинь-дзинь

– Привет! Добро пожаловать!

Это был Фусаги. Он был одет в военно-морскую рубашку поло, бежево-коричневые брюки и сандалии. На плече висела сумка. На улице стоял по-настоящему жаркий день, поэтому в руке Фусаги держал маленькое белое полотенце, чтобы вытирать пот.

– Фусаги! – Нагаре назвал его по имени, вместо того чтобы приветствовать стандартной фразой

«Здравствуйте! Добро пожаловать!».

Сначала Фусаги выглядел немного растерянным, но затем кивнул в ответ и занял привычное место за ближайшим ко входу столом. Котаке, сцепив руки за спиной, приблизилась к нему.

– Привет, дорогой! – сказала Котаке с улыбкой. Она больше не называла его Фусаги, как раньше.

– Простите, я вас знаю?

– Я твоя жена, милый.

– Жена?.. Моя жена?

– Да.

– Это же шутка... Не правда ли?

– Нет. Я действительно твоя жена!

Котаке без колебаний села на стул напротив мужа. Не понимая, как правильно реагировать на поведение незнакомой женщины, Фусаги выглядел обеспокоенным.

– Я бы предпочел, чтобы вы сели где-нибудь в другом месте.

– Но я сяду здесь... Потому что я твоя жена.

– Эм, со мной не все в порядке. Я вас не узнаю.

– Ну, тогда тебе придется познакомиться со мной поближе снова. Давай начнем прямо сейчас.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду наш брак, свадьбу.

Пока Фусаги с презрением смотрел на женщину перед ним, Котаке молча улыбалась. Мужчина разволновался и обратился за помощью к Казу, которая принесла ему стакан воды.

– Пожалуйста, сделайте что-нибудь с этой женщиной.

Со стороны это могло выглядеть как флирт пожилой супружеской пары. Но лицо Фусаги выражало неподдельную тревогу.

– Он выглядит очень расстроенным, – сказала Казу с улыбкой, защищая Фусаги.

– Неужели?.. О, хорошо.

– Может, на сегодня хватит? – спросил Нагаре из-за барной стойки.

Подобные сцены между супругами разыгрывались здесь не первый раз. Иногда Котаке говорила Фусаги, что она его жена, и он никак не желал признавать это, иногда отвечал: «Правда?» – и соглашался. Всего два дня назад Котаке сидела напротив мужа и вела приятную беседу.

Они вспоминали о путешествиях. Фусаги с удовольствием рассказывал жене о том, какие места ему довелось посетить. Котаке с улыбкой смотрела на него и отвечала:

«Я тоже там была»,

– от этого оба приходили в восторг. Котаке выглядела по-настоящему счастливой в такие дни.

– Наверное, да... Я продолжу разговор, когда мы вернемся домой, – сказала она и села на свое прежнее место у барной стойки.

Похоже, она временно сдалась.

– Вы выглядите счастливой, – заметил Нагаре.

– Так и есть, – кивнула Котаке.

Несмотря на то что в кафе было прохладно, Фусаги продолжал вытирать пот со лба.

– Кофе, пожалуйста, – заказал он, доставая из сумки туристический журнал и кладя его на стол.

– Хорошо, – улыбнулась Казу и исчезла на кухне. Фумико снова начала сверлить взглядом женщину в платье. Котаке наклонилась вперед и смотрела на Фусаги, пока тот самозабвенно листал журнал. Нагаре, наблюдая за этой парой, начал измельчать зерна в кофемолке. Женщина в платье, как всегда, продолжала читать свой роман. Как только аромат кофе наполнил помещение, из подсобки появилась Кей. Ее вид заставил Нагаре прервать свое занятие.

– Боже правый! – воскликнула Котаке, увидев цвет лица Кей. Та была очень бледной, почти серой, и казалось, что она сейчас упадет в обморок.

– Ты в порядке? – спросил Нагаре с ужасом, тоже резко бледнея.

– О, дорогая сестренка, я думаю, тебе сегодня лучше отдохнуть... – крикнула из кухни Казу.

– Нет, я в порядке, в порядке, – нарочито бодро произнесла Кей, изо

всех сил стараясь не показывать, насколько ей плохо.

– Не похоже, чтобы ты сегодня была в порядке, – сказала Котаке. – Тебе следует отдохнуть, не так ли?

Но Кей покачала головой.

– Нет, все нормально, правда, – и как бы в подтверждение своих слов она показала двумя пальцами знак победы.

Но всем было ясно, что это не так.

Кей родилась со слабым сердцем. Врачи советовали ей избегать физических нагрузок, поэтому даже в школе она никогда не участвовала в субботниках и других подобных мероприятиях. Тем не менее Кей была общительной и жизнерадостной девушкой, она действительно умела наслаждаться жизнью. Это был один из талантов Кей –

жить счастливо,

как всегда отмечала Хирай.

«Если физические нагрузки мне запрещены, это нормально, я просто буду их избегать».

Так думала Кей.

Это не могло помешать Кей жить полной жизнью. Она принимала участие в спортивных соревнованиях – один из мальчиков катил ее в инвалидной коляске. Конечно, у такой команды не было шансов на победу, но они делали все возможное и были искренне разочарованы поражением. Кей не оставалась в стороне и когда дело касалось танцев, просто выбирала медленные, спокойные, состоящие из плавных движений. Обыкновенно люди не любят тех, кто от них отличается, но Кей не считали белой вороной. У нее всегда были друзья, люди тянулись к ней.

И все же, хотя воле и характеру Кей могли позавидовать многие, сердце часто подводило ее. Тогда Кей забирали из школы и клали в больницу. Именно в больнице она познакомилась с Нагаре.

Кей было семнадцать, и она уже второй год училась в старшей школе. В больнице девушке приходилось проводить все время в кровати, поэтому она была рада разговорам с посетителями и медсестрами, приходившими к ней в палату. А еще Кей нравилось смотреть из окна на мир за стенами палаты. Однажды она сидела на подоконнике и увидела в больничном саду мужчину, заматанного в бинты с головы до ног.

Кей не могла оторвать от него глаз. Он был больше всех, кого ей доводилось встречать прежде. Когда к мужчине подошла девочка, она показалась Кей крошечной. Пожалуй, это было невежливо, но про себя Кей стала называть этого мужчину

человеком-мумией. С того дня

она полюбила наблюдать за ним, иногда часами, из окна, и это ей не наскучивало.

Медсестра сказала Кей, что человека-мумию госпитализировали после автомобильной аварии. Он переходил дорогу, и прямо перед ним произошло столкновение легковой машины с грузовиком. Грузовик на время потерял управление, протащил мужчину за собой около двадцати метров и отбросил в витрину магазина. Если бы это случилось с человеком обычного телосложения, летальный исход был бы неизбежен. Но большой человек встал через несколько минут, как будто ничего не произошло. Конечно, он был весь в порезах и истекал кровью, но несмотря на это доковылял до перевернутого грузовика и крикнул:

«Вы в порядке?»

Из грузовика выливался бензин. Водитель не дал ответа, он был без сознания. Большой человек вытащил водителя из грузовика и, взвалив его на плечо, крикнул одному из собравшихся на месте происшествия зевак:

«Вызовите скорую!»

Когда скорая прибыла, она забрала и большого человека тоже. Он потерял много крови, но отделался порезами и ссадинами, не сломав ни одной кости.

Услышав историю человека-мумии, Кей еще больше заинтересовалась им. Потом эта заинтересованность переросла в настоящую влюбленность. Большой человек стал первой любовью Кей. На первом свидании, стоя рядом с этим мужчиной, огромным и надежным, как скала, он вдруг поняла и тут же, ни капли не смущаясь, сказала: «Я думаю, что ты тот человек, за которого я хочу выйти замуж».

Человек-мумия несколько минут смотрел на нее с высоты своего роста и молчал, а потом произнес:

– Ты будешь работать в кафе, если мы поженимся.

С тех пор они не разлучались. Когда Кей было двадцать, а Нагаре двадцать три, они поженились.

Кей ушла за барную стойку вытирать и расставлять посуду. С кухни слышалось бульканье кофейного сифона. Котаке продолжала с беспокойством смотреть на Кей, но Казу исчезла на кухне, а Нагаре снова принялся измельчать кофейные зерна на кофемолке. По какой-то никому не известной причине женщина в платье устала на Кей.

– Ох! – воскликнула Котаке за миг до того, как все услышали звук разбитого стекла.

Стакан выпал из рук Кей.

– Сестренка! Ты в порядке? – запаниковала Казу.

– Прошу прощения, – смущенно проговорила Кей, наклоняясь, чтобы собрать куски разбитого стакана.

– Оставь это, сестренка, я все сделаю... – воскликнула Казу, останавливая Кей.

– ...

Нагаре молча наблюдал за ними.

Котаке впервые увидела Кей в таком тяжелом состоянии. Она была медсестрой и постоянно имела дело с больными людьми, но видеть, как страдает ее подруга, было невыносимо.

– Кей, дорогая... – пробормотала она.

Фумико тоже разволновалась:

– Ты в порядке?

Происходящее привлекло и внимание Фусаги, и он поднял голову.

– Мне очень жаль.

– Я думаю, Кей должна сходить в больницу, – сказала Котаке.

– Нет, со мной все хорошо, правда...

– Но я действительно думаю...

Кей упрямо покачала головой.

Она сделала глубокий вдох и почувствовала, как тяжело стало дышать. Все оказалось хуже, чем она думала.

– ...

Нагаре ничего не сказал. Он просто продолжал мрачно смотреть на Кей.

Кей глубоко вздохнула.

– Думаю, мне лучше прилечь, – сказала она и, шатаясь, пошла в подсобку. По выражению лица Нагаре она поняла, что он серьезно обеспокоен ее состоянием...

– Казу, присмотри за кафе, пожалуйста, – сказал Нагаре и последовал за Кей.

– Да, конечно, – ответила Казу, не шелохнувшись, словно ее мысли витали где-то в другом месте.

– Кофе, пожалуйста.

– Ах, да! Извините.

Очевидно, Фусаги угадал ее настроение и покорно ждал заказ. Его напоминание вернуло Казу к реальности. Внезапно она поняла, что настолько была поглощена самочувствием Кей, что до сих пор не подала Фусаги его заказ.

К концу дня гнетущая атмосфера не развеялась.

* * *

С тех пор как Кей забеременела, она каждый день разговаривала со своим ребенком. В четыре недели, возможно, слишком рано называть плод ребенком, но Кей это не смущало. Она считала время, проведенное за этими разговорами, самым счастливым в своей жизни.

—

Посмотри! Это твой папа!

—

Мой папа?

—

Да!

—

Он огромный!

—

Да, но у него не только огромное тело. Еще у него огромное сердце! Он очень добрый, любящий папа.

—

О боже! Не могу дождаться.

—

Папа и мама тоже не могут дождаться встречи с тобой, милый!

Таким было содержание этих разговоров, в которых Кей, конечно же, играла обе роли. Но несмотря на счастье, которое она испытывала, ее состояние ухудшалось с развитием беременности. На пятой неделе, когда в матке сформировался эмбрион размером один или два миллиметра и уже можно было слышать сердце малыша, а органы его тела начали быстро формироваться, беременность стала подрывать здоровье Кей.

У нее возникали приступы жара, ее лихорадило. Она ощущала вялость и сонливость.

Ей казалось, что привычные продукты изменили свой вкус.

Настроение постоянно менялось —

тревога, гнев, апатия...

Кей не жаловалась, она с детства привыкла не жаловаться на плохое самочувствие.

Однако в течение нескольких последних дней состояние Кей стремительно ухудшалось. Два дня назад Нагаре проконсультировался с ее лечащим врачом:

«Скажу прямо, сердце вашей жены может не выдержать роды. С ше-

стой недели начнется тошнота по утрам, ей понадобится госпитализация. Если она решит оставить ребенка, то должна осознать, что шансов на то, что они оба выживут, очень мало. Даже если и она, и ребенок выживут после родов, ее организму будет нанесен огромный урон. Это существенно сократит продолжительность ее жизни».

На минуту задумавшись, врач добавил:

«Обычно аборты делают на сроке от шести до двенадцати недель. В случае с вашей женой, если она решит прервать беременность, это должно быть сделано как можно раньше...»

Вернувшись домой, Нагаре честно передал Кей слова доктора. Когда он закончил, Кей просто кивнула.

—

Я знаю,

— это все, что она сказала.

* * *

После закрытия кафе Нагаре сидел один за барной стойкой. Помещение было освещено только настенными светильниками. Перед Нагаре лежали несколько небольших бумажных журавликов. Он сложил их из салфеток. Единственным звуком, который нарушал тишину в маленьком зале, было тиканье настенных часов. Единственным движением — движение рук Нагаре.

Дзинь-дзинь

Прозвенел дверной колокольчик, Нагаре не отреагировал на этот звук, он медленно поставил на барную стойку еще одного журавлика. Котаке вошла в кафе. Она решила зайти сюда по дороге домой, потому что беспокоилась за Кей.

— ...

Нагаре кивнул, не отрывая глаз от бумажных птиц на барной стойке. Котаке стояла у входа.

— Как дела у Кей? — спросила она. Котаке узнала о беременности Кей вскоре после того, как об этом стало известно самой Кей. Она никогда не думала, что это так подорвет здоровье молодой женщины. Котаке выглядела такой же обеспокоенной, как и несколькими часами раньше.

Нагаре ответил не сразу. Он взял еще одну салфетку и начал складывать ее.

— Она как-то справляется, — сказал он.

Котаке села за стойку.

– ...

Нагаре почесал кончик носа.

– Извините, я так сильно беспокоюсь... – произнес он с виноватым видом.

– О, не переживай... Но разве она не должна быть в больнице?

– Я говорил ей, что должна, но она и слушать не хочет.

– Да, но...

– ...

Нагаре закончил складывать бумажного журавлика и посмотрел на Котаке.

– Я был против того, чтобы она оставляла ребенка, – пробормотал Нагаре так тихо, что если бы кафе не было таким маленьким, Котаке не услышала бы его.

– Но повлиять на ее решение невозможно, – сказал Нагаре, глядя на Котаке с легкой улыбкой, а затем опустил голову.

Нагаре сказал, что он «был против», но он не мог настаивать, не мог сказать: «Сделай аборт» или «Я хочу, чтобы ты родила ребенка». Он не мог делать выбор между ними, выбирая Кей, а не ребенка, или, наоборот, выбрав ребенка, а не Кей.

Котаке не знала, что ответить. Она посмотрела на плавно вращавшийся вентилятор под потолком.

– Это тяжело, – согласилась она.

Казу вышла из подсобки.

– Ну как?.. – прошептала Котаке.

Но Казу отвела взгляд от нее и посмотрела на Нагаре. Она не была отстраненной, как обычно; Казу казалась грустной и подавленной.

– Как она? – спросил Нагаре.

Казу молча указала глазами на подсобку. Нагаре посмотрел в ту сторону и увидел медленно приближающуюся Кей. Лицо ее все еще оставалось бледным, походка была неуверенной, но все же казалось, что ей гораздо лучше. Кей прошла за барную стойку и встала перед Нагаре.

– ...

Нагаре старался не смотреть на Кей, он внимательно изучал своих бумажных журавликов. Ни Нагаре, ни Кей не произнесли ни слова, молчание между ними с каждой минутой становилось все более напряженным. Котаке замерла.

Казу вернулась на кухню и начала готовить кофе. Она поместила фильтр в воронку и налила горячую воду из котла. Поскольку в кафе стояла полная тишина, было легко понять, что Казу делала, даже если она нахо-

дидась вне поля зрения. Вскоре горячая вода в колбе закипела. Через несколько минут запах свежего кофе наполнил маленький зал. Как будто разбуженный этим ароматом, Нагаре поднял глаза.

– Прости меня, Нагаре, – пробормотала Кей.

– За что? – спросил он, все еще рассматривая бумажных журавликов.

– Завтра я поеду в больницу.

– ...

– Я... меня... госпитализируют, – проговорила Кей каждое слово, как будто пыталась смириться с мыслью, которую по-прежнему не хотела принимать.

– Честно говоря, всякий раз, когда я попадаю в больницу, я представляю, что никогда больше не вернусь домой. Я не смогла принять это решение...

– Понятно, – Нагаре крепко сжал кулаки.

Кей подняла подбородок и уставилась в стену невидящим взглядом.

– Но, похоже, я больше так не выдержу... – сказала она и разрыдалась.

– ...

Нагаре молча слушал.

– Это предел для моего тела...

Кей положила руку на живот, который еще не увеличился ни на сантиметр.

– Похоже, что рождение этого ребенка отнимет у меня все... – сказала она с кривой усмешкой. Что касается возможностей ее тела, она знала их лучше, чем кто-либо другой.

– Вот почему...

Кей сказала, что поедет в больницу. Нагаре посмотрел на нее.

– Хорошо... – это все, что он мог ответить.

– Кей, дорогая...

Котакэ впервые видела Кей такой расстроенной. Как медсестра она понимала опасность, которая грозит Кей, если она решится родить этого ребенка. Ее тело уже было на пределе, а ведь еще даже не начался токсикоз. Если бы она выбрала прерывание беременности, ни у кого бы язык не повернулся ее осудить, но Кей решила рожать.

– Мне и правда очень страшно... – тихо произнесла Кей. – Интересно, будет ли мой ребенок счастлив... – сказала она, аккуратно положив руку на живот.

– Будет ли тебе одиноко без меня? Ты будешь плакать? – Кей, как обычно, разговаривала с малышом в животе. – Возможно, я смогу только выносить тебя, малыш. Ты простишь меня? – Кей прислушалась, но ответа

не последовало.

– ...

По ее щеке поползла слеза.

– Мне страшно... Мысль о том, что я не буду рядом со своим ребенком, пугает меня... – сказала Кей, глядя в упор на Нагаре.

– Я не знаю, что мне делать. Я хочу, чтобы мой ребенок был счастлив... Как может такое простое желание быть таким страшным? – плакала она.

– ...

Нагаре не ответил. Он просто смотрел на бумажных журавликов на стойке.

Хлоп

Женщина в платье закрыла свой роман. Она еще не закончила его. Белая закладка с привязанной к ней красной лентой лежала между страницами. Услышав, как захлопнулась книга, Кей взглянула на женщину в платье, а женщина в платье пристально посмотрела на Кей.

– ...

Не отрывая взгляда от Кей, женщина в платье ласково подмигнула. Затем она плавно встала с места. Как будто она хотела что-то сказать Кей этим подмигиванием. Но женщина просто прошла позади Нагаре и Котаке и исчезла в туалете.

Ее место –

то самое

место – теперь было свободно.

– ...

Кей стала приближаться к стулу, как будто что-то тянуло ее туда. Потом, подойдя к

тому самому

месту, она остановилась.

– Казу... ты не могла бы приготовить кофе? – позвала она слабым голосом.

Услышав голос Кей, Казу высунула голову с кухни. Когда она увидела, что Кей стоит рядом с тем местом, она не сразу поняла, что творится у нее в голове.

– ...

Нагаре повернулся и посмотрел в спину Кей.

– Брось... Ты ведь не серьезно? – спросил он.

Казу заметила, что женщина в платье исчезла, и вспомнила о сегодняшнем разговоре. Фумико Киёкава спросила ее: «Можно ли отправиться в бу-

дущее?» Намерения Фумико были ясны. Она хотела знать, вернется ли Горо из Америки через три года и поженятся ли они в будущем. Казу сказала, что это «было возможно», но «никто не решился отправиться в будущее».

Конечно, можно было отправиться в будущее. Но не было никакой гарантии, что вы встретитесь там с человеком, ради которого решились на путешествие во времени. Невозможно гарантировать это, потому что никто не знает, что произойдет в будущем. А учитывая, что время путешествия ограничено, шанс встретиться с нужным человеком близок к нулю.

Никто еще не решился отправиться в будущее, потому что *это было бессмысленно.*

Но Кей решила, что ей необходимо попасть туда.

– Всего один взгляд – это все, чего я хочу.

– Держись...

– Если бы я хоть на секунду увидела, этого было бы достаточно...

– Ты серьезно собираешься отправиться в будущее?

Нагаре спросил это в более грубой манере, чем обычно.

– Это все, что я могу сделать...

– Но ты не знаешь, сможете ли вы встретиться там!

– ...

– Какой смысл отправляться туда, если вы не встретитесь?

– Я понимаю это, но...

– ...

Кей умоляюще посмотрела в глаза Нагаре. Но он произнес только одно слово.

– Нет, – отрезал Нагаре, повернулся спиной к Кей и замолчал.

Никогда раньше Нагаре не пытался давить на Кей. Он действительно уважал ее настойчивость и несгибаемость. Он не был так категоричен, даже когда Кей решила поставить свою жизнь на карту, чтобы родить ребенка. Но Нагаре запрещал ей отправляться в это путешествие.

Его беспокоило не только то, удастся ли Кей встретить своего ребенка. Он думал, что если она отправится в будущее и обнаружит, что ее ребенка там не существует, это отнимет у нее последние силы. Именно поэтому Нагаре был так непреклонен.

– ...

Кей стояла перед

тем самым

стулом, слабая, но непоколебимая. Она не могла отказаться от своего решения. Она не собиралась отступить.

– Мне нужно, чтобы ты решила, на сколько лет ты переместишься в бу-

дущее... – внезапно сказала Казу. Она проскользнула перед Кей и убрала чашку кофе, из которой пила женщина в платье.

– Сколько лет? И какой месяц, день и время? – уточнила она свой вопрос.

Затем Казу посмотрела в глаза Кей и кивнула.

– Казу! – строго крикнул Нагаре. Но та проигнорировала его и произнесла со своим фирменным бесстрастным выражением:

– Я запомню. Я позабочусь о том, чтобы вы могли встретиться...

– Казу, милая...

Казу пообещала Кей, что позаботится о том, чтобы ее ребенок был в кафе, когда Кей переместится в будущее.

– Так что тебе не о чем беспокоиться, – подтвердила Казу.

Кей коротко кивнула, глядя ей в глаза.

Казу считала, что ухудшение состояния Кей в последние дни связано не только с развитием беременности, но и со стрессом, который она переживала. Кей не боялась умереть. Ей было страшно от мысли, что ребенок будет расти без нее. Этот страх разрушал ее здоровье и отнимал ее силы. И чем хуже становилось ее здоровье, тем сильнее был страх не выжить, оставить ребенка без матери. Казу боялась, что если Кэй продолжит двигаться по этому порочному кругу, то она истощит себя, и тогда жизни обоих, матери и ребенка, могут оборваться.

В глазах Кей появился проблеск надежды.

(«Я могу встретиться со своим ребенком».)

Это была маленькая, очень маленькая надежда. Кей повернулась, чтобы посмотреть на Нагаре, сидящего за барной стойкой.

– ...

Нагаре мгновение молчал, а затем с коротким вздохом отвернулся.

– Делай что хочешь... – сказал он, разворачивая барный стул так, чтобы быть спиной к Кей.

– Спасибо... – сказала Кей, глядя в спину Нагаре.

– ...

Убедившись, что Кей сможет протиснуться между столиком и стулом, Казу взяла чашку, из которой пила женщина в платье, и исчезла на кухне. Кей глубоко вдохнула, медленно опустилась на стул и закрыла глаза. Котатке молитвенно сложила руки, а Нагаре молча смотрел на бумажных журавликов.

Кажется, Кей впервые увидела, как Казу пошла против воли Нагаре. За пределами кафе Казу редко чувствовала себя комфортно, она почти не раз-

говаривала с незнакомыми людьми. Казу ходила в художественную школу, но Кей никогда не видела, чтобы она общалась с другими студентами. Возвращаясь из университета, она помогала в кафе, а когда кафе закрывалось, уходила в свою комнату, где работала над рисунками.

Рисунки Казу были в стиле гиперреализма. Используя только карандаши, она создавала работы, которые казались такими же реалистичными, как фотографии. Она могла изобразить реальность только такой, какой видела ее сама. Другими словами, она не рисовала ни воображаемого, ни вымышленного. Люди не видят и не слышат реальность настолько объективно, как им кажется. Она искажается их собственными переживаниями, мыслями, обстоятельствами, фантазиями, предрассудками, предпочтениями, знаниями. Знаменитый художник Пабло Пикассо в возрасте восьми лет сделал набросок обнаженного мужчины. В 14 лет он написал реалистичную картину католического причастия. Позже, переживая шок от самоубийства лучшего друга, он создал цикл картин в оттенках синего, которые стали известны как «голубой период». Потом встретил большую любовь и создал яркие и красочные произведения «розового периода». Под влиянием африканских скульптур он увлекся кубизмом. Позже обратился к неоклассическому стилю, продолжал творить в стиле сюрреализма, а потом создал свои знаменитые картины «Плачущая женщина» и «Герника».

Эти работы отражали объективный мир глазами Пабло Пикассо. Они стали проекцией мира, проходящего через фильтр, которым и был сам Пикассо. До сих пор Казу никогда не опровергала и не спорила с мнениями и поступками людей. Это потому, что внешние объекты проходили через фильтр, не содержащий ее собственных чувств. Что бы ни случилось, она не принимала происходящее близко к сердцу. Это было кредо Казу и ее мироощущение.

Так она вела себя со всеми. Ее холодность при обращении с клиентами, желающими вернуться в прошлое, была ее способом сказать:

«Что бы там ни было, но ваши причины вернуться в прошлое – это не мое дело».

Но сейчас все было по-другому. Казу дала обещание. Она подталкивала Кей к путешествию в будущее. Поведение Казу напрямую влияло на будущее Кей. Кей знала, что у Казу должны были быть свои причины вести себя не как обычно. Но она не сразу поняла, что это за причины.

– Сестренка... – Кей открыла глаза на голос Казу. Стоя у стола, Казу держала в руках серебряный поднос с белой чашкой и маленьким серебряным кофейником.

– Ты в порядке?

– Да, я в порядке.

Кей выпрямилась, и Казу молча поставила перед ней кофейную чашку.

(«Сколько лет, отсчитывая с этого момента?»)

Легким наклоном головы она подсказала, что нужно делать.

Кей задумалась на мгновение.

– Хорошо, тогда я хочу, чтобы сейчас было 27 августа, на десять лет вперед... – объявила она. Услышав дату, Казу еле заметно улыбнулась.

– Хорошо, – ответила она. 27 августа было днем рождения Кей. Она подумала, что это была дата, которую ни Казу, ни Нагаре не забудут.

– А время? – спросила Казу.

– 15 часов, – ответила Кей мгновенно.

– Через десять лет, 27 августа, в 15 часов...

– Да, пожалуйста... – сказала Кей, улыбаясь. Казу кивнула и взялась за ручку серебряного кофейника.

– Приступим... – Казу вернулась к обычному хладнокровному поведению.

Кей посмотрела на Нагаре.

– Скоро увидимся... – игриво произнесла она. Нагаре не обернулся.

– Да, ладно, – просто ответил он.

Пока Кей и Нагаре перекидывались словами, Казу подняла кофейник и держала его неподвижно над чашкой.

– Выпей свой кофе до того, как он остынет... – прошептала она.

Кей почувствовала общее напряжение в зале.

Казу начала наливать кофе, узкая черная струйка побежала из носика кофейника, медленно заполняя чашку. Но взгляд Кей был прикован не к чашке, а к Казу. Когда кофе заполнил чашку, Казу заметила взгляд Кей и тепло улыбнулась. Она давала понять:

«Я прослежу за тем, чтобы вы встретились».

Из чашки начал подниматься мерцающий пар. Кей почувствовала, как ее тело становится невесомым, прозрачным, растворяется вместе с паром и полутемным залом кафе.

Раньше Кей с восторгом погрузилась бы в этот опыт, стараясь не пропустить ни минуты этого уникального путешествия, но сейчас все, что ее интересовало, это предстоящая встреча со своим ребенком. Она просто ощущала головокружение и вспомнила свое детство.

У отца Кей Митинори Мацузава тоже было слабое сердце. Когда Кей училась в третьем классе начальной школы, он упал в обморок на работе. После этого он часто лежал в больнице, а год спустя умер. Кей было девять

лет. Она всегда была общительным, веселым и улыбочивым, но в то же время очень чувствительным и ранимым ребенком. После смерти ее отца Митинори что-то изменилось в девочке, ей казалось, что она почернела изнутри. Впервые столкнувшись со смертью, Кей назвала ее темной коробкой. «Если ты однажды забрался в эту коробку, то уже никогда не выберешься наружу», – думала она. Ее отец был заперт в этой ловушке – в этом ужасном и одиноком месте, где ты не можешь ни с кем встретиться. Каждую ночь Кей думала об этом и не могла уснуть. Постепенно улыбка исчезла с лица девочки.

Реакция ее матери Томако на смерть мужа была совсем другой. Улыбка не сходила с ее лица. Она никогда еще не чувствовала себя такой счастливой. Они с Митинори были обычной скучной семейной парой. Томако плакала на похоронах, но с того дня ее лицо никогда не омрачалось. Она улыбалась намного чаще, чем раньше. Кей никак не могла понять, почему ее мать ведет себя так. Однажды она спросила ее: «Почему ты так счастлива, ведь отец умер? Разве тебе не грустно?» Томако, зная, что Кей называла смерть темной коробкой, ответила ей так: «Ну, если твой отец видит нас сейчас из той самой темной коробки, как тебе кажется, о чем он думает?»

Томако, которая испытывала к покойному мужу самые добрые чувства, пыталась исчерпывающе ответить на обвинительный вопрос Кей:

«Почему ты так счастлива?»

«Твой отец ушел в эту коробку не потому, что хотел. На то была своя причина. Он должен был уйти в ту коробку. Если бы твой отец мог видеть, как ты плачешь каждый день, что бы он, по-твоему, подумал?»

Наверное, это бы его расстроило. Ты знаешь, как сильно твой отец любил тебя.

Не кажется ли тебе, что ему было бы больно видеть несчастное лицо того, кого он любил?.. Так почему бы тебе не улыбаться каждый день, чтобы твой отец мог улыбаться из своей коробки? Наши улыбки позволяют твоему отцу улыбаться. Наше счастье позволяет твоему отцу быть счастливым в своей коробке». После такого объяснения глаза Кей наполнились слезами.

Томако крепко прижала Кей к себе и тоже заплакала, позволив себе это впервые со дня похорон.

(«Моя очередь следующая – идти в коробку...»)

Кей наконец поняла, как тяжело было ее отцу. Ее сердце сжалось от мысли о том, что он чувствовал, зная, что его время истекло и он должен покинуть свою семью. Она также впервые поняла всю глубину слов матери и всю глубину ее чувств к мужу.

* * *

Через некоторое время все вокруг начало приобретать знакомые очертания.

...

Кей оказалась в будущем и теперь внимательно осматривала кафе.

Темно-коричневые, блестящие, как оболочка каштанов, толстые опоры и деревянная балка, пересекающая потолок, стены отделаны глиняной штукатуркой со столетней патиной, трое старинных часов... Тусклое освещение окрашивало все кафе в оттенок сепия, и было неясно, день за окном или ночь. Под деревянным потолком медленно и беззвучно вращался вентилятор. Ничто не указывало на то, что Кей прибыла в будущее на десять лет вперед.

Тем не менее отрывной календарь рядом с кассой действительно показывал 27 августа, но ни Казу, ни Нагаре, ни Котаке нигде не было видно.

Вместо них за прилавком стоял мужчина, наблюдавший за Кей.

– Что? – Кей была сбита с толку, увидев человека за стойкой. Она его не знала. Человек был в белой рубашке и черном жилете. Совершенно очевидно, что он работал в кафе. Он не удивился, что Кей внезапно появилась на том самом месте, должно быть, он знал о специальном стуле для путешествий во времени.

Мужчина ничего не говорил, он просто молча смотрел на Кей. Он не обратился к неожиданной гостье, и это свидетельствовало о том, что он здесь не посторонний, – сотрудники кафе вели себя именно так. Через некоторое время мужчина начал со скрипом протирать стакан, который держал в руках. Среднего телосложения и среднего роста, лет тридцати, может, сорока... он выглядел как обычный официант. Его манеры были не самые дружелюбные, а от правой брови до правого уха протянулся большой шрам от ожога, из-за которого мужчина явно комплексовал.

– Эм, извините меня...

Обычно Кей не беспокоило, насколько общительный человек ее собеседник. Она могла завести разговор с кем угодно. Но сейчас Кей была выбита из колеи всем происходящим. Она говорила с мужчиной, как будто была иностранкой, плохо владеющей местным языком.

– А где ваш управляющий?

– ...управляющий?

– Да, управляющий кафе, он здесь?

Человек за стойкой поставил стакан на полку.

– Наверное, это я... – ответил он.

– Что?

– Простите, а в чем дело?

– Правда? Вы управляющий этого кафе?

– Да.

– ...здесь?

– Да.

– ...этого кафе?

– Да.

– Правда?

– Ага.

(«Этого не может быть!»)

Кей в изумлении отпрянула.

Человек за прилавком был шокирован реакцией Кей. Он прекратил работу и вышел из-за стойки.

– Что... а что не так? – мужчина как будто испугался. Кей пришла в ужас от его довольно обычного ответа, и драматизм ее реакции заставил мужчину занервничать.

Кей нужно было разобраться в ситуации. Что случилось за эти десять лет? Она даже представить себе не могла. У нее было столько вопросов к мужчине, но мысли путались, а время уходило. Ее кофе скоро остынет, и

путешествие в будущее окажется напрасным.

Кей собралась с мыслями. Она посмотрела на мужчину, с беспокойством следившего за ней.

(«Я должна успокоиться...»)

– Эм...

– Да?

– А что насчет предыдущего управляющего...

– Предыдущего управляющего?

– Знаете... очень большой парень, с узкими глазами...

– А, Нагаре...

– Точно!

По крайней мере, он знал Нагаре. Кей наклонилась вперед.

– Ну, Нагаре сейчас на Хоккайдо.

– Хоккайдо?..

– Да.

Кей моргнула в изумлении – ей нужно было еще раз это услышать.

– Что? Хоккайдо?

– Да.

– ...

Кей почувствовала головокружение.

(???)

Все вышло не так, как она планировала. С тех пор как она познакомилась с Нагаре, он никогда ничего не упоминал о Хоккайдо.

– Но почему?

– Ну, я не могу ответить... – сказал мужчина, беспокойно потерев лоб над правой бровью.

– ...

Кей была очень взволнована. Какая-то бессмыслица!

– О, вы собирались встретиться с Нагаре?

Не догадываясь о цели визита Кей, он сделал ошибочное предположение.

– ...

У Кей пропало всякое желание отвечать. Она была раздавлена осознанием того, что ее путешествие оказалось бессмысленным, и не понимала, что теперь делать. Когда Кей совсем пала духом, мужчина внезапно спросил:

– Тогда вы пришли встретиться с Казу?

– Да, точно!

Как она могла забыть! Она сосредоточилась на том, чтобы расспросить мужчину об управляющем кафе, но забыла самое важное. Ведь это Казу подтолкнула ее к тому, чтобы отправиться в будущее; это она дала обещание. Неважно, был ли Нагаре на Хоккайдо. До тех пор пока Казу здесь, ситуация была под контролем. Кей пыталась сдержать бурю эмоций.

– И что же Казу? – быстро переспросила она.

– А?

– Казу! Казу здесь?

Если бы мужчина стоял ближе, Кей, вероятно, схватила бы его за рубашку.

– !

Мужчина отреагировал на ее натиск, отступив на пару шагов назад.

– Она здесь или нет?

– Эм, видите ли... – Мужчина отвел глаза, смущенный напором Кей.

– Дело в том... что Казу...

– ...

– ...она тоже на Хоккайдо, – осторожно и лаконично ответил он.

(«Вот и все...»)

Ответ мужчины полностью разрушил ее надежды.

– О боже, даже Казу здесь нет?!

Мужчина с тревогой смотрел на Кей. Она выглядела так, будто полностью утратила присутствие духа.

– С вами все в порядке? – спросил он.

Кей бросила на мужчину взгляд, означающий: «Разве не видно?» – но он, конечно, понятия не имел о ее переживаниях и поэтому ни о чем не догадался.

– Да, я в порядке... – отрезала она.

– ...

Мужчина в смятении поклонился и отошел назад за барную стойку.

Кей погладила живот.

(«Я не знаю почему, но если эти двое на Хоккайдо, то мой ребенок, должно быть, вместе с ними на Хоккайдо... Не похоже, что мне удастся с ним встретиться...»)

Кей опустила голову. Жизнь похожа на азартную игру. Если бы удача улыбнулась ей, они бы встретились. Кей знала это. Если бы встречаться с людьми в будущем было так просто, то все бы пытались это сделать.

Например, если бы Фумико Киёкава и Горо пообещали друг другу

встретиться в кафе через три года, то, конечно, они могли бы встретиться. Но для этого Горо должен был сдержать обещание и прийти в кафе. Но ведь он мог попытаться приехать на машине и застрять в пробке или решить пойти пешком и не попасть в кафе из-за дорожных работ. Его могли остановить и спросить дорогу, или он мог просто сбиться с пути. Мог внезапно начаться проливной дождь или даже стихийное бедствие. Он мог заснуть или перепутать время встречи. Другими словами, будущее никак нельзя предугадать.

Неважно, по какой причине Нагаре и Казу были на Хоккайдо, так далеко от кафе. Все эти пробки, дорожные работы и еще множество непредвиденных обстоятельств могли коснуться и их, даже если бы они были в одной остановке отсюда.

Предположим, когда Кей вернется в прошлое, она расскажет, что не застала в кафе Нагаре и Казу, но это не изменит того, что Нагаре и Казу были на Хоккайдо. Кей знала правило. Ей просто не повезло. Обдумав все это, Кей медленно выдохнула и собралась. Она взяла чашку и сделала маленький глоток. Кофе все еще был довольно теплый. Кей умела управлять своим настроением. Это был еще один из

талантов Кей жить счастливо.

Да, жаль, что она не смогла встретиться со своим ребенком, но такова судьба. Кей сделала все от нее зависящее, и ей удалось отправиться в будущее. Она не сердилась на Казу и Нагаре. У них, конечно, была веская причина. Она не допускала и мысли, что они не сделали все возможное, чтобы встретиться.

(«Данное мне обещание было выполнено несколько минут назад. Я здесь, десять лет спустя. Это мне не помогло, но ничего не поделаешь. Когда я вернусь назад, я могу сказать им, что мы встретились...»)

Кей потянулась за сахарницей.

Дзинь-дзинь

Только она собралась добавить сахар в свой кофе, как на двери зазвенел колокольчик. По инерции она открыла рот, чтобы произнести: «Привет, добро пожаловать!» – но мужчина сказал это раньше нее.

Кей прикусила губу и посмотрела на вход.

– О, это ты, – сказал мужчина.

– Привет, я вернулась, – ответила девочка-школьница.

Девочка выглядела лет на четырнадцать-пятнадцать. Она была одета в летнюю одежду: белую рубашку с короткими рукавами, джинсовые брюки и сандалии на шнурках. Волосы были аккуратно собраны в хвостик, сцеп-

ленный красной заколкой.

(«О... это же девушка из того дня...»)

Увидев лицо девочки, Кей сразу узнала ее. Это была девушка, которая прибыла из будущего и попросила сфотографироваться вместе. Тогда она была одета в зимнюю одежду, и ее волосы были коротко стрижены, поэтому она выглядела немного по-другому. Но Кей хорошо запомнила большие красивые глаза девушки.

(«Ну вот мы и встретились вновь...»)

Кей кивнула своим мыслям и сложила руки. Она подумала, что тогда это была странная встреча, но теперь она обрела смысл...

– У нас ведь есть совместная фотография, не так ли? – спросила Кей девочку, стоящую у входа в кафе.

На лице девочки отразилось недоумение.

– Простите, о чем вы говорите?

Кей сразу поняла свою ошибку.

(«О, конечно...»)

Девушка должна прийти после этой встречи.

«У нас ведь есть совместная фотография, не так ли?»

сейчас звучит абсолютно бессмысленно.

– О, забудь, что я сказала, ничего страшного... – произнесла Кей, улыбаясь девочке. Но та казалась совершенно спокойной. Она вежливо кивнула и исчезла в подсобном помещении.

(«Ну вот, мне уже гораздо лучше».)

Кей погладила себя по животу и лучезарно улыбнулась девочке, направлявшейся в подсобку. Теперь она чувствовала себя намного счастливее. Она пришла в будущее, чтобы найти Казу и Нагаре, которых там не оказалось, а вместо них встретила незнакомого мужчину. Она впала в уныние от перспективы вернуться домой, так и не осуществив ничего из задуманного. Но все изменилось, когда появилась эта девочка...

Кей дотронулась до своей чашки, чтобы убедиться, что кофе еще теплый.

(«Мы должны подружиться, пока не остыл кофе».)

Кей подумала об этом с воодушевлением – дружба между людьми с разницей больше десяти лет.

Девочка вернулась в зал.

(«Так...»)

Она держала в руке фартук винно-красного цвета.

(«Это фартук, который надевала я сама!»)

Кей не забыла о своей главной цели. Но она не была из тех, кто упускает реальные возможности в погоне за призрачной мечтой. Кей резко изменила свои планы, чтобы подружиться с этой интересной девочкой. Мужчина выглянул из кухни и посмотрел на девочку в фартуке.

– О, тебе не обязательно сегодня помогать. В конце концов... У нас всего один клиент, – сказал он.

Но девочка ничего не ответила и встала за барной стойкой.

– ...

Мужчина ушел обратно на кухню. Девочка начала ловко протирать стойку.

(«Эй! Посмотри же сюда!»)

Кей отчаянно пыталась привлечь внимание девочки, жестикулируя и раскачиваясь влево и вправо, но та ни разу не взглянула на нее.

(Если она помогает здесь, возможно, она дочь управляющего?)

Мысли Кей лились беззаботно.

Бип-бип-бип-бип-бип-бип-бип... Бип-бип-бип-бип-бип-бип-бип-бип.

Прерывистый звук телефона раздался из подсобки.

«Я слушаю...» – Кей с трудом поборол желание ответить на телефонный звонок, его звук не изменился за десять лет.

(«О... Будь осторожна... Ты на грани...»)

Она едва не нарушила правило не покидать то самое место. Это грозило бы ей немедленным возвращением обратно в настоящее.

Мужчина вышел из кухни, сказав: «Я возьму», – и направился в подсобку ответить на звонок. Кей провела ладонью по лбу и вздохнула с облегчением. Она слышала, как мужчина говорит по телефону:

– Да, алло?... О, привет! Да, она... Ах, да... Ладно, подожди... Я принесу ей...

Мужчина быстро вышел из подсобки.

(«Хмм?»)

Он принес телефон Кей.

– Это вас... – сказал он, вручая ей трубку.

– Меня?

– Это Нагаре.

– Что?

– Он сказал передать вам трубку.

Услышав имя Нагаре, Кей быстро забрала телефон из рук мужчины.

– Привет! Почему ты на Хоккайдо? Можешь объяснить мне, что происходит? – спросила она громко, так что ее было слышно во всех уголках кафе.

Мужчина, все еще ничего не понимая, в замешательстве вернулся на кухню.

– Алло? – девочка вообще не реагировала, будто была невосприимчива к громкому голосу Кей. Она просто продолжала заниматься своей работой.

– Что? У тебя нет времени? Это у меня нет времени!

Пока она говорила, кофе остывал.

– А? Я тебя почти не слышу! Что? – Кей держала трубку у левого уха, зажимая правое ухо рукой. В трубке стоял ужасный шум, и услышать что-либо было почти невозможно.

– Что? Девочка-школьница? – переспросила она Нагаре. – Да, она здесь. Она приходила в кафе около двух недель назад; она пришла из будущего, чтобы сфотографироваться со мной.

Кей посмотрела на девочку.

– Да, да. Так что насчет нее? – спросила Кей, продолжая глядеть на девочку, которая, избегая ее взгляда, теперь стояла неподвижно. Она определенно нервничала.

(«Интересно, почему она так напряжена?»)

Кей вскользь подумала об этом. Это заинтересовало ее, но все внимание было сосредоточено на важном разговоре с Нагаре.

– Я плохо слышу, что ты говоришь. А? Что? Эта девочка?

Наша дочь.

В этот момент средние настенные часы начали звонить – дзинь, дзинь... десять раз.

– !

Именно тогда Кей наконец поняла, что это было за время. Она прибыла в будущее не в 15 часов. Было 10 часов утра. Улыбка исчезла с лица Кей.

– О, ладно... Хорошо, – ответила Кей слабым голосом. Она нажала на

отбой и положила трубку на стол.

— ...

Кей с нетерпением ждала разговора с девочкой. Но теперь ее лицо было бледным и напряженным. Девочка тоже прекратила свою работу, она выглядела испуганной. Кей медленно протянула руку к чашке, чтобы проверить температуру кофе. Он все еще был теплым. У нее еще оставалось время, пока не остыл кофе.

— ...

Кей повернулась и снова посмотрела на девочку.

(«Мой ребенок...»)

Она внезапно осознала, что прямо сейчас находится лицом к лицу со своей дочерью. Слова Нагаре было трудно слышать из-за помех, но он все объяснил, и она поняла его:

«Ты собиралась отправиться в будущее на десять лет вперед, но произошла какая-то ошибка, и ты отправилась на 15 лет вперед. Похоже, возникла путаница между 10 годами 15 часами и 15 годами 10 часами. Мы узнали об этом, когда ты вернулась из будущего, но сейчас мы на Хоккайдо, я не буду объяснять почему, у тебя нет времени на это. Девочка, которую ты видишь перед собой,

—

наша дочь. У тебя осталось мало времени, так что просто хорошенько посмотри на нашу взрослую, здоровую и прекрасную дочь и возвращайся домой».

Сказав все это, Нагаре, должно быть, забеспокоился о времени, оставшемся у Кей, и просто повесил трубку. Когда Кей поняла, что видит перед собой дочь, она вдруг осознала, что не может найти слов для разговора с ней.

Она испытала тревогу и сожаление.

Она сожалела о том, что девочка с самого начала знала, что Кей ее мать, а Кей не понимала, что видит свою дочь. Условия были неравными. Кей внезапно услышала тиканье настенных часов, хотя до сих пор не обращала на него никакого внимания. Казалось, будто часы говорили ей: «Тик-так, тик-так, твой кофе остывает!» Конечно, у нее уже не оставалось времени. Но Кей видела печальное выражение лица девочки, которое и было ответом на ее незаданный вопрос:

«Ты можешь простить меня за то, что я дала тебе жизнь, но не смогла остаться и прожить ее с тобой?»

И это разбивало сердце Кей. Она лихорадочно обдумывала, что ей сказать.

– Как тебя зовут? – спросила она.

Девочка только молча склонила голову. Повисла неловкая пауза.

– ...

Кей истолковала молчание девочки как еще одно доказательство того, что дочь осуждала ее. Не в силах больше выдерживать это молчание, Кей тоже склонила голову. И тогда...

– Мики... – назвала девочка свое имя тихим грустным голосом.

Кей так много хотелось у нее спросить. Но услышав печальный голос Мики, она подумала, что та не хочет с ней разговаривать.

Все, что она смогла ответить, было:

– Мики, какое милое имя...

– ...

Мики ничего не сказала. Она посмотрела на Кей так, будто ей не понравилась ее реакция, и быстро пошла в подсобку. В тот момент мужчина высунул голову с кухни.

– Мики, ты в порядке? – позвал он ее, но девочка проигнорировала его и исчезла в подсобке.

Дзинь-дзинь

– Здравствуйте, добро пожаловать!

В тот момент, когда прозвучало приветствие мужчины, в кафе вошла женщина. Она была одета в белую блузку с короткими рукавами, черные брюки и винно-красный фартук. Должно быть, она бежала под палящим солнцем, потому что учащенно дышала.

– О боже! – Кей узнала ее.

Глядя на запыхавшуюся женщину, Кей впервые явственно осознала, что прошло пятнадцать лет. Это была Фумико Киёкава, женщина, которая еще утром спрашивала Кей: «Ты в порядке?» Тогда Фумико была худенькой, а теперь сильно располнела.

Фумико заметила отсутствие Мики.

– Где Мики? – жестко спросила она мужчину.

Фумико, должно быть, знала, что Кей появится сегодня. Она торопилась. Очевидно, что мужчина был задет реакцией Фумико.

– Там... – ответил он, кивнув на подсобку. Он все еще не понимал ситуацию до конца.

– Почему? – взорвалась Фумико, стукнув рукой по стойке.

– Э-э-э-э... Что-что? – переспросил он без намека на оправдания. Муж-

чина потер шрам над правой бровью, не понимая, в чем его обвиняют.

– Я не могу поверить... – ахнула Фумико, глядя на мужчину. Но она не собиралась его укорять. Она сама чувствовала себя виноватой в том, что опоздала на такое важное событие.

– Так это ты присматриваешь за кафе? – спросила Кей еле слышно.

– Да... – ответила Фумико, переведя взгляд на Кей.

– Ты говорила с Мики? – спросила Фумико. Кей стало неудобно от этого прямого вопроса.

– ...

Кей потупила взор.

– Ты правильно с ней говорила? – спросила Фумико.

– Я не знаю... – сказала Кей неуверенно.

– Я пойду и позову ее.

– Нет, не надо! – твердо сказала Кей, останавливая Фумико, уже направлявшуюся в подсобку.

– Почему?

– Достаточно... – с усилием произнесла Кей.

– ...

– Мы видели лица друг друга.

– О, да ладно тебе...

– Не похоже, чтобы она хотела со мной встретиться...

– Но она этого хочет! – воскликнула Фумико, в ее голосе слышался упрек в адрес Кей.

– Мики и правда очень хотела познакомиться с тобой. Она с нетерпением ждала этого дня...

– Я просто думаю, что причинила ей столько боли...

– Конечно, у нее были тяжелые времена, – похоже, Фумико говорила правду о том, что Мики с нетерпением ждала этого дня, потому что не приукрашивала, честно упомянула и о том, что в жизни девочки не все гладко.

– Я так много думала...

Кей потянулась за чашкой кофе. Фумико наблюдала за ней.

– Значит, ты просто вернешься назад, оставив все как есть? – сказала она, уже понимая, что не сможет переубедить Кей.

– Не могла бы ты просто сказать ей, что я прошу прощения?..

Услышав эти слова, Фумико вдруг помрачнела.

– Но... – сказала она, приближаясь к Кей. – ...но я думаю, что ты ошибаешься. Ты сожалешь, что родила Мики? Разве ты не понимаешь, что извинения могут означать лишь то, что ты считаешь ошибкой ее рождение?

«Я еще не родила ее. Я не сделала этого. Но у меня нет никаких сомнений в верности этого решения».

Кей отрицательно покачала головой в ответ на вопрос Фумико.

– ...

Увидев реакцию Кей, Фумико сказала:

– Позволь мне позвать Мики.

У Кей не было сил возражать.

– Я схожу за ней.

Фумико скрылась в подсобке, не дожидаясь ответа Кей. Она тоже прекрасно понимала, что времени у той осталось совсем мало.

– Эй, Фумико... – мужчина последовал за ней в подсобку.

(«Боже, что мне делать?»)

Оставшись одна в зале, Кей уставилась на чашку кофе перед собой.

(«Фумико права. Но от этого мне еще сложнее подобрать слова для Мики...»)

Вскоре из подсобки появилась Мики; Фумико держала ее руками за плечи.

– ...

Глаза Мики были устремлены в пол, а не на Кей.

– Давай, дорогая, не трать время впустую... – сказала Фумико.

(«Мики...»)

Кей хотела произнести ее имя вслух, но голос не слушался ее.

– Хорошо, тогда... – Фумико аккуратно убрала руки с плеч Мики, быстро взглянула на Кей, а затем тихо отступила назад в подсобку.

– ...

Даже после того как Фумико ушла, Мики продолжала молча смотреть в пол.

(«Мне нужно сказать тебе кое-что...»)

Кей убрала руку с чашки и выдохнула.

– У тебя все хорошо? – спросила она.

Мики слегка приподняла голову и посмотрела на Кей.

– Да, – сказала она спокойным, ровным голосом.

– Ты здесь помогаешь?

– Да.

Мики отвечала односложно. Кей стоило огромных усилий продолжать

разговор.

– Нагаре и Казу на Хоккайдо?

– Да.

Мики избегала встречаться взглядом с Кей. Каждый ответ она давала все тише и тише. Похоже, она не очень хотела разговаривать. Стараясь не думать об этом, Кей спросила Мики:

– Почему ты осталась здесь?

(«Ой...»)

Как только этот вопрос слетел с ее губ, Кей пожалела, что задала его. Когда она поняла, что ждет ответа, что Мики хотела встретиться с ней, она осознала, насколько бестактным был такой откровенный вопрос. Кей смущенно потупилась. Но потом заговорила Мики.

– Понимаешь... – начала она мягким голосом, как будто собираясь сказать что-то важное. – Я готовлю кофе для людей на этом месте...

– Готовишь кофе?

– Да, как это всегда делала Казу.

– Ого!

– Теперь это моя работа.

– Правда?

– Да.

– ...

На этом разговор оборвался. Похоже, Мики не знала, что еще сказать, и снова опустила глаза. Кей тоже не могла найти нужных слов, но хотела спросить одну вещь.

(«Дать тебе жизнь – вот все, что я сделала для тебя. Ты можешь простить меня за это?»)

Но как она могла рассчитывать на прощение? Девочка испытала столько боли. А Кей, решившая поговорить с ней для собственного успокоения, почувствовала себя эгоисткой.

(«Было бы лучше, если бы я никогда не отправлялась сюда...»)

Понимая, что ей становится все труднее смотреть на Мики, Кей перевела взгляд на свой кофе.

Пар больше не поднимался над чашкой. Это означало, что совсем скоро время Кей подойдет к концу.

(«Зачем я пришла сюда? Был ли смысл отправляться в будущее? Теперь»)

все кажется таким бессмысленным. Единственное, что вышло из этого,

—

еще больше страданий для Мики. Когда я вернусь в прошлое, как бы я ни старалась, это не изменит судьбы Мики. Этого нельзя изменить. Котаке вернулась в прошлое, но это не вылечило Фусаги. И Хирай не смогла спасти свою сестру от аварии».)

У Фусаги, мужа Котаке, была болезнь Альцгеймера. В течение последних нескольких лет он постепенно терял память и начал называть Котаке по девичьей фамилии. В прошлом месяце все воспоминания о Котаке, казалось, начисто стерлись из его памяти. Котаке приняла решение ухаживать за ним как медсестра, но узнав о существовании письма, которое Фусаги не отважился ей передать, она вернулась в прошлое, чтобы получить это письмо.

Хирай вернулась в прошлое, чтобы встретиться со своей сестрой Куми, погибшей в автомобильной аварии. Куми много раз приезжала в Токио поведаться с Хирай, чтобы убедить ее вернуться к родителям назад. Но в итоге Куми покинула этот мир, так и не успев вернуть Хирай домой. Накануне аварии Хирай нарочно спряталась от Куми. Котаке и Хирай вернулись в прошлое, но настоящее не изменилось. Просто Котаке нужно было получить письмо, а Хирай – встретиться с сестрой. Болезнь Фусаги продолжает прогрессировать, а Хирай больше никогда не увидит свою сестру.

(«То же самое и у меня. Я ничего не могу сделать, чтобы изменить эти пятнадцать лет, принесшие Мики столько боли...»)

Она попала в будущее, как хотела, но это ничего не меняло. Кей ощущала отчаяние.

— Я не могу позволить, чтобы мой кофе остыл... – сказала Кей, протянув руку к чашке.

(«Время возвращаться назад...»)

В этот момент она услышала приближающиеся громкие шаги. Мики, стоявшая у входа в подсобку, внезапно подошла к ней на расстояние вытянутой руки.

— !

Кей поставила чашку на стол и посмотрела на Мики.

(«Мики...»)

Кей не знала, о чем думает Мики. Но она не могла оторвать глаз от ее лица. Мики стояла так близко, что Кей могла прикоснуться к ней. Девочка

глубоко вздохнула.

– Сейчас... – начала она дрожащим голосом.

– ?

– ...ты думаешь, я не хотела увидеться с тобой?.. Все совсем не так...

Кей слушала ее, затаив дыхание.

– Я всегда думала, что если мы встретимся, мне захочется так много сказать тебе...

Кей тоже хотела о многом спросить Мики.

– Но когда это действительно произошло, я не могла найти слов.

– ...

Кей тоже не знала, что сказать. Она боялась узнать, что чувствовала сейчас Мики. Она не могла выразить словами то, о чем хотела спросить.

– И да... иногда мне было грустно...

Кей понимала это. Мысль о том, что Мики была совершенно одинокой, разрывала ее сердце.

(«Я не могу изменить твои годы, прожитые без матери».)

– Но...

– ...

Мики робко улыбнулась, сделав шаг поближе.

– Я очень благодарна тебе за жизнь, которую ты мне подарила.

Нужна была смелость, чтобы произнести это. Голос Мики срывался, Кей слышала в нем все, что чувствует ее дочь.

(«Но...»)

Из глаз Кей брызнули слезы.

(«Но рождение – это единственное, что я смогла для тебя сделать...»)

Мики заплакала. Вытирая слезы обеими руками, она нежно улыбнулась матери.

– Мама, – она сказала это дрожащим голосом, но Кей ясно услышала это.

Мики назвала ее «мама».

(«Но я ничего тебе не дала...»)

Кей закрыла лицо обеими руками. Она плакала, ее плечи дрожали.

– Мама...

Вновь услышав это слово, Кей вдруг вспомнила. Скоро настанет мо-

мент прощания.

– Что? – Кей подняла лицо и улыбнулась, отвечая взаимностью на чувства Мики.

– Спасибо тебе... – сказала Мики, широко улыбаясь. – Спасибо за то, что ты родила меня... Спасибо тебе... – Мики посмотрела на Кей и быстро подняла два пальца в виде знака победы.

– Мики...

– Мама...

В этот момент сердце Кей пело от счастья, она была матерью девочки, стоящей перед ней. Слезы текли по щекам Кей.

(«Я наконец-то чувствую это».)

Настоящее не изменилось для Котаке, но ее отношение к Фусаги стало другим. Она осталась его женой, даже когда исчезла из его памяти. Хирай отказалась от своей привычной жизни, но снова обрела семью.

(«Настоящее не меняется».)

Ничего не изменилось для Фусаги, но Котаке смогла снова стать его женой и общаться со своим мужем. Куми больше не было в живых, но Хирай вернула себе родителей и многому научилась, осуществляя мечту сестры. Настоящее не изменилось, но те, кто вернулся в прошлое, изменились сами. Котаке и Хирай вернулись в настоящее другими, и это изменило их жизнь.

Кей медленно закрыла глаза.

(Я была настолько поглощена мыслями о том, чего не могу изменить, что забыла о самом главном.)

Фумико была рядом с Мики все эти пятнадцать лет.

Нагаре был рядом с Мики как ее отец, наполняя ее жизнь любовью за двоих – за себя и за Кей. Казу была для Мики лучшей старшей сестрой. Кей поняла, как много людей любили и оберегали Мики все эти пятнадцать лет.

(«Спасибо тебе за то, что ты выросла счастливой. За то, что ты такая красивая... Ты сделала мне подарок... Это все, что я хочу тебе сказать... это то, что я чувствую...»)

– Мики...

Сквозь слезы Кей улыбнулась дочери самой счастливой улыбкой.

– Спасибо, что ты родилась у меня...

* * *

Лицо Кей по возвращении из будущего было мокрым от слез. Но всем было ясно, что это не слезы грусти. Нагаре вздохнул с облегчением, а Котакэ разрыдалась. Казу улыбнулась такой счастливой улыбкой, как будто своими глазами видела все, что произошло в будущем.

– С возвращением домой, – сказала она.

На следующий день Кей согласилась лечь на обследование в больницу. Весной следующего года на свет появилась здоровая и счастливая девочка.

В журнальной статье о городской легенде писали:

«Возвращается ли человек в прошлое или же отправляется в будущее, настоящее все равно не меняется. В чем же тогда смысл этих путешествий?»

У Казу есть ответ на этот вопрос:

«Что бы ни происходило с вами сегодня, помните, что человек может преодолеть все... И если прошлое может изменить ваши мысли, чувства, вас самих для настоящего, смысл есть».

Но она просто скажет вам с бесстрастным выражением лица: «Выпейте свой кофе, пока он не остыл».

* Эта история является произведением художественной литературы. Она не имеет никакого отношения к реальным людям, кафе, организациям и т. д.

Об авторе

Тосикадзу Кавагути – драматург и театральный режиссер, автор широко известных пьес и спектаклей «Пара», «Песня рассвета» и «Время семьи». «Пока не остыл кофе» – первый роман Тосикадзу Кавагути, он основан на одноименной пьесе, занявшей первое место на 10-м театральном фестивале Сигунами.